В. А. ФЁДОРОВ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СССР ДЛЯ СЕМИНАРСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

(ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА)

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

Допущено Министерством высшего
и среднего специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов исторических факультетов
государственных университетов
и педагогических институтов



МОСКВА · «ВЫСШАЯ ШКОЛА» · 1974

9(С)16
Ф33

Рецензенты:

кафедра истории СССР дооктябрьского периода исторического факультета Ростовского государственного университета; доктор исторических наук *Е. В. Чистякова.*

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЁДОРОВ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СССР ДЛЯ СЕМИНАРСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

(Период капитализма — I половина XIX века)

Редактор Н. А. Филоненко. Художник А. Е. Коленков. Художественный редактор Т. А. Коленкова. Технический редактор З. А. Муслимова. Корректоры Н. Д. Макейкина, Е. К. Штурм.

А—08383 Сдано в набор 2/II 1974 г. Подп. к печати 20/VIII 1974 г. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бум. тип. № 2. Объем 8,5 печ. л. Усл. п. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,52. Изд. № ИСТ—94. Тираж 26000 экз. Зак. 104. Цена 62 коп.

План выпуска литературы издательства «Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1974 г. Позиция № 36

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14. Издательство «Высшая школа».

Типография им. Анохина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Карельской АССР, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Фёдоров В. А.

Ф33 Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период капитализма). Первая половина XIX века. Учеб. пособие. М., «Высш. школа», 1974.

272 с.

В Сборник включены документы по таким крупным проблемам истории России в первой половине XIX в., как крестьянство и крестьянский вопрос, Отечественная война 1812 г., освободительное движение и общественная мысль.

Ответственный редактор серии сборников документов по периоду капитализма проф., чл.-корр. АПН СССР *И. А. Федосов.*

Ф $\frac{10604-204}{001(01)-74}$ 36—74 9(С)16

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий Сборник включает документы и материалы, посвященные истории России в первой половине XIX в. В книге нашли отражение важнейшие проблемы эпохи: крестьянство и крестьянский вопрос в России в первой половине XIX в.; Отечественная война 1812 г. и освободительный поход русской армии в 1813—1814 гг.; революционное движение и общественная мысль.

Крестьянство и крестьянский вопрос занимали главное место в социально-экономическом развитии страны, политике правительства и идейной борьбе того времени. Отечественная война 1812 г. и заграничный поход русской армии в 1813—1814 гг.— события не только первостепенного военного значения. Они кардинально изменили расстановку сил на внешнеполитической арене. Война 1812 г. серьезно потрясла феодальные основы России, дала сильнейший толчок росту общественного движения, явилась важным фактором идейного формирования декабристов, которые называли себя «детьми 1812 года». Велика ее роль в росте национального самосознания, в развитии русской национальной культуры. Исключительно важное значение в истории России первой половины XIX в. имеет возникновение освободительного движения, первый (дворянский) период которого совпадает с избранными хронологическими рамками данного Сборника.

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие России в указанный период определялось формированием капиталистических отношений и все бóльшим разложением крепостного хозяйства. Этот двуединый процесс начался еще в XVIII в., а в первой половине XIX в. происходило его дальнейшее развитие и завершение. Первая половина XIX в. для России является важным этапом перехода от феодализма к капитализму. Особенно выделяются 30—50-е годы, когда конфликт между феодальными и развивающимися капиталистиче-

скими отношениями достиг наибольшей остроты и создались объективные условия для ликвидации крепостного права.

Глубина и степень указанных процессов определялись в конечном счете уровнем развития производительных сил. Рост производительных сил как в промышленности, так и в сельском хозяйстве происходил не столько за счет новых технических достижений, внедрения их в народное хозяйство, сколько за счет роста общественного разделения труда, хозяйственной специализации районов, образования новых форм организации труда, совершенствования трудовых навыков непосредственного производителя.

В разложении феодальной формации и генезисе капитализма в России огромную роль играли процессы, происходившие в деревне, в первую очередь — в крестьянском хозяйстве. Россия была аграрной страной. Крестьянство составляло более $^{9}/_{10}$ ее производительного населения и служило основным источником формирования новых социальных сил общества — пролетариата и буржуазии.

В первой половине XIX в. происходят определенные сдвиги в сфере сельского хозяйства: интенсивно осваиваются юг Украины, степное Предкавказье и Заволжье, внедряются новые сельскохозяйственные культуры — виноград, подсолнечник, сахарная свекла, расширяются посевы льна и картофеля, вводятся плодопеременная система земледелия и травосеяние. В конце XVIII — начале XIX в. возникают отдельные очаги и центры торгового земледелия, свидетельствующие о складывании капиталистических отношений в сельском хозяйстве: в степной части юга России и губерниях Нижнего Поволжья создаются центры зернового хозяйства и тонкорунного овцеводства, в Крыму и в Закавказье — центры виноградарства и шелководства, в нечерноземных губерниях — районы торгового льноводства, коноплеводства, хмелеводства, а около крупных городов и промышленных центров — промышленное огородничество.

Растет применение наемного труда в земледелии, расширяется аренда и покупка земли крестьянами. В 50-х годах XIX в. в сельском хозяйстве насчитывалось свыше 700 тыс. наемных рабочих, в том числе 300 тыс. уходило наниматься на сезонные сельскохозяйственные работы в степные районы России, 150 тыс.—

в Заволжье, 120 тыс.— в Прибалтику, а 130—150 тыс. расходились по остальным губерниям страны, особенно в промышленные, с развитым промысловым отходом.

Помещичье и крестьянское хозяйства все более теряли свой натуральный характер, втягиваясь в товарно-денежные отношения, что приобретало важное значение в процессе разложения крепостной системы хозяйства и развитии капиталистических отношений. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права,— писал В. И. Ленин,— было уже предвестником распадения старого режима»[1].

Развитие производительных сил и внедрение в деревню товарно-денежных отношений обусловили также начавшийся процесс социального расслоения крестьянства. С одной стороны, выделяется группа зажиточных, «капиталистых», крестьян, основным источником обогащения которой была торгово-ростовщическая деятельность, с другой,— обедневшие крестьяне, служившие объектом эксплуатации деревенских богатеев. Деревенская верхушка, как правило, занимала командные посты в управлении вотчиной и использовала для своего обогащения и средства внеэкономического принуждения. Образование беднейшей группы крестьянства при крепостном праве было связано не только с новыми социальными процессами, происходившими в деревне, но и с пауперизацией крестьянства под влиянием усиления феодально-крепостнической эксплуатации. Социальное расслоение крестьянства явилось важным фактором «первоначального накопления», т. е. создания необходимых условий для капиталистического способа производства: накопления капитала в руках нарождающейся буржуазии и формирования рынка рабочей силы для капиталистической промышленности и предпринимательского сельского хозяйства.

Соединение земледелия с промысловыми занятиями — характерная особенность развития крестьянского хозяйства в дореформенной России. Именно в этот период происходит интенсивный рост крестьянских неземледельческих промыслов, особенно в центрально-промышленных губерниях. Возникают специализированные торгово-промышленные села и даже целые промысловые

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

округа, в которых земледелие имело уже второстепенное значение или вообще отсутствовало. Крестьянские промыслы служили важной базой для развития крупной капиталистической промышленности.

Торгово-промысловые села играли огромную роль в городообразовании. Важным фактором образования рынка рабочей силы был промысловый отход. Число уходящих на заработки по долгосрочным паспортам в 50-х годах XIX в. составляло около 1,5 млн. человек. В центрально-промышленных губерниях отходники составляли $^{1}/_{3}$ взрослого мужского населения.

Прогрессивное значение отходничества в дореформенной России заключалось в том, что оно подрывало устои крепостного хозяйства: отвлекая крестьян от земледелия к промысловым занятиям, отходничество ослабляло узы, прикреплявшие крестьян к наделу. Оно существенно подрывало и внеэкономическое принуждение: рост отходничества означал увеличение крестьян, выпадавших из сферы крепостного хозяйства и из-под надзора помещика. Современники отмечали, что отход крестьян в города на заработки развивает в отходнике дух самостоятельности, «непокорства» и критического отношения к существующим порядкам, особенно к своему крепостному положению. Подчеркивая прогрессивное значение неземледельческого отхода, В. И. Ленин писал: «Он (отход — *В. Ф.*) вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»[1].

Мелкие товаропроизводители в сфере крестьянских промыслов постепенно теряли свою самостоятельность, попадая в зависимость от скупщика и мануфактуриста. Многие крестьянские промыслы становились составной частью капиталистической мануфактуры. Вместе с тем крупная капиталистическая промышленность способствовала возникновению новых крестьянских промыслов, которые приспосабливались к ее обслуживанию.

В сфере крупной промышленности происходил процесс упадка предприятий, основанных на крепостном труде, дальнейшего развития капиталистической ману-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576—577.

фактуры и превращения ее в капиталистическую фабрику. Переход от мануфактуры к фабрике был связан с промышленным переворотом, начало которого относится, примерно, к 40—50-м, а завершение — к 70—80-м годам XIX в. Так, если в 1831—1840 гг. в русской промышленности было применено машин на 6,9 млн. руб., в 1841—1850 гг.— на 16,6 млн. руб., то в 1851—1860 гг.— на 84,5 млн. руб., в 1861—1870 гг.— на 270 млн. руб. Внедрение и освоение новой техники в промышленности опиралось на многолетнее накопление опыта и трудовых навыков в рамках мелкой промышленности и мануфактуры. С промышленным переворотом были связаны важные социальные изменения: превращение купца-мануфактуриста в промышленного буржуа, а рабочего-надомника — в промышленного пролетария, окончательно порвавшего связь с деревней.

Таким образом, переход от мануфактуры к фабрике знаменовал собой глубский перелом в общественных отношениях. Но фабричное производство заняло господствующее положение лишь в пореформенный период; реформа 1861 г. явилась важным стимулирующим фактором завершения промышленного переворота.

Феодально-крепостнический строй препятствовал развитию производительных сил, мешал росту капиталистических отношений. Однако новое неодолимо развивалось и являлось решающим фактором разложения феодально-крепостнической системы хозяйства. Здесь немаловажное значение имели такие обстоятельства, как: втягивание России в мировой капиталистический рынок, укрепление ее экономических связей с развитыми капиталистическими странами, использование русской промышленностью зарубежной машинной техники.

Во второй трети XIX в. разложение феодально-крепостнических отношений в России переходит в кризис всей феодальной системы, который имел экономическую, социальную и политическую стороны. Первоначально он проявлялся как кризис феодальных производственных отношений, когда дальнейшее развитие помещичьего хозяйства на феодальной основе становилось невозможным. Кульминационным и завершающим моментом кризиса феодализма в России явился период революционной ситуации 1859—1861 гг. и падения крепостного права, означавший наступление кризиса политики господствующего класса, когда он охватил не только базис, но и

надстройку. Кризис крепостничества есть показатель социально-экономического прогресса, ибо прогрессивные тенденции заключались не только в развитии нового, но и в крушении старого.

Несмотря на разложение и кризис феодально-крепостнической системы хозяйства, она продолжала оставаться господствующей вплоть до падения крепостного права. Менее всего была потрясена основа феодализма — феодальная собственность на землю. В. И. Ленин указывал, что крепостничество в России было «более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»[1]. Живучесть крепостничества в России обусловливалась способностью его приспособляться к новым явлениям в экономике страны, возможностью расширять базу феодализма путем распространения феодальных отношений на колонизуемые окраины. Огромную роль здесь играла и политическая надстройка, ставившая своей задачей сохранить монополию феодальной поземельной собственности, власть и привилегии помещиков.

Выражением обостряющегося конфликта между развивавшимися новыми социально-экономическими процессами и феодальным строем являлся рост массового антикрепостнического движения, в первую очередь крестьянского. Крепостное крестьянство представляло основную социальную силу, которая боролась против феодально-крепостнических порядков. В условиях разложения крепостничества и интенсивного развития капиталистического уклада рост крестьянского движения был связан не только с усилением феодальной эксплуатации. Развитие крестьянского хозяйства, укреплявшее экономические позиции крестьянина, постоянно сталкивалось с тормозящим влиянием крепостничества. Крестьянин все сильнее ощущал тяжесть крепостного гнета и все более осознавал необходимость освободиться от него. Сопротивление крестьян усиливалось.

Борьба за свободу занимала ведущее место в крестьянском движении данного периода. При этом понятие «полная воля» в представлениях крестьян не ограничивалось только личной свободой: в содержание его крестьяне вкладывали и отмену всех феодальных повинностей,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 16.

и уравнение их в правах с другими сословиями, и предоставление им земли.

Накануне отмены крепостного права аграрные требования крестьян приобретали особое звучание. В антикрепостнический фронт борьбы включались и другие угнетенные слои населения: крепостные рабочие, солдаты, матросы, военные поселяне, городские низы. Это свидетельствовало об углублении классовых противоречий в стране.

Массовое антикрепостническое движение оказывало значительное воздействие на правительственную политику. Обострение классовой борьбы в деревне в период кризиса крепостничества заставило правительство Николая I непосредственно заняться «крестьянским вопросом», который явился предметом обсуждения многочисленных «секретных комитетов». В. И. Ленин указывал на крестьянские «бунты», возраставшие «с каждым десятилетием перед освобождением», как на одну из важнейших причин падения крепостного права[1].

Крестьянское движение служило социальной базой формирования революционно-демократической идеологии, о чем неоднократно писал В. И. Ленин. Так, критикуя кадетский сборник «Вехи», В. И. Ленин отмечал зависимость настроения Белинского от настроения крепостных крестьян и взглядов «нашей публицистики» «от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета»[2]. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал, что революционно-демократическая теория «русского» социализма «есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»[3].

Эволюция политической надстройки шла в направлении дальнейшего развития и укрепления абсолютистских начал. Это выразилось в дальнейшей централизации государственного управления и усилении режима личной власти царя, в расширении полицейско-бюрократического аппарата, росте армии, создании жандармерии. Политика русского самодержавия в этот период носила

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258.

противоречивый характер. Преследуя реакционные цели охраны феодально-крепостнических порядков и дворянских привилегий, русское самодержавие вместе с тем вынуждено было делать и некоторые уступки новому. Ход социально-экономического развития страны заставлял русское самодержавие покровительствовать промышленности, торговле, развитию капиталистических отношений. В сфере экономической политики русское самодержавие шло значительно дальше, нежели в других вопросах. Развитие торговли и промышленности способствовало укреплению армии и флота, являлось источником пополнения финансов. Делая уступки новым явлениям в социально-экономическом развитии страны, русское самодержавие стремилось использовать их для укрепления абсолютистской монархии.

Внешняя политика России была тесно связана с внутренней и отражала интересы помещиков и нарождающейся буржуазии. Однако во внешней политике России проявлялись и общенациональные интересы, когда речь шла о справедливой, национально-освободительной войне против внешнего нападения и угрозы порабощения страны. Таковой была Отечественная война 1812 года.

XIX век в Европе начался полосой наполеоновских войн, в которые были вовлечены почти все европейские страны и народы, в том числе Россия. Революционные, национально-освободительные войны, которые в конце XVIII в. вела республиканская Франция против коалиции европейских феодальных государств, превратились в начале XIX в., в связи с установлением военной диктатуры Наполеона, в войны империалистические, породившие, в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона. «Империалистские войны Наполеона... захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму»[1].

К 1809 г. под властью Наполеона оказалась почти вся Центральная и Южная Европа. Заключение в 1807 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 382—383.

в Тильзите мира и союза между Россией и Францией были использованы Наполеоном для окончательного разгрома Австрии, покорения Испании и подготовки новой войны против России. Наполеон откровенно заявлял о своих притязаниях на мировое господство.

Россия оказалась единственной страной, способной не только противостоять агрессии, но и нанести сокрушительное поражение наполеоновской армии.

Поход Наполеона в Россию в 1812 г. оказался столь неудачным прежде всего потому, что здесь он столкнулся с Отечественной войной всего народа. «Вся история освободительных войн,— писал В. И. Ленин,— показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро»[1].

Гибель наполеоновской армии в 1812 г. в России и перенесение военных действий русских войск в пределы Западной Европы явились сигналом к всеобщему восстанию европейских народов против владычества Наполеона, что привело к распаду и крушению наполеоновской империи. Таким образом, результатом Отечественной войны 1812 г. явилось не только спасение России от иноземного нашествия, но и освобождение от наполеоновского ига европейских народов.

После крушения империи Наполеона международный престиж России значительно вырос. Однако Александр I и другие европейские монархи воспользовались победой над Наполеоном для реставрации реакционных абсолютистских режимов. В 1815 г. ими был создан «Священный союз», направленный на подавление революционных и национально-освободительных движений в Европе. Ведущее место в «Священном союзе» занял русский царизм, превратившийся в «жандарма Европы». Впрочем жандармские функции успешно выполняли и французские Бурбоны и австрийские Габсбурги, душившие революции в Испании, Неаполе и Пьемонте в 1820—1821 гг.

В самой России усилилась политическая реакция. Между тем народные массы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны, не хотели больше оставаться под крепостным игом. Патриотический подъем в Отечественную войну 1812 г., по словам декабристов, «пробудил русский народ к жизни» и способствовал росту массового

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 23—24.

антикрепостнического движения. Социальные противоречия в России после 1812 г. резко обострились.

В этих условиях возникло движение декабристов. С декабристов начинается история русского освободительного движения (с 1825 по 1861 гг.— период дворянской революционности). Декабристы первыми вышли на сознательную революционную борьбу, создали революционную организацию со своей политической программой и подготовили вооруженное восстание. Декабристы принадлежали к поколению дворянских революционеров.

Своеобразие русского исторического развития состояло в том, что за разрешение буржуазно-демократических задач — свержения самодержавия и ликвидации крепостничества — выступили представители передового дворянства. В то время буржуазия была еще слаба и не способна выдвигать самостоятельные политические требования. И впоследствии русская буржуазия, связанная с царизмом и помещиками, не выступала с требованиями революционного преобразования страны.

Декабристы поняли, что самодержавие и крепостничество — главные причины отсталости России, которые в конечном счете могли привести ее к потере государственной самостоятельности. Ликвидация самодержавия и крепостничества рассматривалась декабристами как глубоко патриотическая задача «спасения» России. Но классовая ограниченность декабристов-дворян не могла не сказаться на их деятельности. Они разработали тактику «военной революции», не опиравшуюся непосредственно на силу народных масс. Эта тактика обусловливалась не только классовой ограниченностью декабристов, но и объективными факторами. Крепостная Россия тогда «была забита и неподвижна». Несмотря на отдельные выступления крестьян, солдат, военных поселян, в то время еще не было достаточно широкого массового движения, на которое революционеры могли бы опереться. Определенное влияние на разработку декабристами тактики «военной революции» имел и опыт испанской революции 1820 г., который внимательно ими изучался.

Движение декабристов органически было связано с русским историческим процессом, отражало коренные потребности развития России того времени. Необходимо подчеркнуть также интернациональный аспект их дела. Декабристы — важное звено общеевропейского революц-

ционного движения 20-х годов XIX в.: их выступление против царизма — «жандарма Европы»— приобретало международное значение.

Хотя восстание декабристов потерпело поражение, ибо «страшно далеки они от народа», «но их дело не пропало»[1]. Лозунги, выдвинутые декабристами, оказались глубоко жизненными и вдохновляли на борьбу позднейшие поколения русских революционеров.

Дальнейшее развитие русского освободительного движения шло по линии все большего сближения его с народными массами. Об этом говорят как демократизация и расширение состава участников движения, так и возрастание активности самих народных масс. Разработанная последующими революционными поколениями тактика опоры на народные массы учитывала не только опыт декабристов, но и возросшее, особенно перед реформой 1861 г., массовое антифеодальное движение.

Освободительное движение в России во второй четверти XIX в. осуществлялось еще в рамках дворянской революционности, виднейшим представителем которой был А. И. Герцен. Но уже в это время формируется новое поколение революционеров-разночинцев. Выдающимся представителем этого поколения был В. Г. Белинский — зачинатель русского революционно-демократического движения. Деятельность революционеров протекала в трудных условиях мрачной николаевской реакции, которая сурово подавляла всякую попытку открытой революционной агитации. Однако передовые идеи пропагандировались и в художественных произведениях, и в подцензурной журнальной статье, и в бесцензурном «письме», расходящемся во множестве списков.

К 30—40-м годам XIX в. относится начало разработки А. И. Герценом и В. Г. Белинским революционно-демократической теории. В. И. Ленин придавал огромное значение этой стороне деятельности Герцена и Белинского. *«...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией,* — писал он.— А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, чтó это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»[2]. Большое внимание

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

Герцен и Белинский уделяли изучению и дальнейшему развитию материалистической философии — теоретической основы революционно-демократической идеологии.

30—40-е годы XIX в. были временем острой борьбы различных идейных направлений. Журнал, университетская кафедра, литературный салон служили главными аренами этой борьбы. Вопрос о крепостном праве занимал центральное место в идейной борьбе того времени. «...В ту пору..., от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»,— писал В. И. Ленин[1]. В этой борьбе сталкивались революционно-демократическое, либерально-оппозиционное и охранительное направления русской общественной мысли. Революционно-демократическое направление, отражая интересы широких масс крестьянства, выступало за революционную ликвидацию крепостной зависимости крестьян, власти и привилегий помещиков. Реакционно-охранительное в лице представителей так называемой теории «официальной народности» отстаивало незыблемость феодально-крепостнических порядков, выражая интересы наиболее крепостнически настроенной части помещиков и правящих кругов. Либерально-оппозиционное направление было представлено славянофильством и западничеством.

Славянофилы выступали за отмену крепостного права сверху, за проведение некоторых реформ в области суда и управления, за созыв Земского собора — совещательного органа при царе, но отстаивали необходимость сохранения самодержавия и привилегий помещиков. Они идеализировали допетровские, якобы «народные», начала, развивали консервативные идеи о «единении царя с народом», сохранении «патриархальных» отношений крестьян с помещиками.

Западники (либеральная часть западничества, поскольку и Герцен и Белинский тоже называли себя «западниками») представляли собой более передовую группу либерального направления того времени. Западники доказывали, что Россия идет по тому же пути развития, что и все капиталистические западноевропейские страны. Они справедливо критиковали консервативные взгляды

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 2, стр. 520.

славянофилов, особенно их теорию самобытного развития России. Хотя западники отрицательно относились к крепостному праву и полицейски-бюрократическим порядкам в России, вместе с тем они выступали противниками революционной ломки этих порядков.

В Сборник включены наиболее важные документальные материалы по темам, рекомендуемым в разделах. При написании докладов и курсовых работ не следует ограничиваться только этими материалами, необходимо привлекать и литературу, указанную в библиографии к каждому разделу.

Исследование той или иной темы — процесс творческий и индивидуальный, однако существуют сложившиеся, проверенные практикой приемы и методы исследования. Работа над источниками должна занимать центральное место у исследователя-историка. Но, строя свое исследование преимущественно на источниках, следует внимательно изучать и исследовательскую литературу по избранной теме, иметь представление о существующих научных точках зрения по тому или иному вопросу.

Рекомендуется начать работу с ознакомления с исследовательской литературой, которая позволит выяснить, какие вопросы данной темы решены, а какие требуют разрешения. Изучать следует не только посвященную определенной теме литературу, но и труды, характеризующие эпоху, поскольку знание эпохи позволяет точнее определить место и значение изучаемого исторического явления. Процесс исследования имеет определенные этапы: ознакомление с темой (чтение общей литературы по проблеме и эпохе), составление рабочего плана и библиографии, сбор материала, его систематизацию и, наконец, литературное оформление — наиболее важный и ответственный этап. В работе должны быть введение (определение темы, обзор литературы и источников, объяснение задач исследования), вводная глава (эпоха или основные направления проблемы), затем основная часть исследования и заключение, в котором подводятся итоги, делаются выводы.

Наиболее распространенный недостаток работ начинающих исследователей — описательность. Приводимый фактический материал необходимо тщательно анализировать. Исследование является научным только в том случае, когда в нем присутствует теоретическое осмысление фактов и явлений. Марксистско-ле-

нинская методология требует, чтобы: 1) выводы, оценки и наблюдения основывались на твердой почве фактов, 2) каждое явление рассматривалось не изолированно, а в связи с другими, 3) явления исследовались не статически, а в процессе их развития, 4) строго соблюдался принцип историзма, т. е. при оценке исторического события или явления учитывались место, время и условия, в которых они происходили.

Ценные советы для начинающего исследователя студенты могут почерпнуть в пособии А. П. Пронштейна «Методика исторического исследования» (Ростов-на-Дону, 1971).

РАЗДЕЛ I

КРЕСТЬЯНСТВО И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

В первый раздел Сборника включены документы и материалы, характеризующие положение крестьянства, вотчинный режим, крестьянское движение, политику правительства в крестьянском вопросе, обсуждение крестьянского вопроса в различных общественных кругах.

Состояние крестьянского хозяйства и положение крестьянства отражены в статистических таблицах, содержащих данные о душевладении помещиков по 8-й (1833) и 10-й (1857) ревизиям, о соотношении крестьянских надельных и помещичьих земель, о динамике уровня земледельческого производства в первой половине XIX в., о феодальных повинностях крестьян. Публикуемые материалы вотчинных архивов и пресса того времени характеризуют крестьянское землепользование и земледельческое производство, процессы внедрения торгово-ростовщического капитала в дореформенную деревню и расслоения крестьянства, вотчинный режим. Ценные сведения о положении крепостного крестьянства содержатся в выдержках из сочинения «Латыши особливо в Ливонии, в исходе философского столетия» Гарлиба Меркеля — выдающегося латышского общественного деятеля, просветителя, и из записки «О крепостном состоянии в России», составленной чиновником Министерства государственных имуществ А. П. Заблоцким-Десятовским в 1841 г. по поручению министра П. Д. Киселева.

О крестьянском движении говорится в таблице о численности крестьянских волнений, выдержках из отчетов III отделения с. е. и. в. канцелярии и документах расследования причин крестьянских волнений. Приведенные в Сборнике материалы позволяют проследить динамику роста крестьянского движения, исследовать крестьянские настроения и характер крестьянских антикрепостнических требований. При работе над данной темой необходимо привлечь также публикации документов о крестьянском движении, осуществленные в 1931 г. под ред. Е. А. Мороховца и в 1961—1962 гг.— под ред. академика Н. М. Дружинина (см. в рекомендуемой литературе).

Обсуждение крестьянского вопроса в различных общественных кругах отражено в публикуемых записках и проектах: В. В. Стройновского, К. И. Арсеньева, Н. С. Мордвинова, Л. А. Перовского, в статье А. И. Кошелева «Охота пуще неволи», в которых доказывается невыгодность крепостного труда и предлагаются различные условия ликвидации крепостной зависимости крестьян. Для характеристики взглядов по данному вопросу представителей революционного движения необходимо привлечь материалы, опубликованные в третьем разделе настоящего Сборника. Большой фактический материал по указанной проблеме содержится в монографии В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в.» (тт. I—II. СПб., 1888).

Политика правительства в крестьянском вопросе отражена в законодательных материалах (указах, манифестах, рескриптах, «Положениях», «Правилах»), в записях официальных заявлений Николая I в секретных комитетах и перед представителями дворянства. Публикуемые в Сборнике таблицы о количестве «приобретенной покупкой» крестьянами земли, численности вольных хлебопашцев, обязанных крестьян и выкупившихся на волю по указу 8 ноября 1847 г. позволяют определить практические результаты царского законодательства по крестьянскому вопросу. При изучении данной темы большую помощь окажет фундаментальная монография Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» (тт. I—II, М.—Л., 1946, 1958). Дополнительный материал по теме можно почерпнуть из указанной выше монографии В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России...».

На основе публикуемых материалов и документов и рекомендуемой литературы могут быть поставлены следующие темы докладов и курсовых работ: хозяйство помещичьих крестьян в период разложения и кризиса крепостного строя; вотчинный режим в русской дореформенной деревне; крестьянское движение; крестьянский вопрос в России в первой четверти XIX в.; политика правительства в крестьянском вопросе в 20—50-х годах XIX в.; проекты и записки 30—40-х гг. XIX в. об освобождении крестьян.

ДОКУМЕНТЫ

1. КРЕСТЬЯНЕ И ВОТЧИННЫЙ РЕЖИМ

№ 1.— Душевладение помещиков по 8-й и 10-й ревизиям

По 8 ревизии [1833 г.]

	Владельц.	%	У них крепост.	%	На 1 влад. прих.
1. Беспоместные	17 763	14,0	62 183	0,6	3
2. Имеющие до 20 д.	58 457	45,9	450 037	4,1	8
3. » от 21—100 душ	30 417	24,0	1 500 357	13,9	49
4. » 101—500 »	16 740	13,2	3 634 194	33,9	217
5. » 501—1000 »	2 273	1,8	1 562 831	14,5	688
6. » более 1000 душ	1 453	1,1	3 556 959	33,0	2448
	127 103	—	10 766 561	—	84

По 10 ревизии [1857 г.]

	Владельц.	%	У них крепост.	%	На 1 влад. прих.
1. Беспоместные	3 633	3,5	12 045	0,1	3
2. Имеющие до 20 д.	41 016	39,5	327 534	3,1	8
3. » от 21—100 душ	35 498	34,5	1 666 073	15,8	47
4. » 101—500 »	19 930	19,2	3 925 102	37,1	197
5. » 501—1000 »	2 421	2,3	1 569 888	14,9	648
6. » более 1000 душ	1 382	1,3	3 050 540	29,0	2207
	103 880	—	10 551 182	—	101

И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3. Л., «Мысль», 1925, стр. 85.

№ 2.— Соотношение (в %) крестьянских надельных и помещичьих земель в 1858 г.

Губернии	% всей удобной земли без леси. У крестьян	У помещиков
1. Петербургская	79,66	20,34
2. Владимирская	79,52	20,48
3. Ярославская	79,23	20,77
4. Нижегородская	79,20	20,80
5. Тверская	77,18	22,82
6. Калужская	76,02	23,98
7. Вологодская	73,37	26,63
8. Смоленская	71,41	28,59
9. Псковская	68,24	31,76
10. Новгородская	67,45	32,55
11. Олонецкая	65,61	34.39
12. Черниговская	61,35	38,65
13. Симбирская	57,26	42,74
14. Пензенская	57,25	42,75
15. Рязанская	26,60	47,40
16. Тульская	52,00	48,00
17. Костромская	52,02	49,98
18. Саратовская	47,76	52,24
19. Курская	47,25	52,75
20. Тамбовская	47,20	52,80
21. Орловская	46,67	52,33
22. Воронежская	46,05	53,95
23. Самарская	37,00	63,00
24. Харьковская	31,82	68,18
25. Полтавская	31,37	68,63
26. Екатеринославская	18,43	81,57

И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 95.

№ 3.— Президент Московского общества сельского хозяйства А. Пушкевич о порядке передела полей у крестьян[1]

...Русские крестьяне, какого бы ведомства они не были, казенные, удельные или помещичьи, наделенную им от правительства или от помещика землю делят между собою обыкновенно на следующих основаниях:

1. Сперва делят поля по расстоянию их на близкие и дальние, на *одворишные*, *задворишные*, самые отдаленные и *пустошные*.

---

[1] Документы даны в современной орфографии.

2. Поля, разделенные по расстоянию, крестьяне делят по качеству почвы их, или по плодородию на особые участки.

3. Наконец, уже эти участки они делят между собою узкими (от 3 до 6 сажен) и длинными (от 100 до 500 с[ажен]) полосами подушно, или потягольно.

В этом способе надела землею, хорошего и справедливого [есть] то, что каждому земледельцу дается по равномерной полосе земли одинакового достоинства и расстояния — одворишной и дальней, хорошей, средней и дурной. Но при прибавлении или убыли тягол, подобный раздел не может быть постоянным, следовательно уравнительным; вследствие чего, для устранения такой неуравнительности пользования землею, крестьяне переделивают ее чрез известное число лет, иногда через два трехлетних севооборота или чрез два трехлетия, иногда через три, но чаще через 4 или 5 трехлетий, т. е. через 12 или 15 лет, обыкновенно в год общей государственной переписи народонаселения... Хозяйничая в деревне в продолжении 30 лет, я близко познакомился с крестьянским земледелием и увидал много невыгод в объясненном выше крестьянском разделе владения полями.

Во-первых, при обработке и уборке полей, крестьянин теряет много времени на разъезды и переходы на свои разбросанные по полям полоски земли, а при нашем коротком лете время для земледельца весьма дорого.

Во-вторых, много тратится земли на глубокие между крестьянскими полосами борозды.

В-третьих, много также тратится в этих бороздах непроизводительно семян. Кто всматривался в крестьянские поля, тот вероятно заметил порядочный урожай хозяйственных растений только в средине или гребне крестьянской полосы, бока же а равно и борозды всегда покрыты скудной растительностью...

В-четвертых, обработка полей не может быть достаточно хорошей, потому что узкую полосу свою может земледелец пахать и оборанивать только вдоль. А известно, что поперечная пашня и бороньба весьма много усиливает плодородие полей, гораздо лучше разрыхляя их и очищая от сорных трав...

А. Пушкевич. О крестьянском способе землевладения.— «Журнал сельского хозяйства», 1857, № 6, стр. 183—185.

№ 4.— Динамика уровня земледелия в первой половине XIX в. (чистые сборы хлебов и картофеля — четвертей на душу населения)[1]

Районы	1802—1811 гг.	1841—1850 гг.			1851—1860 гг.			В процентах, к 1802—1811 гг.	
	хлебов	хлебов	картофеля	всего с переводом картофеля на хлеб	хлебов	картофеля	всего с переводом картофеля на хлеб	40-е годы	50-е годы
Северо-Западный	2,40	1,69	0,39	1,82	1,59	0,34	1,70	75,8	70,8
Смоленская губ.	3,22	3,07	0,34	3,18	2,62	0,25	2,70	98,8	83,9
Центрально-нечерноземный	2,24	2,28	0,25	2,36	2,33	0,26	2,42	105,4	108,0
Центрально-черноземный	4,16	3,81	0,26	3,90	3,30	0,29	3,40	93,8	81,7
Средне-Волжский	3,37	3,31	0,08	3,34	3,63	0,13	3,67	99,1	108,9
Нижне-Волжский и Заволжский	2,91	3,07	0,10	3,10	3,44	0,11	3,48	106,5	119,6
Прибалтийский	2,53	2,16	0,62	2,37	2,27	0,82	2,54	93,7	100,0
Западный	3,56	1,98	0,93	2,29	1,74	0,62	1,95	64,3	54,8
Юго-Западный	2,74	2,67	0,39	2,80	2,21	0,29	2,31	102,2	84,3
Украинский Левобережный	2,56	2,12	0,25	2,20	2,18	0,26	2,27	85,9	88,7
Южный степной	1,76	1,24	0,04	1,25	1,92	0,07	1,94	71,0	110,2
Приуральский	1,99	3,00	0,07	3,02	2,96	0,10	2,99	151,8	150,3
Северный	1,57	1,52	0,08	1,55	1,50	0,09	1,53	98,7	97,5
Всего по Европейской России	2,81	2,68	0,30	2,78	2,58	0,27	2,67	98,9	95,0

И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. Изд-во МГУ, 1967, стр. 78.

[1] При пересчете картофеля на хлеб три четверти картофеля приравнивались одной четверти зерновых.

№ 5.— Распределение оброчных и издельных по районам (во всех имениях)

Районы	Крестьян			%		
	Оброчных	Издельных	Всего	Оброчных	Издельных	Распред. крепост. насел. по районам
I. Великороссия:						
а) Нечерноземный[1]	1 576 845	1 098 595	2 675 440	58,9	41,1	28,5
б) Черноземный[2]	497 088	1 225 810	1 722 898	28,8	71,2	22,5
в) Поволжский[3]	147 001	402 679	549 680	26,7	73,3	6,0
г) Приуральский северный[4]	13 827	126 729	140 556	9,8	90,2	1,9
д) Астраханская губ.	2 296	343	2 639	87,0	13,0	0,1
е) Восточные степные[5]	26 340	128 485	154 825	17,0	83,0	1,7
II. Новороссийские степные[6]	342	273 814	274 156	0,1	99,9	3,2
III. Малороссия:						
а) Левобережная[7]	4 966	713 778	718 744	0,7	99,3	7,8
б) Правобережная[8]	27 287	1 024 993	1 052 280	2,6	97,4	10,0
IV. Северо-Западный край[9]	77 334	932 406	1 009 740	7,6	92,4	9,7
V. Земля Войска Донского	2 555	85 993	88 548	2,8	97,2	1,3
	2 375 881	6 013 625	8 389 506	28,3	71,7	92,7

Н. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 379.

[1] Губ.: Вологодская, Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская. [2] Губ.: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская. [3] Казанская, Саратовская, Симбирская. [4] Вятская, Пермская. [5] Оренбургская, Самарская. [6] Екатеринославская, Таврическая, Херсонская. [7] Полтавская, Черниговская, Харьковская. [8] Киевская, Подольская. [9] Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Ковенская.

№ 6.— Торгово-ростовщический капитал в деревне

...В быту крестьянина-земледельца деньги составляют необходимую потребность... Где ж достать потребное количество денег? Единственное средство: обмолотив первый сноп, везти на торг, учрежденный в ближайшем каком-нибудь селе, продать кулаку, то есть мелочному торгашу, или в своей же деревне зажиточному крестьянину за цену, самим им [торгашом] установленную, без сомнения дешевую, и за меру, им же приготовленную, наверное большую; а вслед за тем и еще является необходимость на растрату насущного, именно — на удовлетворение кредиторов за взятые весною в долг, с пожданием до осени, колеса, косы, серпы, сошники, соль, лыко, деготь и прочие крестьянские потребности, а пожданье не иначе делается, как в двойной цене... К весне крестьянину обычно хлеба не хватает. Тогда единственное средство — на выработанные деньги покупать у зажиточного соседа своего в два и три раза дороже того, как продавал осенью ему же...

П. Махов. Хозяйственные замечания о Калужской губернии.— «Журнал Министерства государственных имуществ», 1841, № 2, стр. 550—551.

№ 7.— Донесение приказчика Осташковско-Ржевской вотчины Тверской губ. (с. Хитицы с деревнями) И. Белевцева княгине М. И. Голицыной о положении крестьян

15 сентября 1844 г.

...После всех попыток приучить оброчных крестьян к заработкам вне вотчины отсылали их опять всех домой, где они занимались всем, кроме земледелия, выделкой колес и саней... От множества производителей изделия продавались и продаются по цене, не окупающей не только материала и труда, но даже хлеба, съеденного во время работы. От этого и скудных урожаев хлеба с трудом и не сполна оплачивали подати, и для заплаты их продавали не только лишний, но даже необходимый скот, и хлеб, нужный им на продовольствие и обсеменение полей. Потом после продажи хлеба, нуждаясь в продовольствии, они занимали у некоторых богатых вотчинных и посторонних крестьян хлеб, понемногу за-

кладывая им постепенно остальной скот, землю под посев ярового и озимого хлеба, сенокосы и наконец даже одежду и все, что не составляло для них во время заклада крайней необходимости. Наступало время выкупа, а у них вместо средств для него, новые нужды, новые недостатки и новые подати. Не имея возможности выкупить землю и сенокосы, они снова брали деньги и хлеб уже под работу, и таким образом, закабаляя себя своему брату-мужику, обрабатывали на него и засевали его семенами и в его пользу собственную свою землю и с своих покосов приготовляли для него сено, оставаясь сами без средств для собственного и скота своего продовольствия, отчего нередко бывал у них такой недостаток в корме, что от этого издыхали весною их лошади, коровы и овцы...

Государственный исторический музей. Отдел письменных источников, ф. 14 (Голицыных), д. 2780, л. 134.

№ 8.— Приказы Н. Ф. Грибоедовой[1] бурмистру с. Троицкого Кологривского уезда Костромской губернии

Приказ 17 ноября 1816 г.

«Сбери сход и объяви крестьянам, что они проданы мне[2], для чего и отправляю к вам своих дворовых людей Александра Осипова и Тимофея Иванова, чтобы явить купчую и ввести всех вас во владение, сделать опись всем вам и вашему имуществу. Я за вас заплатила очень дорого, для того нельзя вас оставить на прежнем положении. Буде вы хотите жить покойно и на своей родине, то подайте мне по сто рублей с тягла, одну половину к Рождеству, а другую половину к вешнему Николе, по 4 аршина с тягла тонкого холста, по $1/4$ аршина черного сукна, по фунту коровьего масла, по $1/4$ фунта грибов белых, по $1/4$ барана, по 10 яиц, по 1 птице. Как первую половину оброка, так холст, сукно, масло, грибы, к Рождеству привези. Я на вас накладываю то, что мне платят все мои деревни, не имев столько угодьев, сколько вы. Ты, как начальник, вразуми и втолкуй всем крестьянам, что лучше заплатить лишнее и быть на

[1] Матери А. С. Грибоедова.— *Прим. сост.*

[2] С. Троицкое с деревнями (780 душ) было куплено Н. Ф. Грибоедовой у Е. В. Мещерской в 1816 г. за 235 тыс. руб. — *Прим. сост.*

свободе и на своей стороне, а не то половина пахотной земли от вас возьмется, посадим вас на пашню, заведем винный завод и суконную фабрику, где вам не будет ни дня, ни ночи покою, а подав то, что я на вас накладываю, останетесь при своих местах щастливы и покойны...»

Приказ 10 марта 1817 г.

«Присылай оброк к празднику или к Николину дню непременно, да выруби тысячу дерев и тысячу сажен дров вышины в сажень, а длины полтора аршина, тысячу сажень дров вышины в три аршина, а длиннику в 16 аршин, класть в одно полено, а полено в 6 четвертей: смотри, чтоб это было выполнено, а то будет худо вам. Драни наготовьте 10 [тыс. шт.], кирпича наделайте 100 [тыс. шт.], не отговариваться неумением, это дело не мудреное, уже у вас его делали, но ежели и не умеете, то возьми мастера, да дай ему работников непременно. Мять глину и женщины могут, деревья руби среди лесу у реки Кондубы на сухом месте, вы этого не страшитесь, не думайте худого ничего. Которые мужики порядочные и могут платить хороший оброк, я тех не трону, а те, которые не имеют способу к плате оброку, то те поработают.

Уверь всех крестьян, что я госпожа добрая и християнка, после и им слюбится. ...Сама же тотчас после праздника буду, как скоро просохнет. Чтоб овес и мука был готов, обложи с души по 10 фунтов муки и по четверику овса, да присылай деньги непременно к сроку и все выполняй непременно...»

Н. К. Пиксанов. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934, стр. 90, 92—93.

№ 9.— Приказ Завидовской конторы Молодотудского имения (Тверской губ.) Шереметевых об отправке крестьян-недоимщиков на заработки и о порядке взыскания с них оброка...

11 октября 1857 г.

...Назначать в работу тех крестьян, которые вовсе к платежу ненадежны, и отсылать оных по десяткам в заработки, выбрав из них одного благонадежного старос-

ту или десятника, который мог бы распорядиться и иметь за ними смотрение, и притом задаточные и заработанные ими деньги должен этот староста или десятник в контору при своем донесении присылать в подати за них через почту, назначив на то время и сколько числом должно быть выслано денег; при поступлении коих на работу должен каждый староста или десятник иметь на каждый свой десяток книжку, в которую обязан записывать выработку, число рабочих дней и нерабочих прогулов, забор и плату, и по возвращении их с работ в свое время должен каждый староста или десятский для видимости и расчета предоставить оную книжку в тамошнюю Завидовскую контору, дабы между ними не было какой-либо распри и можно было бы видеть их заработки.

К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). М., 1947, стр. 172.

№ 10.— Записка А. П. Заблоцкого-Десятовского[1] «О крепостном состоянии в России» 1841 г.

По хозяйственному назначению своему крестьяне разделяются на:

1) Издельных.
2) Оброчных.
3) Заводских или фабричных.
4) Дворовых.

Издельные крестьяне Издельный крестьянин обязан обрабатывать землю на помещика, который, в замен того, дает ему землю для собственного его хозяйства.

Обыкновенно принято обычаем все расчеты основывать на крестьянском тягле, т. е. на полном работнике с работницею, получающими землю. Впрочем, часто взрослый работник и неимеющий семейства принимается за тяглового работника, наделяясь при сем обыкновенно и землею, но в меньшей против семейного пропорции. В бо́льшей части помещичьих имений число тягол составляет несколько менее половины ревизского числа душ. Разность сия простирается средним числом от 10% до 20%, иногда и более.

---

[1] *А. П. Заблоцкий-Десятовский* (1807—1881) — государственный деятель, экономист, статистик и писатель.

Количество земли получаемое крестьянами в надел

Количество земли, получаемой крестьянами на каждое тягло, зависит: во 1-х от пространства владений помещика; во-2-х от произвола владельца, всегда более или менее основанного на местном обыкновении.

В северных губерниях помещики считают, что каждому тяглу достаточно в поле 1-й десят., хотя впрочем в некоторых имениях крестьяне имеют гораздо более. В средних губерниях, напр., Тульской, Рязанской и Тамбовской, каждому тяглу дают помещики от $1^1/_2$ до 2-х десят. в поле. Сенокоса дают везде мало, и очень редко более 1 десят. на тягло. В имениях многоземельных обыкновенно есть запасные земли, для прибылых тягл при увеличении народонаселения. Но в имениях, где земли, как говорится, *в обрез*, при увеличивающемся числе тягол обыкновенно переделяют крестьянские земли, не трогая помещичьих.

...Не должно также упускать из вида того обстоятельства, что земля, предоставляемая крестьянину, всегда почти хуже качеством обрабатываемой на помещика, и положение ее всегда отдаленнее, а потому менее выгодно для обработки.

Количество земли обрабатываемой на помещика

...Крестьяне часто обрабатывают на помещика более земли, нежели сколько получают сами. Это особенно относится к имениям, находящимся в черноземных губерниях.

Порядок отправления барщины

...Порядок отправления барщины бывает различный: большею частию существует обычай работать брат на брата, если семейство состоит из двух тягол и наблюдается трехдневный размер. Но выше замечено, что этот размер не может соблюдаться при усиленных запашках, и потому редко обходится без поголовных сгонов, при которых, разумеется, уже невозможно сохранить нормального расчета. Один поголовный день в неделю существует почти во всех и хорошо управляемых имениях. Внезапные требования барщины особенно разорительны для крестьян в чрезполосных дачах. Крестьянам обыкновенно предоставляются отдаленнейшие поля. Он туда отправляется чуть свет. Вдруг скачет от барина ездок и требует на барщину. Кресть-

янин бросает свою работу, едет на барщину, а на его поле хоть трава не расти.

В некоторых местах Тульской губернии, напр., в Новосильском уезде, существует обычай: крестьянин работает три дня себе, три дня помещику; но в воскресенье после обедни есть *бенефис* помещика; ему крестьяне работают поголовно. Один из помещиков, вступя во владение своим имением, уничтожил этот обычай. Многие из соседей восстали на него: «вы делаете», говорили они, «вред и себе, и нам,— балуете мужиков».

Барщина у мелкопоместных владельцев

У мелкопоместных владельцев еще менее соблюдается порядок в распределении земель и в порядке отправления работ; тут крепостной, находясь в ближайших сношениях с господином, вполне и всегда зависит от его произвола и способов.

Оброчные крестьяне

...Оброчные крестьяне находятся преимущественно в губерниях северо-восточных, в Московской и окружающих ее. В имениях малоземельных крестьяне сии получают по большей части в свое пользование все земли без изъятия, принадлежащие помещику, особенно если их мало. Но иногда количество угодий ограничивается определенным пространством.

Количество угодий получаемых крестьянами и приносимый ими оброк

Количество оброка не всегда соразмеряется с пространством и качеством угодий, оно основано только на возможности взять с крестьян ту или другую сумму. Так, напр., в Костромской губернии есть имения, где крестьяне пользуются всею помещичьею землею и даже всем лесом, истребляя его без всякого отчета, и платят оброка от 50 до 70 руб. с тягла, или от 20 до 30 р. с души.

В Тамбовской губернии крестьяне, получая в наделе от 1½ до 2-х десятин на каждом поле пахотной земли и до 1½ десят. сенокосу, платят оброка до 30 руб. с тягла.

В Нижегородской губернии крестьяне, наделенные до 8 десят. на тягло, платят от 75 до 100 р. Но там же, в имении графа Шереметева (в Ворсме и Павлове), крестьяне 9 т. душ не имеют вовсе хлебопашества, и между тем обложены оброком по 20 р. с души, или около 50 р. с тягла.

В Ярославской губернии, также малоземельной, оброки простираются до 120 р., иногда, хотя и редко, даже выше. Оброки особенно высоки в имениях, хотя и малоземельных, но промысловых.

В большей части имений крестьяне, кроме денежного оброка, обложены таким же сбором натурою, как и издельные крестьяне, и, сверх того, если в имении есть барская запашка, дают от 4 до 16 рабочих дней в год.

...Оброчные крестьяне всегда почти соединяют земледелие с промыслами; многие даже совершенно оставляют первое. В таком случае свою часть земли отдают другим крестьянам, а сами занимаются исключительно торговлею или промыслами. Здесь следовательно занятия распределяются довольно естественным образом: каждый следует своей склонности.

Многие из помещиков ищут причины распространившейся склонности крестьян к промыслам или к городской жизни — в лености, в наклонности к разврату. Они восстают против оброка, сажают крестьян на пашню, и кроме понудительных мер, не знают другого средства привязать крестьянина к земле. Печальное средство заставлять делать грозою и насилием то, что должно делаться само собою.

Почему оброчные крестьяне не всегда успевают в земледелии

...Хотя кажется оброчный крестьянин находится в положении вольного земледельца, пользуется всеми доходами от земли и платит только известную сумму землевладельцу, и потому должен был бы радеть о своей земле, но на деле это оказывается не всегда так.

В установлении оброка заключаются многие причины, препятствующие усовершенствованию земледелия и следовательно содействующие к тому, что владельцы не могут получать тех доходов, какие бы они могли иметь, если бы их земля была обрабатываема теми людьми, которые свободно избрали земледелие единственным своим промыслом.

Оброчный крестьянин редко имеет достаточный капитал для производства выгодного хозяйства. Но если бы и имел, то он не захочет обратить его на улучшение хозяйства, потому что ни земля, ни строения, ни даже рабочий скот и орудия не принадлежат ему по закону в собственность. Самый образ занятий его зависит от произвола помещика, который во всякое вре-

мя может пересилить крестьянина, взять во двор, отдать в солдаты, продать и пр.

Способы уплаты оброка

...Оброк, назначаемый помещиком, уплачивается: а) или общим итогом, за круговым ручательством всех; в таком случае богатые платят за бедных; или б) каждый крестьянин вносит за себя отдельно помещику. В таком случае, если крестьянин занимается промыслом на стороне, помещик требует с него оброк вперед: «принеси, говорит он ему, деньги и бери паспорт; я так не верю». Для зажиточных это ничего; но бедные всегда берут вперед у подрядчиков своих деньги, платя им огромные проценты — до 15% в месяц. От этого многие из крестьян, напр., Ярославской губернии, остаются вечно в долгу и не выходят из работников.

Но главное, почти общее средство для собирания оброка есть запашка, содержимая помещиками в оброчных имениях, напр., в Ярославской и Костромской губерниях; она служит грозою для неисправных плательщиков. У помещика М-ва есть в Ярославской губернии два оброчные имения: с одного в котором находится небольшая запашка, он получает по 100 р. с оброка, а с другого, где ее нет, только по 25 р.

Могут ли госуд. крестьяне платить столько, сколько платят оброчные помещику?

...Размер помещичьего оброка не основан часто ни на каких хозяйственных расчетах, а потому и невозможно вывести никакого отношения между тем, что они платят, и тем, что получают от помещика. Здесь все зависит от произвола владельца, и потому крестьяне если и платят возвышенный оброк, то одна только часть его приходится за землю, а другая вносится за освобождение их от барщины и всех других требований помещика, не всегда справедливых...

Смешанные

Есть вещи в высшей степени несправедливые, но столь утвержденные обычаем, что даже и порядочные люди не признают их дурной стороны.

Есть еще крестьяне, так сказать, смешанные, т. е. ходящие на барщину и платящие с тем вместе оброк. Такие крестьяне встречаются преимущественно в губерниях малоземельных и вместе промышленных, какова, напр., Ярославская. Летом крестьяне работают три дня на помещика; но зимою, по малому посеву хлеба, на

барщине работать нечего всем крестьянам; и потому помещик отпускает часть своих крестьян на зимние месяцы по паспортам в оброк, которого они платят с работника, от 20-ти до 25-ти р. асс. На весну они обязаны воротиться домой и работать на барщине.

Несоразмерное количество дворовых

Нам случалось толковать со многими об излишестве домашней прислуги: «Неужели нашего брата надо заставить в самом деле жить, как немца, с одним слугою» говорит деревенский дворянин. Вообще у нас, даже и у образованных людей, понятие о какой-то роскоши, выражающейся в огромности прислуги (роскоши, сопряженной нередко с лохмотьями), соединяется с понятием о достоинстве *русского дворянина.*

Впрочем, многие из помещиков чувствуют тягость дворовых. Вот что один из них говорит по этому случаю: «неумеренное число дворовых людей есть совершенная пагуба для помещиков. Это в наше время сделалось уже аксиомою, которая еще больше будет иметь силы, когда убедимся, что для содержания одного только служителя должно употребить доход от двух оброчных тягол, а полагая в цену приличное для него платье, мало даже трех. Следовательно, чтобы прокормить и одеть только 10 чел. муж. и женского пола, надобно употребить доход с 60 душ оброчных». Конечно, этот расчет преувеличен несколько; но тем не менее основная мысль справедлива.

Дворовые отпускаемые по оброку

Дворовые люди очень часто отпускаются помещиком по паспортам, с платежом оброка. Оброк сей простирается иногда до 100 р. и выше в год с одного человека, смотря по тому, знает ли он какое-либо мастерство или искусство.

Размеры сего оброка имеют некоторое основание в том: а) что за дворового человека часто платят дороже, нежели за крестьянина земледельца; б) что помещик, сверх того, может легко потерять весь капитал со смертью дворового, и потому к обыкновенному оброку он причитает еще премию за застрахование, делая это разумеется не по расчету, а большею частью инстинктивно.

Но в экономическом отношении это вредно потому, что возвышает цену труда более того размера, который мог бы установиться при свободном соперничестве. Всякий

знает по опыту, что в Петербурге, напр., нанять труднее в услужение дворового человека, нежели свободного; первый всегда просит выше, поставляя причиною, что он должен-де барину платить оброк. И справедливо. Но справедливо также и то, что тут в проигрыше две стороны: нанимающий, который платит высокую цену, и нанимающийся, который от этого ни мало не выигрывает.

Продажа людей раздробительно

Дворовые, отпускаемые по паспортам, более всего сосредоточиваются в столицах, где их круглым счетом можно полагать около 100 т. человек, в том числе едва ли только треть — женщин...

Пища и одежда

...В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно. Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома, все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется; у него делается понос, он пухнет или сохнет; являются страшные болезни. Еще могло бы пособить молоко, но он продал последнюю корову, и умирающему часто, как говорится, нечем душу отвести. У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут как мухи. Никто и не знает этого потому, что никто не посмеет писать, или громко толковать об этом; да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина? А ведь то не секрет, что голодные годы не суть явления редкие; они, напротив, появляются периодически.

...В одежде своей помещичий крестьянин также ничем не отличен, исключая опять случаев необыкновенной нищеты. Но крестьяне, занимающиеся промыслами, и в этом ушли вперед: сапоги, красная рубаха, синий кафтан составляют уже необходимость несколько разжившемуся крестьянину, особливо ежели он посещал города, «бывалый», как они выражаются. Так, напр., в Ярославской губернии старые помещики уверяют, что лет за несколько щеголь-мужик не постыдился бы надеть синего кафтана с разноцветными рукавами или заплатами, но ныне всякий уже понимает, что это неприлично; лапти видны более на стариках; на молодом редко, он старается носить сапоги. Совершенно противное представляют степные, преимущественно земледельческие губернии, там крестьянин ходит в изорванном зипуне, не знает другой обуви, кроме лаптей; во всем этом

бедный не отличается от богатого. Одинаковая неопрятность, одинаковая нечистота.

Влияние крепостного труда на составление капиталов и их обращение

Все попечения помещика о своем крестьянине ограничиваются только сохранением его физической силы, нужной для обрабатывания земель. До обогащения крестьянина, составления у него капитала, никому нет дела. С одной стороны заставляют его работать как возможно более и *по праву* употребляют всю силу его в свою пользу, а с другой — вытягивают из него копейку разными ухищренными способами. Конечно, вопреки всего этого случается, что крестьянин поборет все препятствия, выплывет наверх, разживется. Но сколько же надобно счастливых обстоятельств для отстранения всех препятствий к его обогащению? Никто ему в этом не поможет; напротив, большая часть обстоятельств против него, начиная с самого крепостного права.

Совершенная зависимость от произвола владельца и безнадежность освободиться от этой зависимости убивают в крепостном склонность к бережливости и прочному улучшению своего быта, рождая, напротив, или скупость, или страсть к минутным наслаждениям, к пьянству, праздности и разврату. Этим легко объясняется, почему крестьяне, даже у попечительных владельцев, живут большею частию дурно, и почему заведомо богатые из них редко пускают в оборот капиталы свои, но прячут их тщательно на черный день. Да и может ли быть иначе, когда помещик может отнять нажитое кровавым трудом его крепостного?..

Развитие промышленности требует не только ограждения личности и собственности, но и свободы располагать своим временем, трудом и местом жительства. И потому естественно, что крепостное состояние, привязывая насильственно человека к земле, отстраняет развитие промыслов, даже между оброчными крестьянами.

Помещик нелегко позволяет удаляться крестьянину (и в особенности тому, который вновь начинает промысел) и менять верное малое на большее, но далекое и неверное; но и отпустивши его по паспорту, следит за каждым шагом его; давит его оброком, который есть всегда тяжесть для начинающего. Случится дурной год, доходы плохи, у крестьянина нет денег; он не заплатил оброка; помещик требует его в деревню. Крестьянин, быть

может, и обернулся бы, но помещик думает, что он замотался, избаловался, и сажает его вновь на пашню, или берет его во двор...

[А. П. Заблоцкий-Десятовский.] Граф П. Д. Киселев и его время, т. IV. СПб., 1882, стр. 276—277, 278—279, 285—288, 290—292, 301, 328.

№ 11.— Гарлиб Меркель о положении латышских крестьян в конце XVIII — начале XIX в.[1]

...Крестьянские дворы в Ливонии считаются по гакам, т. е. по числу рабочих мужчин и пространству пахотной земли. Каждый гак разделяется на два, три, четыре и более крестьянских дворов с их угодьями. Четвертные гакнеры чаще всего: следовательно, их-то и буду разуметь, говоря о крестьянских дворах или избах, со всеми их угодьями.

Четверной гак должен быть занят, по крайней мере, тремя рабочими мужчинами и столькими же женщинами. На нем редко сеется больше шести мер...; соразмерно тому и количество луговой земли, выгонов и лесу. В урожайные годы жатва во многих местах дает 10, в других едва 6, зерно с посева. Полагая средним числом, четверной гакнер получает от 48 до 50 мер ржи посева. Но на шесть рабочих людей безошибочно надобно считать двоих стариков и четверых детей (не упоминая грудных младенцев), и на каждого из них по 5 лоофов [мер] ржи, так что для всей семьи 60 лоофов хлеба. Следовательно, в обыкновенные годы у каждого четверного недостает 14 мер; кроме того, ему должно отдать из своей жатвы оброк господскому двору, школьному учителю, проповеднику, надобно еще уплатить с лихвою прошлогодние долги (17-й процент в полгода). Когда не в самые урожайные годы общий голод рассвирепствует по стране, доходит до того, что латыш примешивает в муку ячмень, овес, а всего больше мякину; в апреле получает пособие с господского двора и достает кое-какую небольшую прибыль на стороне, что, однако ж, совсем не следует ставить в достоинство краю. После скудной жатвы люди часто умирают с голоду. В городах так

---

[1] Сочинение Г. Меркеля «Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия» впервые было издано в 1797 г. на немецком языке, в 1870 г.— на русском, в 1969 г.— на латышском.

и кишат нищие, у которых не достает не силы и охоты, а только случая к промыслу, и которые прибегают к самым неестественным питательным средствам. Обыкновенное следствие того повальные болезни.

...Четверной гакнер работает на барщине понедельно, с одним работником и лошадью, следовательно, от 24 до 25 недель в год. Летом этих работников употребляют для запашки, а во время посева их требуют втрое больше. Чтобы ленивый не работал слишком мало, отеческая попечительность дворян выдумала средство отмеривать каждому пахарю участок поля для данной работы. Очень хорошо! вскричат при первом взгляде. Но если вникнуть попристальнее, окажется, что здесь, как и везде, введено прекрасное распоряжение, чтобы употреблять его во зло. Каждый работник таким образом получает на свое попечение известный участок поля, но в случае дурной погоды отпускают его домой, а что он там станет делать теперь? Дождик льет и на крестьянском поле так же хорошо, как и на господском. Зато, когда настанет ведро, тогда уж двое, или трое, мужчин должны поспеть наверстать упущенное не по их вине, а крестьянское поле остается без всякого попечения. Понятно ли, отчего крестьянские посевы дают так мало прибыли?

Мало того! Господский двор распространяет свои поля по произволу, не подавая однако ж возмутительного вида, будто бы он увеличивает барщинную работу; потому, что не требует же двух пахарей в неделю. Он отмеривает только на каждого сотнею квадратных сажен больше: ему и можно делать это, потому что отношение господской земли к крестьянской не определено никаким законом. Если же работник не может обработать, сколько положено в неделю, тогда он заленился, и его хозяин-крестьянин должен обработывать остальное.

В некоторых поместьях пошли еще дальше, как бы ни казалось это невероятным. Отмеривают каждому домохозяину участок поля, который он должен вспахать, обсеять и сжать для господского двора. Кроме того, он же выставь еще работника, а этого употребляют для обработки полей новозаводимых усадеб, которые называют здесь мызами. По прошествии нескольких лет и они тоже отмериваются домохозяевами крестьянам и заводятся новые мызы. Так это и идет, насколько станет места, а в Ливонии недостаток в нем окажется не так-то скоро. В большей части уездов (округов) необра-

ботанных мест еще довольно. Господский двор умножает свое скотоводство, свой посев, свои доходы, а крестьяне?

Зимою понедельные работники должны каждый день нарубить и привезти дров, несмотря ни на какую погоду. Некоторые рассудительные господа завели такой порядок, чтобы во время осенних дождей дрова рубили в лесу, а возили бы их по хорошему санному пути, но, к сожалению, и то и другое делается посредством так называемой чрезвычайной артельной работы...

Кроме этих работников на лошадях четверной гакнер посылает через каждую неделю одного пешего; вся же вотчина ставит еженедельно от двух до четырех взрослых пастухов, а в воскресенье и праздничные дни множество сторожей.

Потом происходит удобрение и посев бесплатно с двумя или тремя лошадьми от каждой крестьянской семьи. Для сенокоса, жнитва и всякой большой работы, каждый крестьянский двор ставит троих, четверых, пятерых человек, или сколько угодно будет господскому двору, так что на барщину собираются все годные к работе. А собственное крестьянское хозяйство останавливается, поле стоит незасеянное, сено гниет, рожь осыпается. Да что за дело до того? Помещик воспользовался хорошей погодой и не боится уж никакого ущерба.

За такую артельную работу... во все то время, пока она продолжается, в некоторых поместьях крестьяне получают пищу; в других всякому домохозяину ежегодно дается одна, или две, меры пшеницы, в большей части и совсем ничего не дается, и, однако ж, надобно проработать все лето за такие артельные угощения.

Для крестьянина ничего нет вреднее такой артельной работы, отнимающей у него, как нарочно, в самую важную пору года, работников, которых кормил он всю зиму. В не очень урожайных уездах уже одного этого распоряжения достаточно, чтобы пустить крестьянина по миру, и, однако ж, на нем еще больше повинностей. Если помещик хочет строиться, он без дальнего приказывает вотчине навозить лесу и поставить плотников. Если хочет ловить рыбу, пилить тес, мыть полы, или понадобится послать куда и т. п., он призывает к себе, кого ему угодно: когда же крестьянину обрабатывать свое поле? По воскресеньям и праздникам. Печальная картина, если посмотреть, как эти бедняки, сгорбившись над

плугом, либо с серпом и косою в руках, в поте лица влачат свою бедную долю в такие дни, когда зажиточный добрый человек дает отдохнуть даже своему скоту. Сколько может быть вздохов! На проклятия у них не стает уже духа. Сколько слез отчаяния умоляют небо о справедливости! Все это пустяки! Слишком просвещены, чтоб обращать внимание на такие чувствительные вещи! Вместо того, нашли средство присвоить себе и часть воскресения. В этот день крестьянин работает же по доброй воле: пусть же он потрудится и для господ. С этой целью, если работники с своими лошадьми рано явятся в понедельник на барщину, то должны привезти воз тростниковой травы для подстилки, или березового хворосту для ночного корма овцам. Пешие же работники, все без исключения, смотря по времени года, должны поставлять грибы, ягоды, раки, орехи и прочее.

Этих последних оброков, вынуждающих крестьянина жертвовать жадности своих властей и воскресеньем, ни разрешает, ни приказывает ни один закон. Считают их пустяками и предоставляют всю сумму их госпоже дома (однако ж, на самом-то деле они не пустяки, потому что стоят времени и трудов и подают случай к новым мошенничествам и обидам): это ее департамент, в котором она играет роль власти и делает жестокости. На это, впрочем, у ней и без того есть случаи. Она также сгоняет к себе так часто и столько девушек, сколько ей угодно, для саженья капусты, картофеля, для стирки, обработки льна, пеньки и шерсти. Кроме того, всякая семья должна напрясть на дому от 3 до 6 фунтов льна для господского двора. Если пряжа выйдет не довольно тонка, за лен надо заплатить и напрясть другую, а награждение розгами тоже не забывается. За то милостивой госпоже достанется удовольствие похвастать тонкостью своих полотен и набить ими сундук с приданым своих дочерей, на котором, к счастью, слезы высеченных не оставляют никакого пятна.

В тех местностях, где можно сплавлять лес зимою, кроме всяких других повинностей, крестьяне должны еще нарубить многие сотни бревен и столько же сажен дров и сплавить их на свой счет в город. В других местах, где все топливо уже сожжено, крестьяне должны ставить людей для разработки торфа. Короче сказать, всякой род прибыли, придуманный помещиком, всякая

новая потребность, которую он почувствует — новая тягота для несчастного латыша.

...Другой род барщины — перевозка господских прибытков. Они состоят изо льна, пшеницы, водки, сена, птицы, откормленного скота, масла и тому подобного. Во многих местах крестьяне должны тащиться с ними в город от 30 до 40 немецких миль, а часто с таким же тяжелым грузом и назад оттуда...

Обыкновенное следствие чрезмерной возки то, что всякую теплую зиму много лошадей падает, а крестьянин, бывающий едва вполсыта с мякинного хлеба, должен входить в долги для покупки другой лошади. Деньги на это обыкновенно дают ему господа без процентов — что за великодушие! да иначе он и не мог бы обрабатывать их поля. Но только что кончится жнитво, как назначается срок уплаты, который крестьянин должен упомнить под страхом розог. Для этой цели он часто находит себя вынужденным продавать самые необходимые пожитки, да еще в такую пору года, когда они стоят дешево.

Положенные оброки крестьян на господский двор состоят в деньгах, ржи, ячмене, овсе, льне, масле, овцах, сене, курицах и проч., и для четверного гака доходят от 9 до 10 червонцев на деньги — количество огромное для людей, которые несут такую неслыханную барщину и так мало могут промыслить на себя!

...Крестьяне поотдаленнее от города не держат никакой птицы, кроме куриц, и поступают очень благоразумно. Хотя бы для них и была какая-нибудь возможность сбывать ее, но, по недостатку в хлебе, цена птицы не вознаграждала бы и половины издержек на ее выкормку; при том же нет у них и людей для ухода за ней. Сами они на перинах не спят, да и не дают забрести себе в голову и мысли о плате за такое дорогое и лакомое кушанье...

Очевидно, что крестьянские повинности — позорище самого необузданного себялюбивого произвола; но всего прискорбнее для латышей, что это подрывает в них всякую деятельность: и бедствие-то их не верно им! Только то и есть у них, чего по доброте не захочет отнять помещик: точно также и сами они не более того, что ему угодно. Только бы он захотел, а то может сделать больше любого государя в Европе: он обращает домохозяина в раба своего собственного дома, а раба в домохозяина. Пожелай он, — и целые семейства покинут свой

отеческий очаг, уступят построенный ими дом другим, увидят что возделанные ими поля увеличили господские пашни, и дадут поселить себя в какой-нибудь дикой пустыне, или совсем разогнать. Пожелай он,— и молодой крестьянин променяет свой зипун на мундир, навечно распростится с своими седыми родителями, да и пойдет на войну, потому что милостивый господин получил уже цену за кровь его...

Г. Меркель. Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия.— «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. I. М., 1870. Отд. 4. Материалы иностранные, стр. 39—45, 47—50.

2. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

№ 12.— Численность крестьянских волнений в России в 1796—1860 гг.

Годы	Число волнений	Годы	Число волнений	Годы	Число волнений
1796	55	1815	29	1834	36
1797	119	1816	24	1835	15
1798	10	1817	34	1836	65
1799	7	1818	40	1837	21
1800	12	1819	39	1838	36
1801	5	1820	22	1839	47
1802	18	1821	16	1840	33
1803	18	1822	46	1841	31
1804	18	1823	39	1842	53
1805	26	1824	27	1843	34
1806	14	1825	37	1844	40
1807	11	1826	104	1845	73
1808	28	1827	33	1846	37
1809	20	1828	15	1847	52
1810	16	1829	20	1848	161
1811	30	1830	44	1849	34
1812	60	1831	32	1850	30
1813	19	1832	19	1851	28
1814	15	1833	24	1852	46

Годы	Число волнений	Годы	Число волнений	Годы	Число волнений
1853	31	1856	27	1859	161
1854	34	1857	100	1860	186
1855	19	1858	378		

Итого за 1796—1860 гг. 2954

Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сб. документов. Под ред. С. Н. Валка. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 18; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сб. документов. Под ред. А. В. Предтеченского. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 817; Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. Сб. документов. Под ред. С. Б. Окуня. М., Соцэкгиз, 1962, стр. 732—733; Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. Сб. документов. Под ред. С. Б. Окуня и К. В. Сивкова. М., Соцэкгиз, 1963, стр. 736.

№ 13.— Из отчетов III отделения о крестьянских настроениях

Краткий обзор общественного мнения за 1827 год

Крепостные... Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия. Надо заметить, что всякий крепостной, которому удалось своим трудом скопить несколько тысяч рублей, употребляет их прежде всего на то, чтобы купить себе свободу. Они хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находятся в состоянии рабства; все остальные: финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваши и т. д.— свободны. Среди крестьян встречаешь путешественников, которые говорят им о их положении; сельские священники также им его разъясняют. Доктрины многих сектантов заставляют их почувствовать свое положение, и убежища этих самых сектантов (скиты раскольнические) могут быть рассматриваемы в этом отношении как якобинские клубы. Кроме того шатающиеся по кабакам мелкие чиновники, в особенности выгнанные за дурное поведение, распространяют пагубные идеи среди крепостных, главари

и подстрекатели коих находятся среди барской челяди. Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: «Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их». В начале каждого нового царствования мы видим бунты, потому что народные страсти не довольствуются желаниями и надеждами. Так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства..

Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1834 году

О расположении умов

Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 г. много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам и почти все таковые случаи, как по произведенным исследованиям оказывалось, происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу. В таковых случаях всегда являются злонамеренные люди, которые, пользуясь заблуждением крестьян, из одних видов личной выгоды, поддерживают их в оном и возбуждают к неповиновению. Поныне все случаи сии были отдельны один от другого, не имели между собою никакой общей связи, и потому правительство без особенных усилий имело возможность прекращать таковые беспорядки. Но могут явиться люди неблагоприятные обстоятельства: внешняя война, болезни, недостатки; могут явиться люди, которым придет пагубная мысль воспользоваться сими обстоятельствами ко вреду правительства и тогда провозглашением свободы их из помещичьего владения им легко будет произвести великие бедствия.

Благомыслящие люди ожидают, что бдительное правительство наше не упустит из вида сие важное для спокойствия России обстоятельство. Они понимают всю трудность сего дела и с какою крайнею осмотрительностью надлежит в сем случае действовать, дабы не возбудить пагубного между крестьянами волнения, ибо крестьянин наш не имеет точного еще понятия о свободе, и

волю смешивает с своевольством. А потому, сколько, с одной стороны, признается необходимым, дабы правительство исподволь приближалось к цели освобождения крестьян от крепостного владения, столько, с другой,— все уверены, что всякая неосторожность, слишком поспешная в сем деле мера, должна иметь вредные последствия для общественного спокойствия. Многие, размышляющие о сем предмете, полагают самым лучшим средством — дать делу сему такое направление, чтобы освобождение крестьян происходило от самих помещиков...

Обозрение расположения умов и некоторых частей государственного управления в 1837 году

О расположении умов

Здесь не излишне будет упомянуть об одном весьма странном обстоятельстве, обнаруженном в Москве, во время пребывания там государя императора. Помещичий крестьянин, самых ограниченных понятий, род юродивого, неспособный почти ни к какой работе и по сей причине освобожденный даже своею помещицей от платежа оброка, слыша жалобы крестьян на помещиков и земские начальства, людей фабричных на фабрикантов, солдат на тягость службы, возымел мысль о составлении некоего посредничества между правительством и народом, через избранных из среды народа представителей, для улучшения быта простых людей. Мысль сию обдумывал он, как по исследованию оказалось, в продолжение нескольких лет и толковал о ней с разными людьми простого звания, которые его слушали и на которых он, невзирая на свою юродивость, имел в этом отношении и значительное влияние. Все это однако делал он не полагая нисколько, чтобы замышлял что-либо противное правительству, ибо намеревался о сей мысли своей представить государю и просить его соизволения на приведение оной в исполнение; однако же он не был к тому полицией допущен и взят ею, и потом по высочайшему повелению отправлен, согласно собственному его желанию, в монастырь. Частный случай сей, взятый отдельно, конечно, сам по себе не представляет особой важности, но он невольно ведет к заключению, что и у нас в простом сословии народа могут порождаться мысли об изменении

в образе правительства для ограждения себя от притязаний и несправедливостей начальств своих и помещиков...

Нравственно-политический отчет за 1839 год

Свод мнений насчет внутреннего состояния России и действительное ее состояние

При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства, издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого происходят и в прошедшем году происходили в разных местах беспорядки, ропот, неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленною, но страшною опасностью. Так и теперь, по поводу бракосочетания великой княжны Марии Николаевны в народе разнеслась весть, что крестьяне будут освобождены. Толки всегда одни и те же: царь хочет, да бояре противятся. Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет пред сим. Подьячие, тысячи мелких чиновников, купечество и выслуживающиеся кантонисты, имеющие один общий интерес с народом, привили ему много новых идей и раздули в сердце искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть.

В народе толкуют беспрестанно, что все чужеязычники в России, чухны, мордва, чуваши, самоеды, татары и т. п. свободны, а одни русские, православные — невольники, вопреки священному писанию. Что всему злу причиной господа, т. е. дворяне! На них сваливают всю беду! Что господа обманывают царя и клевещут пред ним на православный народ и т. п. Тут даже подводят тексты из священного писания и предсказания по толкованиям библии и предвещают освобождение крестьян, месть боярам, которых сравнивают с Аманом и фараоном. Вообще весь дух народа направлен к одной цели к освобождению, а между тем, во всех концах России есть праздные люди, которые разжигают эту идею, и в последние годы преследование раскольников вооружило и их против правительства так, что их скиты сделались центром этого зла. Там наиболее пророчеств

и толков, основанных на священном писании. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же, и что ныне составилась огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству. Благоустройство удельных крестьян и оказываемая им защита сильно подействовали на возбуждение еще большего омерзения к крепостному состоянию. В этом отношении обращают на себя внимание солдаты, уволенные в бессрочный отпуск. Из них хорошие остаются в столицах и городах, а по деревням расходятся люди большею частию ленивые или дурного поведения. Потеряв привычку к крестьянским трудам, не имея собственности, чуждые на родине, они возбуждают ненависть противу помещиков своими рассказами о Польше, Остзейских губерниях и вообще могут вредно действовать на ум народа. Хорошие из бессрочно отпускных не могут противодействовать вредному влиянию, потому что льстящее страстям мнение принимается охотно.

Мнение людей здравомыслящих таково: не объявляя свободы крестьянам, которая могла бы от внезапности произвести беспорядки, можно бы начать действовать в этом духе. Теперь крепостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягают на верность государю. Они состоят вне закона, ибо помещик может без суда ссылать их в Сибирь. Можно было бы начать тем, чтобы утвердить законом все существующее уже на деле (de facto) в хорошо устроенных поместьях. Это не было бы новостью. Так например, можно было бы учредить волостные управления, сдачу в рекруты по жребию или по общему суду старшин волости, а не по прихоти помещика. Можно было бы определить меру наказания за вины и подвергнуть крепостных людей покровительству общих законов; а что всего важнее, разделив Россию на полосы, по качеству почвы, климату и промышленному положению края,— определить число рабочих дней на господина, по мере занимаемой крестьянином земли, и определить по той же мере оброк.

Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только будет мера спасительна, когда будет предпринята самим правительством, тихо, без шуму, без громких слов, и будет соблю-

дена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, в этом все согласны...

Крестьянское движение 1827—1869. Вып. I. Под ред. Е. А. Мороховца. М.-Л., 1931, стр. 9, 15—16, 23, 31—32.

№ 14 — [1857 г. — начало 1858 г.] — Записка, представленная члену Секретного комитета по крестьянскому делу М. Н. Муравьеву, о характере волнений крестьян помещика Федорова и помещицы Киреевой в 1852—1853 гг.

В 1852 г. Нижегородской губ. Ардатовского у. проявилось неповиновение между крестьянами гг. Федорова и Киреевой, основанное на слухах о том, что будто бы класс крепостного состояния должен быть отпущен на волю со всей землей и прочими угодьями, принадлежащими помещикам, на том основании, что в древние времена все крестьяне были казенными, но переходили во владение помещиков постепенно: иные жалованы государями, а другие взяты в крепость в древности насильственным образом. Еще во времена царя Иоанна Грозного они безвозмездно пользовались угодьями, лесами и землями. В вознаграждение же за отобрание вотчин дворяне будут получать для своего содержания ежегодное жалованье.

...Потом было приступлено к дознанию, какие понятия имеют крестьяне о свободе, к чему скоро представился случай в то время, когда было поручено предводителю привести в порядок бунтовавших крестьян, которые и были спрошены, почему они не платят подушных и отказываются нести земские повинности — иные сослались на бедность, а другие объявили, что они платить не обязаны оттого, что получили свободу особенным указом, скрываемым губернским начальством. В опровержение им было сказано, что казенные и удельные крестьяне, которых они почитают свободными, несут денежные повинности; но они отвечали, что не почитают их вольными, а принадлежащими государю — какие же они вольные, когда от них требуют разных платежей.

На спрос, почему они выходят из повиновения начальства земской полиции, отвечали, что теперь имеют уже свое собственное управление обществом на мирских сход-

ках; к правительству доверия не имеют, и оно не вправе более до них касаться; начальство не смеет и не вправе наказать их товарищей, заключенных в тюремном замке уже несколько лет, и если бы крестьяне не были свободными, тогда давно бы их наказали; представляли в пример крестьян с. Абрамова, тоже отказавшихся платить казенные повинности.

...По исследовании о беспорядках в дер. Голяткине оказалось, что крестьяне стали отвергать всякое право собственности, утверждая, что богатые не вправе одни владеть капиталами, а обязаны их делить с бедными; и коль скоро свобода уравнивает всех лично, то и состояния с правом собственности также должны быть уравняемы.

Из всего этого само собою выводится заключение, что, получив превратные о свободе понятия, они полагают ее безусловною, совершенно неограниченною в уничтожении правительственных мер, заменяемых общественным крестьянским управлением. Опасное брожение черни проявляется не от потребности свободы, благоразумно ограниченной, но есть лишь безрассудное увлечение на удовлетворение грубых страстей; нельзя ручаться за спокойствие черни — они удерживаются одним лишь страхом. Эта мера не только не действительна, но совершенно ненадежна или надежна только до времени. Самое вредное понятие народа о свободе состоит в том, что чернь полагает себя вправе беспрепятственно действовать по своей воле безнаказанно. Она не полагает границ свободе; всякая сильная душевная страсть, лень, нерадение — суть в их понятиях проявление свободы; равно пороки, пьянство, буйство, неистовство, своевольство суть лишь одно похвальное удальство, не заслуживающее наказания. Беспорядки, происшедшие в 1851 г. и в последовавших годах в имении Пашкова, в селениях — Абрамове, Собакине, Сосновке, Кожене явно доказывают, что крестьяне совсем не понимают и не признают общественных и государственных обязанностей.

Ныне, начиная от гор. Владимира, во Владимирской, Нижегородской, Костромской, частью Казанской и Вятской губерниях повсеместно господствует идея о свободе в том виде, как она здесь изложена; после военных экзекуций, употребленных в губернии Нижегородской, нигде уже не оказывается между крепостными явных беспорядков, но они приняли в настоящее время лишь

выжидательное положение, которое ни в каком случае долго продолжаться не может.

Понятия черни о свободе можно изложить вкратце следующими правилами:

1) Государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходках, которым будут обслуживаться преступления и дела гражданские.

2) Коль скоро крепостной получит свободу, то не обязан платить подушных и нести земской и рекрутской повинности.

3) Денежные имущества, т .е. капиталы, должны быть уравниваемые между бедными и богатыми крестьянами.

4) Землями владеет чернь, а не помещики.

Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. Сб. документов, 1962, стр. 121—124.

№ 15.— Записка члена Главного комитета по крестьянскому делу и министра государственных имуществ М. Н. Муравьева. 1857 г.

Крестьяне по большей части не расположены к помещикам, но исполняют беспрекословно все работы и повинности и ожидают, с обычным для русского народа терпением, так называемой свободы, которую однакож понимают превратно и преимущественно полагают оную: а) в своеволии и полной необузданности с прекращением всяких работ и платежа за землю; б) в безограниченном пользовании всеми землями помещиков, которые, по их мнению, должны будут выехать из имений в города, ибо земля, по понятиям крестьян, принадлежит им (крестьянам — *В. Ф.*), а не теперешним владельцам; в) некоторые даже считают, что они не станут платить государственных податей, говоря, что будет полная свобода и что будут иметь свои собственные мирские судилища, которые заменят ныне существующие от правительства.

Подобные убеждения поддерживают и возбуждают в них отчасти бессрочно-отпускные и отставные солдаты.

Превратные эти понятия поддерживаются подобными же убеждениями государственных крестьян, которые считают землю своею неотъемлемою собственностию и некоторые полагают даже, что мирские сходы и расправа их имеют право судить и рядить все роды дел; словом, здесь противные общественному порядку понятия поме-

щичьих крестьян отчасти находят опору и в существующем вообще направлении мыслей и убеждениях прочих свободных сельских сословий.

В. А. Федоров. Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Вып. I. Изд-во МГУ, 1966, стр. 53—54.

3. ПРОЕКТЫ И ЗАПИСКИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН

№ 16.— В. В. Стройновский[1] о необходимости уничтожения крепостного права. 1809 г.

...Бытописания народов показывают, что в каких странах земледельцы были прежде увольнены от подданства, там народы более успели в образовании себя в размноженной людности, в улучшении земледелия, в доставлении себе изобилия и богатства. Таковые доказательства не одного только рассуждения, но утверждены на опытах, что всеобщая личная свобода людей составляет народную пользу. Рабы не почитаются гражданами государства и взирают на дворянство, имеющее право угнетать их, как на орудие своего нещастия. Они видят малое противу себя число оного: а примеры научают нас, что нетерпеливость перенесения угнетающей тягости многократно побуждала земледельцов свергнуть с себя оную; что не однажды им то удавалось; что даже неудача не ослабляла в них духа ропота и усилий соделаться свободными. Известно сколь таковые внутренние возмущения насильственны и по своей жестокости ужасны, они бы должны научить, что для собственного нашего блага и спокойствия надлежит помыслить о сем единожды навсегда и освободиться от возмущения крестьян...

В. Стройновский. Об условиях помещиков с крестьянами. Пер. с польского. Вильна, 1809, стр. 33—34

№ 17.— К. И. Арсеньев[2] о крепостном праве

...Крепостность земледельцев есть также великая преграда для улучшения состояния земледелия. Человек, не

[1] *В. В. Стройновский* (ум. в 1831 г.) — граф, помещик Подольской и Минской губерний.
[2] *К. И. Арсеньев* (1789—1865) — профессор Петербургского университета, академик.

уверенный в полном возмездии за труд свой, в половину не произведет того, что в состоянии сделать человек свободный от вечных уз принуждения. Доказано, что земля, возделанная вольными крестьянами, дает обильнейшие плоды, нежели земля одинакого качества, обработанная крепостными. Истина непреложная, утвержденная опытами многих веков протекших, что свобода промышленника и промыслов есть самое верное ручательство в приумножении богатства частного и общественного, и что для поощрения к большей деятельности и к большему произведению нет лучшего, надежнейшего средства, как совершенная, неограниченная ничем, гражданская личная свобода, единый истинный источник величия и совершенства всех родов промышленности...

[К. И. Арсеньев.] Начертание статистики Российского государства..., ч. I. СПб., 1818, стр. 106—107.

№ 18.— Проект Н. С. Мордвинова[1] об освобождении крестьян в России. 1818 г.

...Дарование свободы тогда токмо не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ни вредными последствиями, когда располагаемо бывает с некоторою постепенностию; когда свободными делаются не все вместе и единовременно, без воззрения на степень просвещения и спелости всего, что́ в гражданском состоянии относится к человеку, но когда благо сие представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку... безопасное поспешествование, какое от верховной власти может с пользою оказано быть народу в достижении независимого состояния, заключается в установлении законом меры выкупа для освобождения от крепостной зависимости.

Такая мера ... должна быть распределена по возрасту получающих свободу: она должна от двух до 40 лет возвышаться, от 40 до 60-ти понижаться. Ниже двух и свыше 60 лет платы не полагается. За прочие лета цена должна быть ближе к высокой, нежели к низкой, когда приемлется она в виде способа, могущего возбудить трудолюбие, коего плод есть богатство и благосостояние народное.

[1] *Н. С. Мордвинов* (1754—1845) — граф, государственный и общественный деятель, экономист.

Посредством сей меры число свободных людей в России постепенно возрастать будет; деятельность народная, поощряемая вожделенною наградою независимости, распространится; трудолюбивые и предприимчивые отличатся от нерадивых и неспособных; число первых умножится, число последних уменьшится, и тем доблесть народа российского вяще ознаменуется. Тихое, мирное прехождение из зависимого состояния в свободное никакому другому сословию не навлечет неприятности и потерей. Не ослабляя никакой части, все целое общего благоденствия скорее достигнет. Совершится желаемое без насильственного расторжения связей, долгим временем укорененных; без потрясения прав наследственных, древностию как бы освященных, и таковых же, куплею стяженных и от закона укрепленных. Крестьяне получат свободу; помещики останутся владетелями полными земель своих, и с денежным еще капиталом, столь нужным для возвышения доходов от своих достояний...

«Девятнадцатый век». Исторический сборник, изд. Петром Бартеневым. Кн. 2. М., 1872, стр. 151—152.

№ 19. — Записка Л. А. Перовского[1] об освобождении крестьян в России. 1846 г.

Вопрос об уничтожении крепостного состояния не только обращает на себя внимание высшего правительства, но сделался даже предметом откровенной беседы образованных сословий и проник, наконец, темными и превратными слухами, в низшие состояния.

Правительство не имеет еще, по-видимому, никакого положительного плана действий.

Не подлежит сомнению, что освобождение крестьян или уничтожение крепостного права крайне желательно. Но прежде всего должно определить значение свободы нынешнего крепостного состояния.

Свобода сия, конечно, должна состоять в сравнении прав и обязанностей помещичьих крестьян с правами и обязанностями крестьян государственных.

Не так, однако же, смотрит на это простой народ, который казенных крестьян не считает свободными и видит свободу или вольность в одном совершенном безна-

[1] *Л. А. Перовский* (1792—1856) — граф, министр внутренних дел (1841—1852).

чалии и неповиновении: понятие бессмысленное и страшное. Один почерк пера государя императора может обратить крепостных людей в вольных; но никакое предвидение не в состоянии предсказать последствий такого внезапного переворота, и никакие силы не будут достаточны для водворения порядка и безопасности среди всеобщего безначалия.

Что́ касается до помещиков, то взгляд образованных из них на крепостное право совершенно изменился. Они, конечно, опасаются последствий свободы, зная необузданность народа, вышедшего однажды из пределов повиновения, но вовсе уже не боятся утраты в своем достоянии. К сему привели, мало-помалу, возвысившаяся ценность и недостаток земель, неопределительность крестьянских обязанностей и тяжкая обязанность кормить крестьян на свой счет во время неурожаев.

В настоящем положении земля есть собственность помещика, но он есть и хозяин своего крестьянина, о коем он должен заботиться, как для собственной своей выгоды, так и по особым постановлениям правительства.

Из этого ясно следует, что ни без земли, ни даже с землею крестьяне безусловно уволены быть не могут.

Предположив первое, спрашивается, что́ станут делать 24 [млн.] обоего пола душ безземельных хлебопашцев, и чем обеспечится судьба их? Балтийские губернии представляют современный пример, как тягостна для крестьян личная свобода, если они ничем не ограждены от произвола помещиков.

Предположив второе, т. е. наделение крестьян землею по числу душ, следовало бы продолжать надел, по мере умножения народонаселения, до последнего клочка помещичьей земли. Но здесь нельзя не подумать о помещиках: оставшись без земли или с небольшим количеством оной, среди крестьян, наделенных их землею, они будут поставлены в самое затруднительное положение и не найдут никаких способов пропитания. Сословие дворян везде и всегда почиталось опорою верховной власти; но лишенное вдруг своего наследия и достояния, оно сделается враждебною и опасною стихиею. Сверх того крестьянин, получив свой участок, удовольствовался бы им и не стал бы обрабатывать чужой земли, из опасения снова подвергнуться зависимости от помещика; а следствием сего был бы многолетний голод и все соединенные с ним бедствия.

Итак, с одной стороны, крестьянин должен быть, до известной степени, привязан к земле самыми узаконениями; а с другой,— закон должен предоставить помещику известную степень полицейской власти; в противном случае нельзя было бы заставить крестьянина выполнять обязанности свои в отношении даже к правительству.

Если же необходимо уже ограничить значительно предполагаемую свободу крестьян, а дарование ограниченной свободы будет на деле то же самое, что ограничение крепостного права, то ясно, что сим, так сказать, обратным путем достигнется одна и та же цель, при том несравненно вернее и безопаснее, незаметным для крестьян образом.

Не говоря уже о том, что древняя, безусловная власть господина над рабом теперь давно не существует, должно обратить внимание на те постепенные ограничения крепостного права, которые все, в совокупности, бесспорно сделали, что оно в настоящее время не составляет и половины того, чем было лет за 50 пред сим.

Если продолжать действовать с осмотрительностию на тех же основаниях, то с каждым благоразумным распоряжением можно подвигаться шагом вперед и, наконец, придти незаметным образом к цели, не произнося опасного слова: вольность или свобода.

Но для сего, рядом с такими мерами, должны идти необходимые улучшения местных управлений, дабы правительство имело в руках действительную исполнительную власть и нравственное влияние, которых оно теперь лишено.

Первым, следственно, шагом к предположенной цели, должны быть: 1) приведение в возможное устройство местных управлений и полиции, в особенности земской. 2) Устройство и уравнение повинностей, денежных и натуральных. 3) Обеспечение народного продовольствия.

За тем следует обратиться к главнейшему основанию всякого свободного состояния: к определению прав, обязанностей и повинностей. Достигнуть сего можно только посредством инвентарей, или росписей работам и отношениям.

В связи с сим ипотечные книги, которые в настоящем деле принесли бы косвенную пользу, утвердив кредит, теперь не существующий.

Когда же инвентари определят до некоторой степени взаимные отношения крестьянина и владельца, тогда должно приступить (не в виде новых и важных узаконений, а в виде добавочных и объяснительных правил) к разным ограничениям произвола помещика и к дарованию известных прав крестьянину.

Сюда относятся: 1) признание законом права крестьян владеть движимою и недвижимою собственностию.

2) Прием в залог одних земель и угодий, а не душ и вообще запрещение писать в актах души иначе, как в смысле поселенных на такой-то земле.

3) Приписка в известный срок всех крепостных крестьян, без изъятия, к поселенным землям.

4) Воспрещение отчуждать людей без земли и предоставление увольнять излишних, для поселения, по желанию, на землях казенных или владельческих.

5) Ограничение в обращении людей с пашни во двор и наконец совершенное запрещение таких переводов.

6) Подобное же, сначала ограничение, и потом запрещение взимать оброк с людей, не пользующихся землями или угодьями от владельца.

7) Прекращение отдачи людей в работу, в услужение, на выучку и прочее, с предоставлением только увольнять их для того по собственному желанию.

8) Разрешение приема крепостных людей в военную службу, если они добровольно предпочтут это своему состоянию.

Каждая из сих мер, бесспорно, требует еще зрелого обсуждения, точного определения и, может быть, даже разделения на несколько последовательных распоряжений; все вместе должно быть соображено и постановлено, в каком порядке и при каких вспомогательных мерах одно должно следовать за другим; но за сим, для довершения, безгласно, дела остается только одно важное и существенное: разрешение свободного перехода крестьян к другим помещикам и в иные сословия.

Впрочем безусловная свобода перехода никогда не может быть допущена; от разрешения же переходить крестьянам от одного господина к другому, на известных условиях и в другие состояния, когда найдется общество, которое бы их приняло,— нельзя ожидать внезапности и многочисленности подобных переходов.

«Девятнадцатый век». Исторический сборник, изд. Петром Бартеневым. Кн. 2, стр. 185—189.

№ 20.— А. И. Кошелев[1]. Охота пуще неволи. 1847 г.

...Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколько возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше,— ему не дело делать, а день убить.— На господина работает он три дня и на себя также три дня. В свои дни он обработывает земли больше, справляет все домашние дела, и еще имеет много свободного времени. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние или в ярость. Наказываешь не хотя, но прибегаешь к этому средству, как к единственно возможному, чтоб дело вперед подвинуть. С этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит; материалов не наготовишься; времени проработают они менее барщинского крестьянина; отдохнут они более его; но наделают они вдвое, втрое. От чего?— Охота пуще неволи.

Взойдите в мануфактуру, где работают по наряду, даже где в виде поощрения дается некоторая задельная плата. Что вы там найдете? Инструменты непременно в худом виде, ибо работники их не берегут, они за них не отвечают; можно этих людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причине работа производится и дурно, и неотчетливо; что же касается до сработанного количества, то верно едва в половину против вольного работника.— Какая разница войти в мануфактуру, истинно на коммерческой ноге устроенную! Как там один перед другим боится переработать, так тут они друг друга одушевляют и подстрекают. Вычет заставляет каждого, строже всякого надсмотрщика, наблюдать за чистотою работы. Собственная выгода будит его до света и освещает ему вечером.— Охота пуще неволи.

У нас в домах слуг много, а прислуги мало. Всякий имеет свою часть, и даже свою часть исправляет столько, сколько необходимо, а всего чаще и гораздо менее, чем сколько нужно.— За границею; даже в С.-Петербурге у иностранных купцов в доме один слуга; а между тем все чисто, все убрано; за столом он один служит пятна-

---

[1] *А. И. Кошелев* (1806—1883) — общественный деятель и публицист, видный славянофил.

дцати, двадцати человекам; везде он поспевает; нигде нет за ним остановки. Почему? Потому что он получает жалованье хорошее, т. е. то, чего нам стоят двое, трое наших невольных слуг; потому что если он не будет исполнять всех требований своего хозяина, не будет предупреждать его желаний,— то его сошлют и возьмут слугу более усердного. Спросите иностранцев в Петербурге как они довольны нашими так называемыми артельщиками; один человек служит за троих. — От чего? Охота пуще неволи.

Мы часто жалуемся, что слуги наши глупы, беспечны, ленивы, — да как же им быть иными? — О чем им заботиться? Они знают, что барин их накормит и оденет. К чему им радеть? Что не больше они будут работать, то тем больше навалят на них дела, и одно средство быть покойным: дела не делать, а от дела не бегать. Что же касается до ума, то в их теперешнем положении эта самая опасная и бесполезная вещь: почти все умные слуги или пьяницы или отчаянные головы. Самая лучшая вещь в слуге, — чтобы он был не умен и не глуп. Дело другое в вольном человеке: он должен позаботиться о том, чтоб припасти к старости, на случай болезни; ему надобно подумать или об отце и матери, или о жене и детях. Если он будет — служить плохо, то его прогонят; если он может в доме исправлять только одну часть, то он и жалование получит за $1/4$, за $1/2$ слуги, одним словом всякий слуга служит без устали; мечется во все углы; все им приведено в порядок,— потому что он служит по доброй воле, потому что он получает для себя по мере, как он служит для другого.

...Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнее) лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей. Почти все мы убеждены в превосходстве труда свободного перед барщинскою работою, вольной услуги перед принужденною,— а остаемся при худшем, зная лучшее. Многое можно сказать насчет невозможности теперь превратить наших крепостных крестьян в обязанные, но что удерживает нас всем дворовым людям, на основании указа 12 июня 1844 года, дать отпускные с заключением с ними обязательств? Обеспечение имеем мы полное: если они не заплатят следующих нам денег в назначенные сроки, то удовлетворяемся мы преимущественно пред всеми прочими их долгами и даже перед казенными повинностями; если имущест-

во их недостаточно, то отдаются в рекруты, и зачетные квитанции нам выдаются, а негодные в рекруты отправляются в крепостные работы.— Чего же нам требовать более? Средства нам даны; исполнение зависит от нас одних. Есть уже и примеры, но к несчастью они не столь многочисленны, как бы того следовало ожидать. Пусть люди благонамеренные примутся за дело дружнее и тогда верно отсталых будет немного.

«Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)». Берлин, 1884. Приложение второе, стр. 12—14.

4. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

№ 21.— Указ о праве купцов, мещан и казенных крестьян покупать земли

12 декабря 1801 г.

Желая дать новое поощрение земледелию и промышленности народной соразмерно способам, какие Россия по пространству и положению своему имеет, признали мы нужным право приобретение всяких под разными именами известных земель без крестьян и владения всем тем, что на поверхности и в недрах их находится распространить на всех российских подданных, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям.— И вследствие того предоставляем не только купечеству, мещанству и всем городским правом пользующимся, но и казенным поселянам, к какому бы они ведомству ни принадлежали, равномерно и отпущенным на волю от помещиков приобретать покупкою земли от всех тех, кои имеют по законам право на продажу, и утверждать таковые приобретения за собою совершением купчих каждому от своего имени в учрежденных на то местах законным порядком, собственность их ненарушимо ограждающим. Правительствующий Сенат, сходственно сему, не оставит учинить надлежащие распоряжения.

Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), с 1649 года. Т. XXVI. 1800—1801. СПб., 1830, стр. 862—863, № 20 075.

№ 22.— Количество земли, приобретенное государственными крестьянами в собственность с 1801 по 1858 гг. на основании указа от 12 декабря 1801 г.

Губернии	Число крестьян-собственников мужск. пола	Принадлежащ. им в собственность земли (дес.)	Губернии	Число крестьян-собственников	Принадлежащ. им в собственность земли (дес.)
Астраханская	6 186	33 899	Пермская	374	3 227
Владимирская	4 725	19 861	Полтавская	21 983	37 163
Вологодская	11 491	57 419	Псковская	6 865	56 613
Воронежская	2 180	9 702	Рязанская	11 153	21 351
Вятская	5 332	15 546	С.-Петербургская	836	7 655
Екатеринославская	512	15 650	Самарская	23 084	159 498
Казанская	1 707	4 066	Саратовская	11 565	26 448
Калужская	4 893	9 129	Смоленская	4 077	20 306
Костромская	11 937	30 690	Таврическая	32	6 000
Курская	17 216	28 086	Тамбовская	5 013	21 433
Московская	5 157	20 106	Тверская	50 226	101 673
Нижегородская	3 238	9 180	Тульская	3 389	9 909
Новгородская	9 515	76 028	Харьковская	6 527	25 410
Олонецкая	113	1 300	Херсонская	1	20
Оренбургская	10 864	206 688	Черниговская	5 490	12 287
Орловская	8 728	24 682	Ярославская	10 643	41 606
Пензенская	3 421	4 492	Итого	268 473	1 113 281

См.: В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России. СПб., 1858, стр. 10—11.

№ 23.— Указ о свободных хлебопашцах

20 февраля 1803 г.

Действительный тайный советник граф Сергей Румянцов, изъявив желание некоторым из крепостных его крестьян при увольнении их утвердить в собственность продажею или на других добровольных условиях участки из принадлежащих ему земель, испрашивал, чтоб условия таковые, добровольно заключаемые, имели то же законное действие и силу, какое прочим крепостным обязательствам присвоено, и чтоб крестьяне, таким образом уволенные, могли оставаться в состоянии свободных земледельцов, не обязываяся входить в другой род жизни.

Находя с одной стороны, что по силе существующих законов, как то, по манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годов увольнение крестьян и владение уволенным землею в собственность дозволено; а с другой, что утверждение таковое земель в собственность может во многих случаях представить помещикам разные выгоды и иметь полезное действие на ободрение земледелия и других частей государственного хозяйства: мы считаем справедливым и полезным, как ему графу Румянцову, так и всем, кто из помещиков последовать примеру его пожелает, распоряжение таковое дозволить; а дабы имело оно законную свою силу, находим нужным постановить следующее.

1) Если кто из помещиков пожелает отпустить благоприобретенных или родовых крестьян своих по одиночке, или и целым селением на волю, и вместе с тем утвердить им участок земли или целую дачу; то сделав с ними условия, какие по обоюдному согласию признаются лучшими, имеет представить их при прошении своем чрез губернского дворянского предводителя к министру внутренних дел для рассмотрения и представления нам; и если последует от нас решение желанию его согласное: тогда предъявятся сии условия в Гражданской палате и запишутся у крепостных дел со взносом узаконенных пошлин.

2) Таковые условия, сделанные помещиком, с его крестьянами и у крепостных дел записанные, сохраняются как крепостные обязательства свято и ненарушимо. По смерти помещика законный его наследник, или

наследники, вступают во все обязанности и права, в сих условиях означенные.

3) В случае неустойки той, или другой стороны в сих условиях присутственные места по жалобам разбирают и чинят взыскания по общим узаконениям о контрактах и крепостях, с таковым при том наблюдением, что если крестьянин, или и целое селение не исполнит своих обязательств: то возвращается помещику с землею и семейством его во владение по прежнему.

4) Крестьяне и селения от помещиков по таковым условиям с землею отпускаемые, если не пожелают войти в другие состояния, могут оставаться на собственных их землях земледельцами и сами по себе составляют особенное состояние свободных хлебопашцов.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселе отпущаемы были лично на волю с обязательством избрать род жизни, могут в положенный законами срок вступать в сие состояние свободных земледельцев, если приобретут себе земли в собственность. Сие распространяется и на тех из них, кои находятся уже в других состояниях и перейти в земледельческое пожелают, приемля на себя и все обязанности оного.

6) Крестьяне, отпущенные от помещиков на волю и владеющие землею в собственность, несут подушный казенный оклад наравне с помещичьими, отправляют рекрутскую повинность натурою, и исправляя наравне с другими казенными крестьянами земские повинности, оброчных денег в казну не платят.

7) Они ведаются судом и расправою в тех же местах, где и казенные крестьяне; по владениям же землею разбираются по крепостям, как владельцы недвижимой собственности.

8) Как скоро исполнением условий, крестьяне таковые получают землю в собственность: они будут иметь право продавать ее, закладывать и оставлять в наследие, не раздробляя однакож участков менее 8 десятин; равно имеют они право вновь покупать земли; а потому и переходить из одной губернии в другую; но не иначе как с ведома Казенной палаты для перечисления их подушного оклада и рекрутской повинности.

9) Поелику крестьяне таковые имеют недвижимую собственность: то и могут они входить во всякие обязательства; и указы 1761 и 1765 годов, запрещающие

крестьянам без дозволения их начальств вступать в условии, на них не простираются.

10) В случае, ежели бы крестьяне, отпущаемые помещиком на волю с землею, состояли в казенном или частном залоге: они могут с дозволения казенных мест и с согласием частных кредиторов принимать на себя долг, на имении том лежащий, вносить его в условия; а во взыскании сего долгу, на себя ими принимаемого, поступать с ними, как с помещичьими.

На сем основании Правительствующий Сенат не оставит учинить от себя все нужные распоряжения.

ПСЗ, с 1649 года. Т. XXVII. 1802—1803. СПб., 1830, стр. 462—463, № 20620.

№ 24.— Число помещичьих крестьян, уволенных в свободные хлебопашцы с 1803 по 1858 гг. на основании указа 20 февраля 1803 г.

Губернии	*Душ мужск. пола*	*Губернии*	*Душ мужск. пола*
Астраханская	1 022	Пензенская	984
Виленская	315	Пермская	213
Витебская	417	Полтавская	193
Владимирская	2 324	Псковская	1 983
Вологодская	3 231	Рязанская	16 717
Воронежская	33 440	Самарская	756
Екатеринославская	242	С.-Петербургская	2 556
Казанская	405	Саратовская	6 950
Калужская	3 611	Симбирская	1 018
Киевская	441	Смоленская	1 614
Костромская	4 147	Таврическая	3
Курская	2 865	Тамбовская	1 558
Могилевская	704	Тверская	7 870
Московская	14 462	Тульская	1 981
Нижегородская	11 870	Харьковская	9 457
Новгородская	3 500	Херсонская	130
Олонецкая	616	Черниговская	221
Оренбургская	824	Ярославская	11 699
Орловская	1 536		
		Итого	151 895

В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, стр. 61—65.

№ 25.— Учреждение для эстляндских крестьян

23 мая 1816 г.

I. Эстляндское рыцарство, отрекаясь от всех доселе принадлежащих ему крепостных наследственных прав на крестьян, на основании изданного о будущем состоянии их положения, предоставляет себе токмо право собственности на земли, так, чтобы впредь уже свободные от крепостной зависимости крестьяне вступать могли в такие токмо с помещиками отношения, которые проистекать могут из взаимных договоров, на согласии основанных и действию Гражданских законов подлежащих.

II. Но как при внезапном переходе крестьян из крепостной зависимости в новое их состояние свободы, могли бы возникнуть разные недоумения и затруднения в частных и государственных повинностях и обязанностях; то, дабы учреждения при таковой перемене политического и гражданского состояния крестьян, по разным частям управления нужные, привести в действо благопоспешнее и намереваемой цели соответственнее, постановляется совершить дело сие постепенным порядком, так, чтобы мирские крестьянские общества с принадлежащими полицейскими и судными властями и начальствами не прежде, как в течение 14-ти лет достигли полного своего образования, крестьяне же к новым правам своим мало по малу привыкали и таким образом ни в сельском хозяйстве, ни в сборе податей, ниже в иных общественных и частных отношениях (которые все вообще доселе были весьма в тесной связи с крепостною зависимостью) не произошло остановки, крайне вредной и для самых крестьян.

III. Из сего порядка при даровании крестьянам новых прав, происходит два для них состояния: одно предварительное, другое постоянное. Для распоряжений, относящихся к первому, назначаются временные постановления, а правила для последнего составляют самое положение о крестьянах...

ПСЗ, т. XXXIII. 1815—1816. СПб., 1830, стр. 670—671.

№ 26.— Положение об эстляндских крестьянах 23 мая 1816 г.

Книга первая

Гл. I.— Коренные законы, служащие основанием Положению о крестьянах Эстляндской губернии

§ 1. Эстляндские крестьяне, которым Правительство присвояет главнейшие гражданские права, образуют между жителями Эстляндской губернии, собственное состояние крестьян, свободное от наследственной помещику зависимости..

§ 2. К сему состоянию принадлежит со дня обнародования сего Положения, каждый эстляндский крестьянин, приписанный доселе к какой-либо земле в Эстляндской губернии, и передает личные свои права наследственно своим потомкам обоего пола, с тем только различием, что женский пол, вступив в брак, пользуется правами своего мужа.

§ 3. Вследствие выше постановленных правил запрещается эстляндских крестьян без земли, или с землею, по одиночке или семьями, продавать, дарить, уступать, закладывать, или иначе за кем-либо укреплять.

§ 4. Эстляндский крестьянин имеет право приобретать в наследственное владение или собственность земли и другие недвижимые имущества.

§ 5. Эстляндские крестьяне по делам гражданским подведомы в первых двух инстанциях судам, состоящим из членов от части избираемых самими крестьянами, и от части из собственного их сословия.

§ 6. Эстляндский крестьянин наказывается токмо по суду и приговору по законам...

§ 7. Взнос всех государственных податей и отправление личных повинностей, предлежащих эстляндскому крестьянину, яко подданному Российской империи, как непрямых (например: починка дорог, за исключением однако же материалов и денежных иждивений, поставка подвод и тому подобное), так и прямых (например: платеж подушных денег, поставка рекрут и проч.), остается без всякой перемены на прежнем основании.

§ 8. Эстляндский крестьянин имеет право заключать с кем ни пожелает договоры о добровольном вступлении в услужение, о взятье и отдаче в аренду (Pacht) земли и касательно всяких других обязанностей...

§ 11. В отношении к гражданскому устройству, эстляндские крестьяне разделяются на мирские общества, кои управляются старостами, долженствующими иметь надзор за охранением прав и за выполнением обязанностей общества. Каждый крестьянин должен быть приписан к какому-либо мирскому обществу...

§ 14. Эстляндскому крестьянину не запрещается переходить из одного общества в другое и переменять места жительства по собственному произволению, буде он удовлетворит всем требованиям, какие мирское общество, в коем он до того состоял, и прежний его помещик на нем имеют...

§ 16. Помещику сохраняется полная собственность на землю, почему и предоставляется ему иметь надзор за благочинием состоящих в его поместье мирских обществ и живущих в оном крестьян...

ПСЗ, т. XXXIII. 1815—1816. СПб., 1830, стр. 728—731.

№ 27.— Положение о лифляндских крестьянах 26 марта 1819 г.

Часть первая

Глава I. Общие постановления

I. Лифляндское и Эзельское рыцарство отказываются на вечные времена от бывших доселе крепостных и наследственных прав, предоставляя себе, по коренным законам и высочайшим постановлениям, полное право собственности на землю и неограниченное право пользоваться оною, как сие особенными правами и привилегиями, рыцарству дарованными, установлено; ...

II. Казна равномерно[1], по высочайшей его императорского величества воле, дарует личную свободу кре-

---

[1] Окончательно личносвободными крестьяне Лифляндии становились с 1826 г.— *Прим. сост.*

стьянам, принадлежащим к ее в Лифляндии поместьям, а также города в Лифляндии отказываются от крепостных прав на крестьян, в городских поместьях состоящих.

III. Отпущение на волю распространяется и на всех крепостных в Лифляндии людей, которые принадлежат беспоместным, или таким владельцам, кои, хотя не причисляются к Лифляндскому рыцарству, но имеют крепостных людей с землею и без земли...

Гл. II. Особенные постановления о вступлении в свободное состояние

§ 1. Лифляндские крестьяне разделяются на общества, которые имеют своих старшин и состоят в ведении мирского суда; а высшими инстанциями учреждаются приходские и уездные суды; самою же высшею инстанциею, в которую поступают дела на ревизию, назначается Гофгерихт по отделению крестьянских дел; о чем ниже сего следуют особые постановления.

§ 2. Хозяева суть те, которые за употребление известных земель и за пользование рыбною ловлею, или другими прибрежными выгодами, обязаны нести некоторые вакенбухами[1] определенные повинности. Так называемые половинщики... их показываются в списках об отпущенных на волю... не в числе хозяев, а в числе работников. Но вдова, управляющая крестьянским двором, принадлежит к разряду хозяев.

§ 3. Под названием работников разумеются все батраки..., бобыли... и ремесленники мужского и женского пола, которые нанимаются у хозяев из платы, из хлеба, или получают участок земли и квартиру для жительства и т. д. ...

§ 13. Всякий отпущенный на волю, хозяин ли, работник ли, или дворовый человек, поступая в свободное состояние, властен, буде не имеет никакой особой обязанности, отказаться от прежнего своего крестьянского двора, или работ, и в другом месте делать договоры на аренды и на работы; в первые однако же три года в округе тогож прихода или того ж вотчинного (патримониаль-

[1] Списки крестьянских хозяйств с указанием их повинностей.— *Прим. сост.*

ного) владения; в течение последующих трех лет в округе только того же Орднунгс-Герихта; а по прошествии сих шести лет в пределах губернии...

Часть II

Гл. I. О преимуществах лифляндского крестьянского состояния и о мирских обществах

§ 47. Лифляндские крестьяне, при постепенном отпущении на волю, составляют особое свободное состояние.

§ 48. К состоянию крестьян принадлежат все приписанные к мирским обществам. Они передают личные свои права жене и детям своим обоего пола; но дети женского пола со времени вступления в замужество, причисляются уже к состоянию своих мужей.

§ 49. Из самого понятия о личной свободе следует, что никакой вольной человек не принадлежит к поместью: следовательно приобретающий личную свободу лифляндский крестьянин не продается вместе с поместьем.

§ 50. Приписанные к мирским обществам крестьяне Лифляндской губернии имеют суд и расправу по первой инстанции в судебном месте, которое состоит из членов их сословия, а в судебные места второй и третьей инстанций определяются заседатели из их же сословия. Уголовные же до крестьян касающиеся дела производятся в прежних для того узаконенных инстанциях.

§ 51. Лифляндский крестьянин обязан исполнять все общественные подати и повинности, как к его лицу, так и к земле, которою он пользуется, относящиеся; для обеспечения же казны в получении своих доходов, каждое общество по общим государственным узаконениям остается обязанным ответствовать за несостоятельных к платежу податей...

§ 53. Крестьянин, на основании сего Положения, имеет право заключать со всяким о вступлении в услужение, об арендах и о прочем договоры, если они не противны даруемым его состоянию правам.

§ 54. Лифляндский крестьянин имеет право приобретать в собственность недвижимое имение, кроме дворянского однакож поместья...

ПСЗ, т. XXXVI. 1819. СПб., 1830, стр. 543—544, 548—549, 551, 562—563.

№ 28.— Манифест 12 мая 1826 г.— О возникшем в губерниях неповиновении крестьян

...По донесениям начальников губерний дошло до нашего сведения, что в некоторых селениях казенные и помещичьи крестьяне, обманутые ложными слухами и злонамеренными разглашениями, отступают от должного порядка, полагая: первые, то есть казенные крестьяне, что будут освобождены от платежей податей, а последние, то есть помещичьи, от повиновения их господам.

Сожалея о заблуждении сих поселян и желая обратить их на путь истинный мерами кротости, свойственными отеческому милосердию нашему, повелеваем объявить повсеместно:

1) Что всякие толки о свободе казенных поселян от платежа податей, а помещичьих крестьян и дворовых людей от повиновения их господам, есть слухи ложные, выдуманные и разглашенные злонамеренными людьми из одного корыстолюбия, с тем, чтоб посредством сих слухов обогатиться на счет крестьян...

2) Все состояние в государстве, в том числе и поселяне, как казенные, так и помещичьи крестьяне и дворовые люди, по всей точности должны исполнять все обязанности, законами предписанные, и беспрекословно повиноваться установленным над ними властям.

3) Если и за сим нашим повелением откроется какой-либо беспорядок между казенными поселянами или помещичьими крестьянами и дворовыми людьми, по ложным слухам о свободе от платежа податей, или от законной власти помещиков, то виновные навлекут на себя справедливый наш гнев, и немедленно будут наказаны по всей строгости законов.

4) Подтверждается начальникам губерний иметь неослабное наблюдение, дабы разглашатели подобных слухов, или толков, были без промедления предаваемы суду, для поступления с ними также по всей строгости законов.

5) А как и до нас уже прямо доходят недельные просьбы поселян, писанные на основании вышесказанных слухов, или толков: то для прекращения сего зла, и сохранения тишины, и порядка, мы повелеваем: сочинителей или писателей таковых просьб, яко возмутителей общего спокойствия, предавать суду и наказанию по всей строгости законов.

Правительствующий Сенат немедленно учинит надлежащее распоряжение к опубликованию сего нашего повеления во всенародное известие, предписав притом, чтоб чтение оного в воскресные и праздничные дни по церквам, на торгах и ярмарках продолжаемо было в течение шести месяцев со дня получения сего повеления в губерниях, с строгим сверх того подтверждением начальникам оных, дабы за исполнением изложенных в сем нашем повелении мер имели они неослабное наблюдение, что и возлагаем на непосредственную их ответственность в предупреждение всякого неустройства.

ПСЗ. Собр. 2. Т. I. С декабря 1825 по 1827. СПб., 1830, стр. 455, № 330.

№ 29.— Рескрипт Николая I от 19 августа 1827 г. министру народного просвещения А. С. Шишкову о запрещении принимать в гимназии и университеты крепостных крестьян

... До сведения моего дошло... , что часто крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двоякий: с одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков, или у родителей нерадивых, по большей части входят в училище уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах, или чрез то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного для них становятся несносными, и от того они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям, или низким страстям. Дабы предупредить такие последствия, по крайней мере в будущем, я нахожу нужным ныне же повелеть:

1. Чтобы в университетах и других высших учебных заведениях, казенных и частных, находящихся в ведомстве или под надзором Министерства народного просвещения, а равно и в гимназиях и в равных с оными по предметам преподавания местах, принимались в классы

и допускались к слушанию лекций только люди свободных состояний...

2. Чтобы помещичьи крепостные поселяне и дворовые люди могли, как и доселе, невозбранно обучаться в приходских и уездных училищах, и в частных заведениях, в коих предметы учения не выше тех, кои преподаются в училищах уездных.

3. Чтобы они также были допускаемы в заведения особенного рода, кои учреждены или впредь будут учреждаемы казною и частными людьми для обучения сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствам, нужным для усовершенствования или распространения земледельческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и в сих заведениях те науки, которые не служат основанием или пособием для искусств и промыслов, были преподаваемы в такой же мере, как и в уездных училищах...

ПСЗ. Собр. 2. Т. II. 1827. СПб., 1830, стр. 675—677, № 1308.

№ 30.— Законодательство о наказаниях крестьян за неповиновение помещичьей власти

Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.— 1845. Августа 15. Именный указ, данный Сенату.— Ст. 288, 1907, 1908, 1909

288. Восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих и против волостных и общественных управлений.

1907. Крепостные люди за возмущение против господ своих, или же лиц, которым их помещики передали на законном основании свою власть вполне или с ограничениями, подвергаются

наказаниям, определенным в статьях 283—290 сего Уложения, за восстание против властей правительством установленных.

1908. За всякое упорное неповиновение, хотя и без явного восстания, господам своим, или лицам, которым от них на законном основании передана их власть вполне или с ограничениями, крепостные люди, в случае когда

владелец, не желая сам употребить предоставленных ему по закону домашних исправительных мер, даст знать о том надлежащему начальству, подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим сию вину,

наказанию розгами от двадцати до пятидесяти ударов.

Из сего исключаются лишь случаи, когда они не повиновались приказаниям, противным закону и коих исполнение сделало бы их самих участниками в преступлении.

1909. Крепостные люди за подачу на помещиков своих воспрещенной законом жалобы подвергаются

наказанию розгами до пятидесяти ударов.

Уставы благочиния. Свод устава о предупреждении и пресечении преступлений. Гл. IV.

О неповиновении крепостных людей их владельцу. Взыскания.— Ст. 308, 309, 311

1754, мая 13.

... 308. Для удержания крепостных людей в повиновении и добром порядке, помещик имеет право употреблять домашние средства исправления и наказания по его усмотрению (а), но без увечья и тем менее еще с опасностию их жизни (б).

309. Когда владелец не пожелает наказывать крепостных своих сам, или употребленные им способы наказания и исправления останутся безуспешными: то он может прибегнуть к правительству и просить законного с его стороны содействия.

1811, июля 5.

311. За вины собственно против владельца или прав его, равно как и за проступки полицейские, крепостные люди по его просьбе подвергаются или полицейскому наказанию, с возвратом на прежнее жилище, или содержанию в смирительных и рабочих домах на срок, самим владельцем определенный.

Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. М., 1910, стр. 213.

№ 31.— Программа преобразования управления государственных имуществ (реформа 1837—1841 гг. в государственной деревне)

... Управление государственными имуществами и крестьянами, по обширности круга действий и важности объемлемых им предметов, для достижения надлежащего успеха, следует сосредоточить в отдельном составе. В отношении государственных крестьян оно должно быть сообразно с настоящею степенью гражданского и нравственного их быта и вести их к благосостоянию путем ближайшего непосредственного *попечительства,* а в отношении собственно государственных имуществ должно соответствовать их роду и пространству. На сем основании учреждается особое министерство государственных имуществ, а в губерниях — палаты государственных имуществ. Государственные имущества и крестьяне в губерниях разделяются на округи, волости и сельские общества.

... В губерниях, в ведомство палат государственных имуществ отделяются все части управления государственными имуществами, все предметы попечительства над государственными крестьянами, свободными хлебопашцами и колонистами.

Для исполнения распоряжений палаты и ближайшего наблюдения на местах за благоустройством государственных имуществ и благосостоянием крестьян определяются окружные начальники. Предметы ведомства между окружными начальниками и земскими судами разграничить тем, что за последними оставить только распоряжения по общей полиции и по производству следствий, а окружным начальникам предоставить исключительные дела, относящиеся до улучшения нравственного состояния крестьян, до гражданского их быта, строительной части обеспечения продовольствия, хозяйства, податей, повинностей и защиты по судебным делам.

Волости образуются в бо́льших против существовавших тогда размерах и в них сохраняются *до времени* волостные правления.

В сельских обществах, сообразно с коренными народными обычаями, учреждаются для заведывания общественными делами мирские сходы и сельские управления.

Окружное и волостное начальство действуют с властью наблюдательною, а сельское — с властью исполнительною.

Сельское общество принимается за первую административную и земельную единицу; каждое из них состоит, или из одного селения, или из нескольких; но одно селение отдельно замежеванное, как бы велико ни было, составляет одно общество; селения малолюдные, но имеющие общее владение землею вводятся в состав одного общества.

Земли и угодья оставляются в бессрочном пользовании обществ, с предоставлением им права распределять земли между домохозяевами в том порядке, в каком они сами признают для себя удобнейшим.

Селения малоземельные или наделяются землею из свободных казенных участков, или из них производятся переселения на свободные казенные земли, на основании особых правил.

На местах новых водворений учреждаются отдельные семейные участки, в виде хуторов, на праве постоянного потомственного пользования и без раздробления между членами семейства.

Сельским обществам отводятся лесные участки в определенном размере в непосредственное их заведывание и распоряжение, под надзором местного лесного начальства. Все прочие затем леса оставляются в собственном распоряжении казны.

Мирские оброчные статьи оставляются за обществами, с обращением одной половины оброчного дохода в пользу общества на предметы законных их надобностей, а другой в состав общественного хозяйственного сбора.

Оброчная, следующая с государственных крестьян, подать, а равно подушная подать и земские повинности исчисляются по душам, но распределяются между сельскими обществами соразмерно местным выгодам от земли и промыслов каждого сельского общества.

Обязанности каждого управления и каждого должностного лица следует определить с возможною положительностью и полнотой в том намерении, чтобы как чиновники, так и сельские начальники могли составленными для них наказами руководствоваться при всех случаях и, имея всегда при себе, сколь можно менее встречали надобности справляться с другими постановления-

ми, и таким образом были в состоянии действовать без затруднения с самых первых дней вступления в должность.

При устройстве благосостояния столь многочисленного класса необходимо означить положительно пределы дарованных ему прав личных и по имуществу, указать ясно обязанности поселян и определить меру их ответственности, ибо полная известность сих условий более или менее обеспечивает самую неприкосновенность прав, предупреждает нарушение обязанностей, устраняет произвол и служит залогом нравственного улучшения.

В видах улучшения нравственности крестьян учредить для них приходские училища, для образования соответственного их званию; привлечь благонадежных священников в казенные селения, назначением им приличного содержания.

Для наблюдения в казенных селениях полицейского порядка составить сельский полицейский устав, который содержал бы в себе общие и частные правила, необходимые для сведения и руководства поселян, как членов общества.

При общей безграмотности поселян, недоступности для них судебных форм и обрядов, и при самой ограниченности частного их достояния, предоставленную им расправу по маловажным тяжбам и проступкам устроить на определенном основании, согласив сколь возможно более с существующими законами. С сею целию учредить расправы: сельскую и волостную, и составить для них Сельский Судебный Устав, с изложением в нем порядка судопроизводства по спорам и тяжбам государственных крестьян об имуществах, проступках крестьян и наказаниях за оные и, наконец, порядка судопроизводства по проступкам.

Всем государственным имуществам составить кадастр, т. е. измерение, описание и оценки всех земель и угодий; имущества эти разделяются на два главные рода: 1) податные, т. е. предоставленные в исключительное пользование государственных крестьян и 2) запасные, остающиеся в непосредственном ведении казны; из них образовать казенные оброчные статьи, а из лесов особые округи...

[А. П. Заблоцкий-Десятовский.] Граф П. Д. Киселев и его время, т. II. СПб., 1882, стр. 52—57.

№ 32.— Речь Николая I на заседании Государственного Совета 30 марта 1842 г. при обсуждении указа об обязанных крестьянах

«... Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему, *теперь*, было бы делом еще более гибельным. Покойный император Александр, в начале своего царствования, имел намерение дать крепостным людям свободу, но потом сам отклонился от своей мысли, как совершенно еще преждевременной и невозможной в исполнении. Я также никогда на это не решусь, считая, что если время, когда можно будет приступить к такой мере, вообще очень еще далеко, то в *настоящую* эпоху всякий помысел о том был бы не что иное, как преступное посягательство на общественное спокойствие и на благо государства. Пугачевский бунт доказал, до чего может доходить буйство черни. Позднейшие события и попытки в таком роде до сих пор всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь будет точно также предметом особенной и, с помощию божией, успешной заботливости правительства. Но нельзя скрывать от себя, что теперь мысли уже не те, какие бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынешнее положение не может продолжиться навсегда. Причины этой перемены мыслей и чаще повторяющихся в последнее время беспокойств, я не могу не отнести больше всего к двум причинам: *во-первых*, к собственной неосторожности помещиков, которые дают своим крепостным несвойственное состоянию последних высшее воспитание, а через то, развивая в них новый круг понятий, делают их положение еще более тягостным; *во-вторых*, к тому, что некоторые помещики — хотя благодаря богу, самое меньшее их число,— забывая благородный долг, употребляют свою власть во зло, а дворянские предводители, как многие из них сами мне отзывались, к пресечению таких злоупотреблений не находят средств в законе, ничем почти неограничивающем помещичьей власти. Но если нынешнее положение таково, что оно не может продолжиться и если, вместе с тем, и решительные к прекращению его способы также невозможны без общего потрясения, то необходимо, по крайней мере, приготовить пути для *постепенного перехода* к другому

порядку вещей и, не устрашаясь перед всякою переменою, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия. Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу к переходному состоянию, а с ним связать ненарушимое охранение вотчинной собственности на землю. Я считаю это священною моею обязанностью и обязанностью тех, кто будет после меня, а средства, по моему мнению, вполне представляются в предложенном теперь Совету проекте указа. Он, во 1-х, не есть закон *новый*, а только последствие и, так сказать, развитие существующего сорок лет закона о свободных хлебопашцах; во 2-х, устраняет, однако же, вредное начало этого закона — отчуждение от помещиков поземельной собственности, которую, напротив, столько по всему желательно видеть навсегда неприкосновенною в руках дворянства — мысль, от которой я никогда не отступлю; в 3-х, выражает прямо волю и убеждение правительства, что земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков — предмет такой же первостепенной важности для будущего спокойствия; наконец, в 4-х, без всяких крутых переворотов, без всякого даже вида нововведения, дает каждому благонамеренному владельцу способы улучшить положение его крестьян и, отнюдь не налагая ни на кого обязанности принужденной, или стесняющей в чем-нибудь право собственности, предоставляет все доброй воле каждого и влечению собственного его сердца. С другой стороны, проект оставляет крестьян крепкими той земле, на которой они записаны, и через это избегает неудобств положений, действовавших доныне в остзейских губерниях — положений, которые довели крестьян до самого жалкого состояния, обратили их в батраков и побудили тамошнее дворянство просить именно о том же, что теперь здесь предлагается. Между тем, я повторяю, что все должно идти постепенно и не может и не должно быть сделано разом или вдруг. Проект содержит в себе одни главные начала и первые указания. Он открывает всякому, как я уже сказал, способ следовать, под защитою и при пособии закона, сердечному своему влечению...»

Сборник Русского Исторического Общества (далее — Сб. РИО), т. 98. СПб., 1896, стр. 114—116.

№ 33.— Указ об обязанных крестьянах

2 апреля 1842 г.

... Мы признали за благо, в пояснение Свода Законов о состояниях (т. 9) ст. 442, пункта 3, предоставить тем из помещиков, которые сами сего пожелают, заключить с крестьянами своими, по взаимному соглашению, договоры на таком основании, чтобы, не стесняясь постановлениями о свободных хлебопашцах, помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю, со всеми ее угодьями и богатствами, как на поверхности, так и в недрах ее, а крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности. При составлении таковых договоров, помещики могут постановлять с крестьянами дальнейшие условия, по взаимному с ними соглашению, на следующих рассмотренных в государственном совете и нами утвержденных главных правилах:

1. Повинности крестьян, в пользу помещиков, могут быть определены в договорах денежным оброком, произведениями, обрабатыванием помещичьей земли, или другою работою.

2. В случае неисполнения крестьянами приемлемых ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются к тому земскою полициею, под руководством уездных предводителей дворянства и под высшим наблюдением губернского правления.

3. Крестьяне, по надлежащим утверждении заключенных между ими и помещиками договоров, принимают название обязанных крестьян...

6. Помещики учреждают в селениях обязанных крестьян вотчинное управление и имеют высшее наблюдение за сельскою в них полициею и за исполнением законов о сельском благоустройстве; им принадлежит также право суда и расправы в проступках и маловажных преступлениях обязанных крестьян и первоначальный разбор взаимных между ими тяжб и споров...

8. Помещики и обязанные крестьяне сохраняют заключенные ими между собою договоры навсегда ненарушимо, имея однако право особыми частными условиями делать изменения в наделе землею и повинностях на определенные сроки, с обоюдного согласия; а если имения состоят в залоге, то и с согласия подлежащих кредитных

установлений; во всех же случаях не иначе, как с предварительного утверждения правительства...

ПСЗ. Собр. 2. Т. XVII. Отд. 1. 1842. СПб., 1843, стр. 261—262, № 15 462.

№ 34.— Количество крестьян, переведенных в разряд «обязанных» (с 1842 по 1858 гг.) по указу 2 апреля 1842 г.

Владельцы имений	Название имений	Губернии, уезды	Дата утверждения договоров	Колич. крестьян, переведенных в обязанные м.п.
Воронцов М.	Мурино	С.-Петербургская губ. и уезд	1843	492
Витгенштейн Л.	Дружноселье	С.-Петербургская губ., Царскосельский у.	1848	662
Потоцкий М.	Тульчинское Ольховатское Дашевское	Подольская губ., Балтский, Брацлавский уезды, Киевская губ., Липовецкий у.	1850	15056
Потоцкая Ф.	Подвысочанское Голованевское	Киевская губ., Уманский у., Подольская губ., Балтский у.	1850	10658
Юрасов И.	Давыдово	Орловская губ., Карачевский у.	1857	69
Якубовская М.	Милачево Новоявленское	Ярославская губ. и уезд, Владимирская губ. Ковровский у.	1858	149 87
		Итого		27173

Н. И. Сергеева. Обязанные крестьяне и реформа 19 февраля 1861 г.— В сб. статей: «Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX веков». Изд-во ЛГУ, 1972, стр. 82.

№ 35.— Указ 12 июня 1844 г.— О предоставлении помещикам отпускать дворовых людей на волю без земли, по обоюдным договорам в платеже последними за себя установленных сумм

... 1. Владельцам, желающим отпустить дворовых людей на волю без земли, дозволяется заключить с ними, по обоюдному согласию, договоры о платеже сими последними особых сумм, в один или несколько сроков, или же ежегодного оброка по смерть владельца, или на определенное число лет...

3. Отпущенных таким образом на волю, считать навсегда свободными от крепостного состояния со времени заключения договора и выдачи отпускной, наравне с другими вольноотпущенными, от коих они ни в чем не должны быть отличаемы.

4. В случае неисправности в платеже таким вольноотпущенным следующих по договору сумм, предоставляется владельцу взыскивать оные через посредство местной полиции из всякого движимого и недвижимого имущества вольноотпущенного, преимущественно пред всеми казенными и частными долгами и повинностями, при несостоятельности же его к немедленному платежу, брать его в рекруты и выдавать за него прежнему владельцу квитанцию, с правом представить оную к зачету за свое имение...

5. Если подобные люди окажутся совершенно неспособными к военной службе, то поступать с ними, как с несостоятельными к платежу разных пеней, ... а именно: отдавать в заработки частным лицам, или отправлять в крепостные работы...

7. Независимо от сего ... владельцам дозволяется писать отпускные, со включением в них условия, чтобы они восприняли свое действие после известного числа лет службы дворового человека у своего владельца...

9. Отпущенные на волю люди, с условием остаться еще несколько времени в услужении прежних своих владельцев, во все время нахождения у них, до получения совершенной свободы, должны числиться по прежним ревизским сказкам за теми же владельцами, которые обязаны платить за них и все подати и повинности.

10. С окончанием сроков их службы, они поступают в совершенно свободное состояние, и тогда только подчиняются всем правилам, какие существуют или впредь бу-

дут постановлены вообще о приписке вольноотпущенных в городские цехи и другие сословия, а равно воспользуются и всеми льготами в отношении разных повинностей, наравне с другими вольноотпущенными.

11. Хотя после сего они и могут оставаться у прежних своих владельцев в услужении, но не иначе, как люди свободного состояния, по собственному согласию, на общих о найме правилах...

15. Все, что в настоящем указе постановляется о дворовых людях, относится только к тем, кои записаны таковыми в последнюю народную перепись, без распространения на тех, кои переведены с пашни во двор помещиками после того времени.

ПСЗ. Собр. 2. Т. XIX. Отд. 1. 1844. СПб., 1845, стр. 373—375, № 17 977.

№ 36.— Указ о праве помещичьих крестьян выкупаться на волю во время продажи помещичьих имений с торгов

8 ноября 1847 г.

1) Когда населенное недвижимое имение, за лежащие на нем долги казенные, частные или в Кредитные Установления, назначено будет в публичную продажу, крестьянам, к такому имению принадлежащим, предоставляется выкупать себя, вместе с землею, и прочими составными оного частями, чрез взнос последне-состоявшейся на торгах цены или, при неявке покупщиков, полной оценочной суммы. Но в последнем случае, если оценка не достигает суммы долга, лежащего на имении, заложенном в Кредитные Установления, или же в частные руки, крестьяне обязаны принять на себя платеж такого обеспеченного имением долга в полном его количестве.

2) Выкуп на упомянутом основании дозволяется только в целом составе продаваемого имения, или, когда оно продается участками (Св. Зак. Гражд. т. X ст. 4001-й), в целом составе каждого участка, от всех в совокупности крестьян того имения или участка...

4) Крестьяне обязаны внести всю выкупную сумму, не ожидая никакого от казны пособия, в течение 30-ти дней, которые считаются со времени объявления им той суммы до времени поступления оной сполна в местное

губернское правление, где бы, впрочем, продажа имения ни производилась.

5) Когда крестьяне откажутся от выкупа, или, изъявив желание заплатить выкупную сумму, не внесут оной на срок, имение утверждается за тем, за кем оно осталось по торгам, а если, по неявке желающих, торгов не было, с оным поступается по правилам, существующим для тех случаев, в коих публичная продажа считается несостоявшеюся (Св. Зак. Гражд. кн.VП-я, разд. II-й, глава V-я, отдел. 5-е).

6) По внесении выкупной суммы крестьяне снабжаются данною, но без взятия крепостных пошлин.

7) Выкупившиеся (сверх личной свободы) *поступают в государственные крестьяне* и — приобретают право собственности на земли и все прочие принадлежности имения, с коими они выкупились. Но приобретенную таким образом землю выкупившиеся крестьяне имеют право передавать, посредством продажи, обмена или других сделок, в посторонние руки, не иначе, как по мирским приговорам *и с утверждения Министерства государственных имуществ* с оставлением притом всегда неотдельною принадлежностью имения по две десятины земли усадебной, огородной, пашенной и сенокосной, в совокупности, в общем на каждую ревизскую душу счета. На сие собственно количество земли, в упомянутом выше размере, не должны равномерно упадать и никакие долги крестьян.

8) Выкупившиеся (поступают) в число государственных крестьян (и) подлежат всем установленным с последних податям и повинностям, кроме только оброка; соответственно чему и получают наименование *безоброчных*...

Сб. РИО, т. 98, стр. 281—283.

№ 37.— Число помещичьих крестьян, выкупившихся на волю с землей с 1848 по 1852 г. на основании указа 8 ноября 1847 г.

Годы	Число душ м. п.	Количество земли дес.	Количество внесенной суммы (руб.)
1848	15	99	1345
1849	733	3526	52161
1850	160	1089	14070
1851	55	304	32830
1852	1	15	160
Итого за 5 лет:	964	5033	100566

В. И. Вешняков. Крестьяне-собственники в России, стр. 59

№ 38.— Указ 3 марта 1848 г.— О предоставлении крестьянам помещичьим и крепостным людям покупать и приобретать в собственность земли, дома, лавки и недвижимые имущества

...1) Крестьянам помещичьим и вообще крепостным людям предоставить [право] покупать и другими в законах дозволенными способами приобретать в собственность земли, дома, лавки и всякого рода недвижимые имущества, кроме лишь имений населенных, соблюдая относительно владения домами и лавками в городах общие по сему предмету правила. Само собою разумеется, что приобретать такую собственность, а равно и отчуждать оную, крепостные люди могут не иначе, как с согласия своих помещиков, надлежащим образом удостоверенного и, до совершения акта приобретения или отчуждения, в присутственном месте предъявленного. 2) Если бы некоторыми крепостными людьми были, в прежнее время, куплены земли, дома или лавки на имя их помещиков, то никаких о том от крепостных людей споров не допускать и никаких по оным розысканий не делать, дозволив впрочем помещикам, по собственному каждого усмотрению, выдавать владеющим такими имуществами, если только они не находятся в залоге или составе заложенных име-

ний, надлежащие на оные купчие крепости на гербовой низшего достоинства бумаге, без взимания пошлин. Выдача таких купчих беспошлинно на гербовой низшего достоинства бумаге дозволяется в течение десяти лет со дня издания настоящего указа.

ПСЗ. Собр. 2. Т. XXIII. Отд. 1. 1848. СПб., 1849, стр. 157—158, № 22 042.

№ 39.— Из речи Николая I петербургскому дворянству 21 марта 1848 г.

... «Господа! Переходя к быту крестьян, скажу вам, что необходимо обратить особенное внимание на их благосостояние. Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием. Когда я издал указ об обязанных крестьянах, то объявил, что вся без исключения земля принадлежит дворянину-помещику. Это вещь святая и никто к ней прикасаться не может. Но я должен сказать с прискорбием, что у нас весьма мало хороших и попечительных помещиков, много посредственных, а еще более худых, а при духе времени, кроме предписаний совести и закона, вы должны для собственного своего интереса заботиться о благосостоянии вверенных вам людей и стараться всеми силами снискать их любовь и уважение. Ежели окажется среди вас помещик безнравственный или жестокий, вы обязаны предать его силе закона. Некоторые русские журналы дозволили себе напечатать статьи, возбуждающие крестьян против помещиков и вообще неблаговидные, но я принял меры и этого впредь не будет.

Господа! У меня полиции нет, я не люблю ее: вы моя полиция. Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит. Если и в моих имениях вы усмотрите притеснения и беспорядки, то убедительно прошу вас, не жалея никого, немедленно мне о том доносить. Будем идти дружною стопою, будем действовать единодушно и мы будем непобедимы...»

«Русская старина». СПб., 1883, сентябрь, т. XXXIX, кн. IX, стр. 594—596.

№ 40.— Инвентарные правила 1847—1848 гг. для западных губерний

1) Вся земля, находящаяся ныне в пользовании крестьян, и подробно означенная в инвентаре, должна, как мирская, оставаться у них без всякого изменения; за пользование ею они отбывают известные повинности. Но если бы число крестьян в каком-либо хозяйстве возросло до того, что разделение его сделается необходимым, то, хотя сие дозволяется, но с тем, что вновь образующееся хозяйство следует ввести в один из разрядов крестьянского быта, то есть в тяглые и полутяглые, и наделив теми угодьями, какие для каждого разряда в инвентаре означены, соразмерно коему требовать и надлежащую повинность того разряда крестьян, в который они поступят.

2) В случае изменения разряда крестьянского хозяйства, помещенного в инвентаре, а с тем и повинностей с онаго, остающаяся от сего земля, хотя и возвращается временно в распоряжение владельца, но не отчисляется от общего состава мирской и инвентарной земли, и преимущественно отдается другим одновотчинным крестьянам за повинности, по добровольному соглашению, взамен тех рабочих сил, которых владелец лишился от упадшего в хозяйстве двора; если же желающих из своих крестьян не будет, то земля сия может быть отдана в пользование и стороннему лицу.

3) В каждом имении, сообразно с его средствами, определяется нормальный размер участков на всякий разряд крестьянского хозяйства, придерживаясь, по возможности, принятого в той местности обычая и не допуская повинностей, превышающих трех дней в неделю с тяглого двора, наделенного нормальным количеством земли.

4) Надел земли для пешаго или полутяглого хозяйства не должен быть менее половины противу участка земли, определенного для полного тягла.

5) За предоставленные крестьянам поземельные участки и прочие угодья они должны отрабатывать помещику барщину, в каждую неделю: тяглое семейство — по три дня тяглых с упряжью и по одному дню женских; полутяглое — по два дня пеших и по одному дню женских.

6) Кроме помянутой барщины крестьяне должны отработывать помещику, с каждого способного работника обоего пола, в год по 12-ти летних сгонных дней. Сгоны назначаются не более одного раза в неделю, за следующую плату: мужчине тяглому с парою рабочего скота — 15 за урочную, 10 к. — за безурочную работу; мужчине пешему и женщине — за урочную 10, а безурочную — $7^1/_2$ к. сер.

7) За предоставляемые крестьянам особые выгоды, означенные в инвентаре, они обязаны отбывать в пользу помещика придаточные повинности, а именно: а) строительные дни с каждого тяглого и полутяглого семейства по 8 дней в году, и б) очередной ночной караул.

8) Крестьяне тяглые и полутяглые могут быть посылаемы помещиком в близкие места в счет барщины: тяглые с одною подводою от хозяйства, а полутяглые с господскими подводами, но не далее на волах 75-ти верст, а на лошадях до 100 верст в один путь, с тем, чтобы за каждые проведенные в проезде с тяжестью от 25-ти верст засчитывался один день барщины. Но если встретится надобность отправить крестьян и далее, то сие дозволяется с зачетом за каждый день, проведенный в проезде в оба конца и в простое, по 2 дня барщины, или за плату, по взаимному условию, но с тем, чтобы таковые поездки не превышали 300 верст расстояния в один конец и не производились более одного раза в год.

9) Огородники отбывают лежавшие на них доселе повинности; сверх того, они исправляют по очереди, вместе с прочими крестьянами, ночной караул и по 8-ми строительных дней в год. Летние сгонные дни, в числе 12-ти, требуются с них по той же таксе, которая назначена в пункте 6-м, с тем, что эти дни зачитываются в число барщинных.

10) Бобыли облагаются только оброком по назначению помещика, от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. с мужчины и в половину с женщины.

11) Крестьяне ни под каким предлогом не могут быть перечисляемы по ревизским сказкам и по семейным спискам в дворовые люди. Но помещик имеет право употреблять для дворовой прислуги бобылей и сирот, а также людей из огородных и пеших хозяйств...

Первое издание материалов редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Второй период. Ч. IV. СПб., 1859, стр. 43—46 (Инвентарные положения западных губерний).

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 247—248, 305—306.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). Полн. собр. соч., т. 1, стр. 384—386, 516—517, 520—521.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, гл. III, § 1. Основные черты барщинного хозяйства.

Ленин В. И. К деревенской бедноте. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 149—150. 193—194.

Ленин В. И. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64—84.

* * *

«Вести о России». Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830—1840. Ярославль, 1961.

«К истории крестьянского вопроса в России».— В кн.: «Сб. материалов, извлеченных из собственной е. и. в. канцелярии», т. VII. СПб,, 1895, стр. 165—197.

«Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.». М., 1961.

«Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.». М., 1961.

«Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.». М., 1962.

«Крестьянское движение 1827—1869». Вып. 1. Под ред. Е. А. Мороховца. М.—Л., 1931.

«Памятники истории крестьян XIV—XIX вв.». М., 1910.

* * *

Вешняков В. Крестьяне-собственники в России. Историко-статистический очерк. СПб., 1858.

Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, т. 1. М., 1870.

Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I—II. М.—Л., 1946, 1958.

Дружинин Н. М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г.— «Вопросы истории», 1954, № 7.

Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963.

Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3. Л., 1925.

Кашин В. Н. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. М.—Л., 1935.

Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. Изд-во МГУ, 1967.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в.— «История СССР», 1966, № 4.

«Очерки экономической истории России первой половины XIX века». Сб. статей. М., Соцэкгиз, 1959.

«Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии 2—4 июня 1965 г.». М., 1969.

Рындзюнский П. Г. Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в.— «Исторические записки», т. 4. М., 1938.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I—II. СПб., 1888.

Струве П. Б. Крепостное хозяйство. М., 1913.

Федоров В. А. Историография крестьянского движения в России периода разложения крепостничества.— «Вопросы истории», 1966, № 2.

РАЗДЕЛ II

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. И ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ В 1813—1814 гг.

ВВЕДЕНИЕ

Великая эпопея Отечественной войны 1812 г. получила широкое отражение в воспоминаниях современников, прессы того времени, в многочисленных публикациях документов, огромном количестве исследовательской и популярной литературы — русской дореволюционной, советской и зарубежной, в художественной литературе и изобразительном искусстве. Сохранилось огромное количество самых разнообразных материалов, однако компактных источников обобщающего характера не существует. В данный раздел Сборника включены наиболее важные документы или извлечения из них. Поэтому при написании рекомендуемых ниже тем докладов и курсовых работ необходимо привлечь документальные публикации, указанные в списке литературы к данному разделу.

Во второй раздел включены следующие материалы:

1) Дипломатические документы (договоры, донесения), важные для характеристики внешнеполитического положения России перед Отечественной войной 1812 г. и в начале освободительного похода русской армии в Западную Европу.

2) Официальные донесения, рапорты, реляции главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова Александру I и приказы М. И. Кутузова по армии, которые содержат ценнейшие сведения о ходе военных действий, дают анализ наиболее крупных сражений (при Бородине,

под Малоярославцем, под Вязьмой) и являются документами первостепенной важности для изучения полководческого искусства М. И. Кутузова, его стратегических замыслов и их воплощения.

3) Рапорты и донесения М. И. Кутузову подчиненных ему военачальников о действиях регулярных войск и партизанских отрядов.

4) Приказы Наполеона (о начале войны, перед Бородинским сражением).

5) Сводные данные о состоянии и численности русских и французских войск на различных этапах войны, данные о численности частей русского народного ополчения.

6) Письма, дневники, записки, воспоминания русских и французских солдат, офицеров и гражданских лиц, являвшихся непосредственными участниками и очевидцами наиболее важных событий Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, материалы прессы того времени. Они вводят читателя в атмосферу той эпохи, показывают героизм русского народа, настроения различных слоев русского общества, бедствия французской армии.

По данному разделу предлагается следующая тематика докладов и курсовых работ: начальный период Отечественной войны 1812 года; Бородинское сражение (анализ хода сражения и его стратегическое значение); Москва в 1812 г.; народное ополчение и партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.; контрнаступление русской армии. Полководческое искусство М. И. Кутузова; Отечественная война 1812 г. и декабристы.

ДОКУМЕНТЫ

1. НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

№ 1.— Русско-французский договор о наступательном и оборонительном союзе

Тильзит 25 июня (7 июля) 1807 г.

Е. в-во император всероссийский и е. в-во император французов, король италийский, протектор Рейнского союза, принимая особенно близко к сердцу восстановление всеобщего мира в Европе на твердых и по возможности на незыблемых основаниях, решили для сего заключить оборонительный и наступательный союз...

Статья I. Е. в-во император всероссийский и е. в-во император французов, король италийский обязуются действовать сообща как на суше, так и на море, либо одновременно на суше и на море во всякой войне, которую Франция или Россия была бы в необходимости предпринять или вести против любой европейской державы.

Статья II. Когда наступит случай действия союза и каждый раз, когда оный наступит, высокие договаривающиеся стороны определят особою конвенциею те силы, которые каждая из них должна употребить против общего врага, и те пункты, где эти силы должны действовать, но уже сейчас они обязуются употребить, если того потребуют обстоятельства, все свои сухопутные и морские силы.

Статья III. Все общие военные операции будут исполняться согласованно, но ни та, ни другая договаривающаяся сторона не может ни в каком случае вступать в переговоры о мире без участия или согласия другой стороны.

Статья IV. Если Англия не примет посредничества России, или, приняв таковое, не согласится до 1-го будущего ноября заключить мир, признав, что флаги всех держав должны пользоваться на морях одинаковою полною независимостью, и возвратив завоевания, сделанные ею насчет Франции и ее союзников с 1805 года, когда Россия стала действовать сообща с нею, то в течение сказанного месяца ноября будет передана сент-джеймскому кабинету послом е. в-ва императора всероссийского нота. В сей ноте вместе с выражением значения, которое его реченное императорское в-во придает спокойствию мира, и его намерения употребить все силы своей империи для того, чтобы доставить человечеству благодетельный мир, будет заключаться положительное и ясное объявление о том, что в случае отказа Англии заключить мир на вышесказанных условиях е. в-во император всероссийский будет действовать заодно с Франциею, и если сент-джеймский кабинет не даст к 1-му будущего декабря категорического и удовлетворительного ответа, то российский посол получит повеление потребовать в означенный день свои паспорта и немедленно покинуть Англию.

Статья V. При наступлении предусмотренного в предыдущей статье случая высокие договаривающиеся стороны сообща и одновременно пригласят три двора:

копенгагенский, стокгольмский и лиссабонский — закрыть их порты англичанам, отозвать их послов из Лондона и объявить Англии войну. С тем из трех дворов, который бы от сего отказался, будет поступлено высокими договаривающимися сторонами, как с неприятелем, и если откажется Швеция, то Дания будет принуждена объявить ей войну.

Статья VI. Равным образом высокие договаривающиеся стороны будут действовать сообща и настаивать с силою при венском дворе, чтобы он принял изложенные выше, в статье IV, начала, чтобы он закрыл свои порты англичанам, отозвал своего посла из Лондона и объявил Англии войну.

Статья VII. Если, напротив, Англия в вышеозначенный срок заключит на помянутых условиях мир (и е. в-во император всероссийский употребит все свое влияние, чтобы к тому ее склонить), то Ганновер будет возвращен английскому королю в вознаграждение за французские, испанские и голландские колонии.

Статья VIII. Равным образом, если вследствие перемен, которые произошли в Константинополе, Порта не примет посредничества Франции или если после принятия оного случилось бы, что в трехмесячный срок по открытии переговоров последние не привели к удовлетворительному результату, то Франция будет действовать заодно с Россиею против Оттоманской Порты, и обе высокие договаривающиеся стороны вступят в соглашение о том, чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Оттоманской империи в Европе, за исключением Константинополя и проливов Румелии.

Статья IX. Настоящий трактат будет оставаться секретным и не может ни подлежать публичному оглашению, ни быть сообщенным которому-либо кабинету одной из договаривающихся стороною без согласия другой.

Он будет ратификован, и ратификации оного разменены в Тильзите в четырехдневный срок.

В Тильзите, 25 июня (7 июля) 1807 года.

Князь Александр Куракин
Князь Дмитрий Лобанов-Ростовский
Карл Маврикий Талейран,
Князь Беневентский.

«Внешняя политика России XIX и начала XX века», т. 3. М., Политиздат, 1963, стр. 642—646, № 258.

№ 2.— Донесение русского посла в Париже князя А. Б. Куракина Александру I о готовящемся нападении Наполеона на Россию

6(8) февраля 1811.

Ваше и. в-во по содержанию моих депеш можете судить, какое впечатление произвел на императора Наполеона наш новый тариф[1]. Еще прежде его обнародования слухи о войне уже были распространены как во Франции, так и в Германии; можно даже сказать, что со времени женитьбы императора[2] они никогда не переставали тревожить Европу. Как ни старалось французское правительство их опровергать, оно не могло их совершенно заглушить потому, что принимаемые им меры находились постоянно в противоречии с его словами и расточаемыми им уверениями. Целые страны, присоединены во время мира и без всяких поводов, кроме удобства для Франции; удаление от верховной власти государя, близкого родственника[3] Вашего в-ва и который обязан своими владениями щедрости покойного императора, Вашего августейшего родителя, которому были возвращены его владения особою статьею Тильзитского договора, этой основы наших теперешних отношений к Франции, вот факты, против которых конечно ничего не значат никакие уверения. Испуганный свет видит в них предвестия новых потрясений. Все державы находятся под властию или под влиянием французского правительства; все взоры обращены к России и во всех поступках императора Наполеона полагали видеть систему, направленную против ней, и которая должна рано или поздно привести к разрыву. Новый тариф и еще более то, как он здесь был принят, подтвердили это мнение...

Бросив взгляд на карту Европы, мы увидим, что от Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива — все Франция, и не может не следовать внушениям воли императора Наполеона. Там нельзя рассчитывать ни на какое другое содействие, кроме того, какое может пред-

---

[1] Новое положение о ввозе и вывозе товаров от 19 (31) декабря 1810 г. — *Прим. сост.*

[2] Брак Наполеона с дочерью австрийского императора Франца Марией-Луизой в 1810 г. — *Прим. сост.*

[3] Захват в 1810 г. Наполеоном герцогства Ольденбургского, которым владел дядя Александра I.— *Прим. сост.*

ставить ненависть народов против их угнетателей; но известно, как ненадежны подобные союзники и какое существует различие между характерами испанцев и голландцев, немцев и даже итальянцев. За этими мелкими государствами, которые теперь уже можно считать присоединенными к французской империи, находятся остатки двух монархий[1], когда-то могущественных, но теперь ослабленных, едва влекущих истощенное существование и которые могут быть разрушены при первом подозрении Франции, что они находятся в связях с нами. До сего времени их отношения сомнительны; их собственные, хорошо понятые, выгоды влекут их к России; потому что если она погибнет, ни от куда они не могут ожидать спасения! Но сила обстоятельств, ложные расчеты малодушия, столь свойственные двум кабинетам, венскому и берлинскому, их увлекают под иго Франции. Я не буду удивлен, если узнаю, что Австрия и Пруссия даже теперь еще не пришли к предварительному решению, так они хотят обманывать себя и скрывать приближение переворота, которого они будут неизбежными жертвами, одна прежде, другая после. Нам следует вывесть их из этого положения неизвестности, нам необходимо знать, как мы должны себя держать в отношении к ним. Положение Пруссии самое трудное, ее крепости в руках французов, ее финансы истощены, ее войска уменьшены и находятся под угрозою быть уничтоженными прежде, нежели они могут собраться. Можно опасаться, что для нее не осталось уже ни времени, ни возможности присоединиться к той стороне, которая наиболее соответствует ее действительным выгодам. Поток может увлечь ее прежде, нежели она на что-либо решится. В высшей степени необходимо войти с нею в соглашения как можно скорее, предваряя тот момент, когда ей придется выбирать между Россиею и Франциею и чтобы она знала, чего она может надеяться от нас в том случае, если возбудит неудовольствие императора Наполеона, и чтобы мы также знали, на что мы можем рассчитывать с ее стороны. Этот вопрос конечно сводится не более как к 60-ти тысячам войска; но во всяком случае лучше иметь их за себя, нежели против себя.

Представляются другие более важные соображения в отношении к Австрии. Австрийская армия простирается по крайней мере до 200 тысяч; эта держава может

[1] Пруссии и Австрии.— *Прим. сост.*

иметь еще больший вес в делах Европы. Сторона, к которой она склонится, будет иметь большое значение как для ней, так и для нас. Вашему и. в-ву хорошо известны мои взгляды на этот кабинет, равно как и тщетные мои усилия во все продолжение моего посольства в Вене, чтобы установить соглашение между ею и нами, которое так согласно с обоюдными нашими выгодами и так необходимо для них. Положение, в котором он находился в то время и особенно совещания в Эрфурте[1], возбудившие большое беспокойство в австрийском императоре, сделали его невозможным, несмотря на все мои усилия. Еще труднее достигнуть соглашений с Австриею в настоящее время; поэтому я позволяю себе предложить Вашему и. в-ву, чтобы вы предписали сделать новые попытки при венском дворе с тою целью, чтобы достигнуть не содействия нам, но лишь нейтралитета...

Сб. РИО, т. 21. СПб., 1877, стр. 329—334.

№ 3.— К. Клаузевиц о численности русских и французских войск и о потерях французской армии к концу кампании 1812 г.

В начале кампании русская армия расположилась на границе тремя главными массами:

1. Первая западная армия под командой генерала Барклая силою в 90 000 человек достигала своим правым крылом (Витгенштейн) Балтийского моря, а левым — (Дохтуров) — почти окрестностей Гродно; главная квартира находилась в Вильно . . . 90 000 человек

2. Вторая западная армия под командой Багратиона силою в 45 000 человек растянулась от Гродно до Муховца; ее главная квартира была в Волковыске... 45 000"

3. Так называемая резервная армия под командой Тормасова стояла по ту сторону Волынских болот и насчитывала 35 000 человек; ее главная квартира была в Луцке . . . . 35 000"

Сюда же надо добавить 10 000 казаков, большая часть которых с Платовым во главе находилась при армии Багратиона . . . . 10 000"

В первой линии . . . . 180 000 человек

Во второй линии стояли вдоль Западной Двины

[1] Между Александром I и Наполеоном в 1808 г. — *Прим. сост.*

и Днепра резервные дивизии, составленные из третьих батальонов и пятых эскадронов; в общем они составляли 35 000 человек, которые вступили в дело в качестве подкреплений, прибывших к Витгенштейну, Рижскому и Бобруйскому гарнизонам, и в качестве корпуса генерала Гертеля; они потому лишь несколько позднее приняли участие в кампании.

Между тем, французы и их союзники наступали четырьмя главными массами:

1. Левое крыло под начальством Макдональда в составе 10-го корпуса в 30 000 человек перешло через Неман близ Тильзита и предназначалось для действия против Риги . . . . 30 000 человек

2. Центр под начальством Наполеона состоял из:

1-го корпуса Даву	72 000	человек
2-го „ Удино	37 000	„
3-го „ Нея	39 000	„
4-го „ Евгения Богарнэ	45 000	„
6-го „ Сен-Сира	25 000	„
Гвардия Мортье	47 000	„
Три резервных кавалерийских корпуса под командой Мюрата	32 000	„
	297 000	человек...

Эти массы переправились через Неман в двух пунктах: у Ковно 230 000 человек и у Пилоны в 3 милях выше Ковно 67 000 человек; они были предназначены действовать против Барклая.

3. К центру надо еще причислить под командой Жерома Бонапарта:

5-й корпус Понятовского	36 000	человек
7-й „ Ренье	17 000	„
8-й „ Вандама	17 000	„
Кавалерийский корпус Латур-Мобура	8 000	„
	78 000	человек...

Эта армия переправилась у Гродно и предназначена была против Багратиона.

4. Правое крыло 34 000 человек под начальством Шварценберга переправилось у Дрогичина через Буг и, по-видимому, назначалось против Тормасова... Итого 439 000 человек...

Когда остатки французской армии собрались в течение января месяца (1813 г.— *сост.*) за Вислой, оказалось, что они насчитывают 23 000 человек. Австрийские и прусские войска, вернувшиеся из похода, насчитывали приблизительно 35 000 человек, следовательно, все вместе составляли 58 000 человек.

Между тем союзная армия, включая сюда и подошедшие впоследствии войска, насчитывала фактически 610 000 человек.

Таким образом, в России осталось убитыми и пленными 552 000 человек.

При армии находилось 182 000 лошадей. Из них, считая прусские и австрийские войска и войска Макдональда и Ренье, уцелело 15 000, следовательно, потеряно было 167 000. В армии было 1372 орудия: австрийцы, пруссаки, Макдональд и Ренье привезли с собою обратно до 150 пушек, следовательно, было потеряно свыше 1200 орудий.

К. Клаузевиц. 1812 год. М., Воениздат, 1937, стр. 162—163, 194.

№ 4.— Приказ Наполеона при переходе армии через Неман

10 июня 1812 г.

Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Франциею и в войне с Англиею. Ныне она нарушает свои клятвы. Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, покуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на ее произвол. Россия увлечена роком. Судьбы ее должны свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестием и войною. Выбор не может быть сомните-

лен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы. Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая. Но мир, который мы заключим, принесет с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы.

В нашей императорской квартире в Вилковишках, 22 июня 1812 г.

Наполеон.

«Отечественная война 1812 г.» Сб. документов и материалов. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 14.

№ 5.— Приказ Александра I по Русской армии

Вильно, 13(25) июня 1812 г.

Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, всемогущего творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На начинающего бог.

Александр.

«Внешняя политика России XIX и начала XX века», т. 6. М., Госполитиздат, 1962, стр. 442—443, № 178.

№ 6.— Обращение М. Б. Барклая-де-Толли к жителям Псковской, Смоленской и Калужской губерний с призывом к вооруженной борьбе с противником

конец июля 1812 г.

Обыватели псковские, смоленские и калужские!

Вы истинные сыны отечества, верные подданные монарху своему и бесстрашные защитники собственности! Внемлите гласу, воззывающему вас к собственному успокоению вашему, к собственной безопасности вашей.

Непримиримый враг наш, предприняв алчное против нас намерение, питал себя доселе надеждою, что и одной наглости его довольно будет, чтобы устрашить нас, чтобы восторжествовать над нами. Но две храбрые армии наши, остановя дерзкий полет насилий его, грудью противустали ему на древних рубежах наших, грудью готовы сами идти на истребление его. В таком неожидаем[ом] для него положении, избегая решительной битвы, он для насыщения зверской алчности своей обратился ныне к неистовствам всякого рода. Партии или, лучше сказать, разбойничьи шайки его, нападая на безоружных поселян, тиранствуют над ними со всею жестокостию времен варварских: грабят и жгут домы их; оскверняют храмы божии, оскорбляют разными ругательствами священнослужителей их, и словом, все встречающееся делают жертвою насилия своего. Но многие из жителей губернии Смоленской пробудились уже от страха своего. Они, вооружась в домах своих, с мужеством, достойным имени русского, карают злодеев без всякой пощады.

Подражайте им все, любящие себя, отечество и государя! Воинство ваше не выйдет из пределов ваших, доколе не изгонит и не истребит сил вражиих. Оно до самой крайности решилось бороться с ними, и вам остается подкреплять его одною защитою собственных домов ваших от набегов более дерзких, нежели страшных.

Не меньшую употребляйте осторожность противу самих из тех воинов наших, кои, забыв бога и обязанности свои, дерзнут посягать на собственность вашу. Таковых препровождайте к воинским и гражданским начальствам и будьте уверены, что вы за малейшую нанесенную вам обиду удовлетворены будете жесточайшим их наказанием.

Подлинный подписал главнокомандующий 1-ю Западною армиею генерал Барклай-де-Толли.

«Листовки Отечественной войны 1812 г.» Сб. документов, стр. 33—34, № 7.

№ 7.— Из приказа П. И. Багратиона войскам Второй Западной армии

25 июня [7 июля] 1812 г.

...Рекомендую гг. шефам полков, чтобы люди для унесения раненых из фронта отнюдь не выходили — на сие будет наряжена особая команда. Во время стрельбы как можно менее высылать стрелков, разве где по флангам будут леса — тогда засаду сделать. Корпусным командирам стараться и все внимание обратить на то, чтобы неприятеля поражать штыками в колоннах и наступать на него, коль скоро он будет опрокинут. Конная артиллерия должна действовать сильно, равно и кавалерия, но весьма стройно, без малейшего замешательства. Сие весьма нужно в том случае, ежели неприятель будет иметь сильные резервы, чем может он привести к расстройству наступающих; и для того нам стараться иметь войска в колоннах и в готовности, а как скоро все обратятся в бегство, тогда сильно колоть казакам, а регулярным подкреплять сомкнуто и весьма стройно.

Армию в боевой порядок выстраивать не тесно, а так, чтобы локтями могли трогать товарища,— сие нужно для свободного заряжания ружей. Когда неприятельская кавалерия нападает на пехоту, то ту же минуту построить сомкнутую колонну во все стороны, или баталион каре.

Все атаки делать с криком, а особливо казакам; во время наступления барабаны бьют скорый поход и музыка играет.

Артиллерии генералу предписываю избирать и определять к пушкам места для верного действия. Его обязанность направлять их благоразумно и во время сражения уведомить всех подчиненных своих, где он сам находиться будет, чтобы все знали... Генерал артиллерии должен быть в середине между первой и второй линии; он дает знать непременно и корпусным начальникам, где он будет...

«Генерал Багратион». Сб. документов и материалов. М., 1945, стр. 179—180, № 95.

№ 8.— Арман де Коленкур[1] о положении французской армии от Немана до Бородина

...Витебск, где надеялись найти кое-какие материалы, оказался почти совершенно пустым. А кроме того, русские губернские города нельзя было даже и сравнивать с самыми маленькими германскими городками. Мы слишком привыкли находить там запасы всякого рода и рассчитывали встретить то же самое в России. Велико было разочарование, жестоко отозвавшееся на несчастных страдальцах, и не было никаких средств облегчить их муки. Нельзя представить себе те лишения, которые приходилось испытывать в первые моменты. Отсутствие порядка, недисциплинированность войск, в том числе даже среди гвардии, губили и те немногие возможности, которые еще оставались. Для тех, кто умел мыслить и кого не ослеплял ложный престиж славы и честолюбия, положение было таким прискорбным, а зрелище таким душераздирающим, как никогда. За исключением высших начальников администрация была беззаботной как нельзя больше. Наши больные и раненые погибали из-за отсутствия хотя бы малейшей помощи. Многочисленные ящики, огромные запасы всякого рода, которые собирались в течение двух лет ценою таких затрат, исчезли — были разграблены или потеряны из-за отсутствия перевозочных средств. Ими была усеяна дорога; быстрота переходов, нехватка упряжных и запасных лошадей, отсутствие фуража, недостаток ухода — все это, вместе взятое, губило конский состав. Эта кампания, которая без реального результата велась на почтовых от Немана до Вильно и от Вильно до Витебска, уже стоила армии больше чем два проигранных сражения и лишала ее самых необходимых ресурсов и продовольственных запасов...

...Император всегда стремился добиться наибольших результатов с наименьшими затратами, и при отправлении в путь крупных складов были пущены в упряжь почти все наличные лошади, так как, по примеру других кампаний, рассчитывали пополнить упряжки и заменить убыль реквизированными лошадьми, которых обычно

[1] *А. де Коленкур* — посол Наполеона в России (1807—1811 гг.). Сопровождал Наполеона в походе на Россию в 1812 г. — *Прим. сост.*

находили на месте; но в России ничего подобного не было. Лошади и скот — все исчезло вместе с людьми, и мы находились как бы среди пустыни; все ведомства оставили большую часть своего имущества на дорогах...

Через десять дней после нашего прибытия в Витебск, чтобы раздобыть продовольствие, приходилось уже посылать лошадей за 10—12 лье от города. Оставшиеся жители все вооружились; нельзя было найти никаких транспортных средств. На поездки за продовольствием изводили лошадей, нуждавшихся в отдыхе; при этом и люди и лошади подвергались риску, ибо они могли быть захвачены казаками или перерезаны крестьянами, что частенько и случалось...

...В бою под Валутиной горой мы захватили нескольких пленных; при преследовании пленных не удалось захватить; не удалось также захватить ни одной повозки. Русские отступали в порядке и не оставляли ни одного раненого. Жители следовали за армией; деревни опустели. Несчастный город Дорогобуж, который русские оставили нам нетронутым, загорелся от костров наших бивуаков, расположенных слишком близко от жилых домов. Многие деревни в эти дни постигла та же участь...

...Армия могла питаться лишь тем, что добывали мародеры, организованные в целые отряды; казаки и крестьяне ежедневно убивали многих наших людей, которые отваживались отправиться на поиски. Чем больше мы продвигались вперед, тем более полным было бегство населения. Не оставались даже старики и инвалиды. Дело доходило до того, что даже авангард не мог раздобыть себе проводника, который был бы в состоянии назвать местность и дать какие-нибудь сведения о соответствующем районе. Возникали настоящая путаница и затруднения всякого рода...

А. де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., Огиз. Госполитиздат, 1943, стр. 102, 104, 110, 120, 126.

2. БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

№ 9.— 1812 г. августа 23. Донесение М. И. Кутузова Александру I о состоянии армии и о выборе позиции при Бородине

При селе Бородине

Всемилостивейший государь!

Прибыв к армии, нашел я оную в полном отступлении, и после кровопролитных дел, в Смоленске бывших, полки весьма некомплектными. Дабы приближиться к пособиям, принужден я был отступать далее, дабы встречающими меня войсками, которым я дал предварительно направление к Можайску, усилиться. По сей день вступили уже в полки кавалерийские и пехотные до 17 000 из войск, формированных генералом от инфантерии Милорадовичем. Правда, что приведены они уже ко мне были полками одетыми и вооруженными, но, состоя вообще все из рекрут в большом недостатке штаб-, обер- и унтер-офицеров, было бы сие войско весьма ненадежно. И для того предпочел я, отправя обратно штаб-, обер- и унтер-офицеров, барабанщиков и проч. назад в Калугу к новому формированию, всех рядовых обратить к укомплектованию старых полков, потерпевших в сражениях. Завтрашнего числа поутру получу тысяч до 15-ти из Можайска Московского ополчения.

Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюся, что может быть должен итти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся, и как бы то ни было, Москву защищать должно.

Касательно неприятеля, приметно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен, и когда трогается вперед, то сие, так сказать, ощупью. Вчерашнего дня посыланной от меня полковник князь Кудашев заставил с 200 казаков всю конницу Давустова корпуса и короля неаполитанского несколько часов сидеть на

лошадях неподвижно. Вчера неприятель ни шагу вперед движения не сделал. Сегодня казачьи наши форпосты от меня в 30-ти верстах, и боковые дороги наблюдаются весьма рачительно.

Продовольствие, хотя мы ни одного дни без хлеба не были, но не в такой деятельности, как бы я желал, что меня беспокоит весьма.

Неизбежно, что от имеющих впредь быть сражений и самой осенней погоды последует убыль. Нужно содержать армию всегда в довольном комплекте, и для того должно Военное министерство, не теряя времени, обращать рекрут из депотов (резерва — *В. Ф.*) второй линии как можно поспешнее к Москве. Между тем приказал я некоторым полкам, формированным князем Лобановым, подойти ко мне, и ежели их найду ненадежными действовать самим собою, то выну из них рядовых для укомплектования старых полков и обращу основание их к новому формированию.

Всемилостивейший государь, вашего императорского величества всеподданнейший

князь *Михаил Г[оленищев]-Кутузов*

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 1 (июль—октябрь 1812 г.). Под ред. Л. Г. Бескровного. М., Воениздат, 1954, стр. 129—130, № 157.

№ 10.— Диспозиция русских войск при Бородине, составленная М. И. Кутузовым

24 августа [5 сентября] 1812 г.

Армии, присоединив к себе все подкрепления, от Калуги и Москвы прибывшие, ожидают наступления неприятельского при с. Бородине, где и дадут ему сражение.

Армии расположены ныне в позиции следующим образом, начиная с правого фланга.

2-й, 4-й, 6-й и 7-й пехотные корпуса, и 27-я пехотная дивизия, находящаяся на левом фланге, составляют корде-баталь и расположены в две линии.

За ними расположатся кавалерийские корпуса, имеющие вступить в ордер-де-баталь, в полковых колоннах, следующим образом:

За 2-м пех. корпусом 1-й кавалерийский корпус,

— 4-м — — 2-й — —

— 6-м — —3-й — —
— 7-м — —4-й — —

т. е. кавалерийские полки второй армии.

В центре боевого порядка, за кавалерийскими корпусами, стоят резервы, в баталионных колоннах на полных дистанциях в две линии, а именно:

В первой линии 3-й пехотный корпус, а за ним 5-й или гвардейский корпус и сводные гренадерские баталионы: 4-й, 17-й, 1-й и 3-й пехотных дивизий.

Вторая гренадерская дивизия и сводные гренадерские баталионы 2-й армии становятся за 4-м кавалерийским корпусом и составляют резерв второй армии. Егерские полки 1-й армии, ныне в ариергарде находящиеся, равно и те, которые стоят в кор-де-баталии, проходят за оный и идут на правый фланг армии за 2-й пехотный корпус, где и поступают частию для занятия лесов, на правом фланге находящихся, и частию для составления резерва правого фланга армии. Все кирасирские полки обеих армий должны во время действия стать позади гвардейского корпуса, также в полковых колоннах.

Артиллерия, при резерве остающаяся, составляет в сем боевом порядке резервную артиллерию.

Начальники кор-де-баталии

Правый фланг, из 2-го и 4-го корпусов, под командою генерала от инфантерии Милорадовича.

Центр, из 6-го корпуса, под командою генерала от кавалерии Дохтурова.

Левый фланг, из 7-го корпуса и 27 дивизии, под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го.

Главнокомандующие армиями предводительствуют, как и прежде, войсками их армии составляющими.

Генерал-лейтенант князь Голицын 1-й командует 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизиями, кои соединить вместе в колоннах за 5-м корпусом.

В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность г. г. главнокомандующих армиями и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля. Возлагая все упование на помощь всесильного и храбрость и неустрашимость русских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственные

повеления на преследование его, для чего и буду ожидать беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом.

При сем случае, не излишним почитаю представить г. г. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден. В случае наступательного во время действия движения, оное производить в колоннах в атаке, в каковом случае стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем.

В интервалах между пехотными колоннами иметь некоторую часть кавалерии, также в колоннах, которая бы подкрепляла пехоту.

На случай неудачного дела, генералом Вистицким несколько дорог открыто, которые сообщены будут г.г. главнокомандующим и по коим армии должны будут отступать. Сей последний пункт остается единственно для сведения г.г. главнокомандующим.

Генерал князь *Кутузов.*

«Фельдмаршал Кутузов». Сб. документов и материалов. Под редакцией. Н. М. Коробкова. М., 1947, стр. 159—161, № 119.

№ 11.— 1812 г. августа 25. Диспозиция армии Наполеона перед Бородинским боем

Генеральные диспозиции для сражения, имеющего быть завтра, 26 августа.

На рассвете две новые батареи, в продолжение ночи построенные на равнине, занимаемой принцем Экмюльским, откроют огонь на противостоящие две неприятельские батареи. В тот же момент ген. Пернетти, командующий артиллерией 1-го корпуса из 30 пушек дивизии Компана и из всех гаубиц дивизий Дезе и Фриана, которые двинутся вперед, начнет стрельбу и собьет гаубицами неприятельскую батарею. Против нее таким образом будут находиться: 24 орудия гвардии, 30 орудий дивизии Компана, 8 орудий дивизии Фриана и Дезе,—62 орудия.

Ген. Фуше, командующий артиллерией 3-го корпуса, двинется со всеми гаубицами 3-го и 8-го корпусов, состоящими из 16 орудий, вокруг батареи, действующей

против левого редута, что составит 40 орудий, направленных противу этой батареи. Ген. Сорбье будет в готовности при первом приказе выступить со всеми гаубицами гвардии против того или другого редута. Во время стрельбы кн. Понятовский вступит в деревню со стороны леса и обойдет неприятельскую позицию. Ген. Компан направится вдоль леса для овладения первым редутом. Сражение начнется указанным образом. В дальнейшем приказания будут даны согласно неприятельским диспозициям.

Канонада с левой стороны начнется, как скоро начнется канонада на правой. Дивизия Морана и дивизия вице-короля произведут сильный ружейный огонь, коль скоро увидят, что на правой стороне началась атака. Вице-король овладеет деревнею, пройдет ее тремя мостами на возвышенность и образует линию, в то время как генералы Моран и Жерар двинутся для овладения неприятельским редутом. Все это имеет быть произведено в порядке, стараясь, чтоб значительное число войска было всегда в резерве.

«Отечественная война 1812 г.» Сб. документов и материалов, стр. 63—64.

№ 12.— [1812 г. август.] Донесение М. И. Кутузова Александру I о сражении при Бородине

... 25-го армия французская находилась в виду нашей и построила пред своим фрунтом несколько укреплений, на правом же ее крыле замечены были разные движения, скрытые от нас лесами, почему и можно было предположить, что намерение Наполеона состояло в том, чтоб напасть на левое наше крыло и потом, продолжая движение по Старой Смоленской дороге, совершенно отрезать нас от Можайска.

Дабы предупредить сие намерение, я приказал того же дня генерал-лейтенанту Тучкову с 3-м корпусом итти на левое наше крыло и прикрыть положением своим Смоленскую дорогу. В подкрепление сему корпусу отряжено было 7000 человек Московского ополчения под предводительством генерал-лейтенанта графа Маркова.

От 3-го корпуса до левого крыла 2-й армии, которою командовал генерал от инфантерии князь Багратион,

был промежуток, на версту продолжающийся и покрытый кустарниками, в котором для лучшей связи расположены были егерские полки 20-й, 21-й, 11-й и 41-й. Сводные гренадерские баталионы 2-й армии под командою г[енерал]-м[айора] гр[афа] Воронцова заняли все укрепления, устроенные пред деревнею Семеновской; к сей деревне примыкало левое крыло нашей армии и от оной простиралась линия из полков 7-го корпуса под командою генерал-лейтенанта Раевского в направлении к кургану, в середине армии находящемуся и накануне укрепленному. К правой стороне кургана примыкал 6-й корпус под командою генерала от инфантерии Дохтурова левым своим крылом.

В сем месте линия склонялась вправо к деревне Горкам, и в оном направлении стояли 4-й и 2-й пехотные корпуса, составлявшие правое крыло армии под командою генерала от инфантерии Милорадовича.

Все вышепомянутые войски входили в состав главной нашей силы (кор-де-баталь) и расположены были в две линии. За ними находились кавалерийские корпуса следующим образом: 1-й кавалерийский немного правее за 2-м корпусом, 2-й за 4-м, 3-й за 6-м, 4-й за 7-м. Позади кавалерии 5-й пехотной корпус, из гвардейских полков составленный, и 2-я гренадерская дивизия, а за оными обе кирасирские.

В таковом положении армия ожидала наступления дня и неприятельского нападения.

26-го числа в 4 часа пополуночи первое стремление неприятеля было к селу Бородину, которым овладеть искал он для того, дабы, утвердясь в оном, обеспечить центр своей армии и действия на левое наше крыло, в то же самое время атакованное. Главные его батареи расположены были при дер. Шевардино: 1-я о 60 орудиях вблизи оставленного нами 24-го числа редута имела в действии своем косвенное направление на пехотную нашу линию и батарею, на кургане устроенную, а 2-я о 40 орудиях немного левее первой обращала огонь свой на укрепление левого нашего крыла.

Атака неприятеля на село Бородино произведена была с невероятною быстротою, но мужество лейб-гвардии егерского полка, оживляемое примером начальников оного, остановило стремление 8000 французов. Наикровопролитнейший бой возгорелся и сии храбрые егери в виду целой армии более часу удерживали [неприяте-

ля]. Наконец, подошедшие к нему резервы умножили силы, принудили сей полк, оставя село Бородино, перейти за реку Калочь. Французы, ободренные занятием Бородина, бросились вслед за егерями и почти вместе с ними перешли реку, но гвардейские егери, подкрепленные пришедшими с полковником Манахтиным полками и егерской бригадой 24-й дивизии под командою полковника Вуича, вдруг обратились на неприятеля и соединенно с пришедшими к ним на помощь ударили в штыки, и все находившиеся на нашем берегу французы были жертвою дерзкого их предприятия. Мост на реке Калоче совершенно был истреблен, несмотря на сильной неприятельский огонь, и французы в течение целого дня не осмеливались уже делать покушения к переправе и довольствовались перестрелкою с нашими егерями.

Между тем огонь на левом нашем крыле час от часу усиливался. К сему пункту собрал неприятель главные свои силы, состоящие из корпусов князя Понятовского, маршалов Нея и Давуста и был несравненно нас многочисленнее. Князь Багратион, видя умножение неприятеля, присоединил к себе 3-ю пехотную дивизию под командою генерал-лейтенанта Коновницына и сверх того вынужден был употребить из резерва 2-ю гренадерскую дивизию под командою генерал-лейтенанта Бороздина, которую он и поставил уступами противу левого крыла за деревнею, а левее от оной три полка 1-й кирасирской дивизии и всю 2-ю кирасирскую дивизию.

Я нашел нужным сблизить к сему пункту полки: лейб-гвардии Измайловской и Литовской под командою полковника Храповицкого. Неприятель под прикрытием своих батарей показался из лесу и взял направление прямо на наши укрепления, где был встречен цельными выстрелами нашей артиллерии, которою командовал полковник Богуславской, и понес величайший урон. Невзирая на сие, неприятель, построясь в несколько густых колонн, в сопровождении многочисленной кавалерии с бешенством бросился на наши укрепления. Артиллеристы, с мужественным хладнокровием выждав неприятеля на ближайший картечный выстрел, открыли по нем сильный огонь, равномерно и пехота [встретила] его самым пылким огнем ружейным, [но поражение] их колонне удержало французов, которые стремились к своей цели и не прежде обратились в бегство, как уже граф Воронцов с сводными гренадерскими баталионами уда-

рил на них в штыки; сильный натиск сих баталионов смешал неприятеля, и он, отступая в величайшем беспорядке, был повсюду истребляем храбрыми нашими воинами. При сем нападении граф Воронцов, получа жестокую рану, принужден был оставить свою дивизию. В то же самое время другая часть неприятельской пехоты следовала по Старой Смоленской дороге, дабы совершенно обойти наше левое крыло; но 1-я гренадерская дивизия, на сей дороге находившаяся, с твердостию выждав на себя неприятеля, остановила его движения и заставила податься назад. Новые силы подкрепили французов, что и побудило генерал-лейтенанта Тучкова отступить по Смоленской дороге, где занял он на высоте выгодную позицию. Устроенная на сем месте 1-й артиллерийской бригады батарея причиняла значущий вред наступающему неприятелю. Французы, заметив важность сего места, ибо высота сия командовала всею окружностию и, овладев оной, могли они взять во фланг левое наше крыло и отнять способ держаться на Смоленской дороге, почему, усилясь противу сего пункта, и в сомкнутых колоннах с разных сторон повели атаку на 1-ю гренадерскую дивизию. Храбрые гренадеры, выждав неприятеля, открыли по нем наижесточайший огонь, и, не медля нимало, бросились на него в штыки. Неприятель не мог выдержать столь стремительного нападения, оставил с уроном место битвы и скрылся в близлежащие леса. Генерал-лейтенант Тучков при сем ранен пулею в грудь и генерал-лейтенант Алсуфьев принял по нем команду.

В 11 часов по полуночи неприятель, усилясь артиллериею и пехотою против укреплений нашего левого крыла, решился вновь атаковать оные. Многократные его атаки были отбиты, где много содействовал с отличною храбростию генерал-майор Дорохов. Наконец, удалось овладеть ему нашими тремя флешами, с коих мы не успели свести орудий. Но не долго он воспользовался сею выгодою; полки Астраханский, Сибирский и Московский, построясь в сомкнутые колонны под командою генерал-майора Бороздина, с стремлением бросились на неприятеля, который был тотчас сбит и прогнан до самого леса с большим уроном. Таковой удар был с нашей стороны не без потери. Генерал-майор принц Мекленбургской Карл ранен, Ревельского пехотного полка шеф генерал-майор Тучков 4-й был убит, Московского гренадерского полка полковник Шатилов получил жестокую

рану, Астраханского гренадерского полка полковник Буксгевден, несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами. Потеря французов противу нас несравнительна. После чего неприятель, умножа силы свои, отчаянно бросился опять на батареи наши и вторично уже овладел оными, но генерал-лейтенант Коновницын, подоспев с 3-ю пехотною дивизиею и видя батареи наши занятыми, стремительно атаковал неприятеля и в мгновение ока сорвал оные. Все орудия, на оных находившиеся, были опять отбиты нами; поле между батареями и лесом было покрыто их трупами, и в сем случае лишились они лучшего своего кавалерийского генерала Монбрена и начальника главного штаба генерала Ромёфа, находившегося при корпусе маршала Давуста.

После сей неудачи французы, приняв несколькими колоннами как пехотными, [так] и кавалерийскими вправо, решились обойти наши батареи. [Едва] появились они из лесу, как генерал-лейтенант князь Голицын, командовавший кирасирскими дивизиями, влево от третьей пехотной дивизии находившимися, приказал генерал-майору Бороздину и генерал-майору Дуке ударить на неприятеля. Вмиг был он обращен в бегство и принужден скрыться в лес, откуда хотя несколько раз потом и показывался, но всегда [был] с уроном прогоняем.

Невзирая на сильную потерю, понесенную французами, не переставали они стремиться к овладению вышеупомянутыми тремя флешами; артиллерия их, до 100 орудий умноженная, сосредоточенным огнем своим наносила немалой вред нашим войскам.

Я, заметя, что неприятель с левого крыла переводит войски, дабы усилить центр и правое свое крыло, немедленно приказал двинуться всему нашему правому крылу, вследствие чего генерал от инфантерии Милорадович отрядил генерал-лейтенанта Багговута со 2-м корпусом к левому крылу, а сам с 4-м корпусом пошел на подкрепление центра, над коим и принял начальство. Генерал же от инфантерии Дохтуров взял пред сим в командование левый фланг после князя Багратиона, получившего к крайнему сожалению всей армии тяжкую рану и вынужденного чрез то оставить место сражения. Сей нещастный случай весьма расстроил удачное действие левого нашего крыла, доселе имевшего поверхность над не-

приятелем, и конечно бы имел самые пагубные следствия, естли бы до прибытия генерал от инфантерии Дохтурова не вступил в командование генерал-лейтенант Коновницын. Не менее того в самое сие время неприятель напал на наши укрепления, и войски, несколько часов к ряду с мужеством оные защищавшие, должны были, уступя многочисленности неприятеля, отойти к деревне Семеновской и занять высоты, при оной находящиеся, которые, без сомнения, скоро были бы потеряны, естли бы генерал-майор граф Ивелич не подоспел с командою 17-й дивизии и не устроил сильные на оных батареи, чрез что восстановил тесную связь между левым крылом армии и 1-й гренадерской дивизией. Генерал-лейтенант Богговут с 4-ю дивизиею присоединился в то же время к 1-й гренадерской дивизии и принял оную в свою команду. После сего неприятель хотя и делал несколько покушений на наше левое крыло, но всякий раз был отражен с величайшею потерею.

Полки лейб-гвардии Измайловской и Литовской, пришедшие на левой фланг 3-й пехотной дивизии, с непоколебимою храбростию выдерживали наисильнейший огонь неприятельских орудий и, невзирая на понесенную потерю, пребывали в наилучшем устройстве. Полки лейб-гвардии Измайловской и Литовской в сем сражении покрыли себя славою в виду всей армии, быв атакованы три раза неприятельскими кирасирами и конными гренадерами, стояли твердо и, отразив их стремление, множество из оных истребили. Генерал-майор Кретов с кирасирскими полками Екатеринославским и Орденским подоспел к ним на помощь, опрокинул неприятельскую кавалерию, большую часть истребил оной и сам при сем случае был ранен.

Наполеон, видя неудачные покушения войск правого крыла своей армии и что они были отбиты на всех пунктах, скрыл оные в леса и, заняв опушку стрелками, потянулся влево к нашему центру. Генерал от инфантерии Барклай-де-Толли, командовавший 1-ю армиею, заметив движение неприятеля, обратил внимание свое на сей пункт и, чтоб подкрепить оной, приказал 4-му корпусу примкнуть к правому крылу Преображенского полка, которой с Семеновским и Финляндским оставались в резерве. За сими войсками поставил он 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, а за оными полки кавалергардской и конной гвардии. В сем положении наш центр и все вы-

шеупомянутые резервы были подвержены сильному неприятельскому огню; все его батареи обратили действие свое на курган, построенный накануне и защищаемый 18-ю батарейными орудиями, подкрепленными всею 26-ю дивизиею под начальством генерал-лейтенанта Раевского. Избежать сего было невозможно, ибо неприятель усиливался ежеминутно противу сего пункта, важнейшего во всей позиции, и вскоре после того большими силами пошел на центр наш под прикрытием своей артиллерии густыми колоннами, атаковал курганную батарею, успел овладеть оною и опрокинуть 26-ю дивизию, которая не могла противустоять превосходнейшим силам неприятеля.

Начальник главного штаба генерал-майор Ермолов, видя неприятеля, овладевшего батареею, важнейшею во всей позиции, со свойственною ему храбростию и решительностию, вместе с отличным генерал-майором Кутайсовым взял один только Уфимского пехотного полка баталион и, устроя сколько можно скорее бежавших, подавая собою пример, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, но ничто не устояло противу русского штыка. 3-й баталион Уфимского пехотного полка и 16-й егерской полк бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й по левую сторону оной, и в четверть часа батарея была во власти нашей с 18-ю орудиями, на ней бывшими. Генерал-майор Паскевич с полками ударил в штыки на неприятеля, за батареею находящегося; генерал-адъютант Васильчиков учинил то же с правой стороны, и неприятель был совершенно истреблен; вся высота и поле оной покрыто неприятельскими телами, и бригадной командир французской генерал Бонами, взятой на батарее, был один из неприятелей, снискавший пощаду. Подоспевшая на сей случай кавалерия под командою генерал-адъютанта Корфа много способствовала к отбитию батареи нашей; при сем случае к большому всех сожалению лишились мы достойного генерала от артиллерии Кутайсова, которой при взятии батареи был убит. Генерал-майор Ермолов переменил большую часть артиллерии, офицеры и услуга при орудиях были перебиты и, наконец, употребляя Уфимского пехотного полка людей, удержал неприятеля сильные покушения во время полутора часов, после чего был ранен в шею и сдал батарею г[енерал]-майору Лихачеву, присланному генералом от инфантерии Барклаем-де-Толлии с 24-ю дивизиею на смену 26-й, которая,

имея противу себя во все время превосходные силы неприятеля, была весьма расстроена. Во время сего происшествия неприятельская кавалерия, из кирасир и улан состоящая, атаковала во многих пунктах 4-й корпус, но сия храбрая пехота, выждав неприятеля на ближайший ружейный выстрел, произвела столь жестокой батальной огонь, что неприятель был совершенно опрокинут и с большою потерею бежал в расстройстве; при сем случае особенно отличились Перновской пехотной и 34-й егерский полки. Несколько полков 2-го кавалерийского корпуса, преследовав бегущего неприятеля, гнали до самой пехоты. Псковской драгунской полк под командою полковника Засса врубился в неприятельскую пехоту; адъютант его высочества полковник князь Кудашев довершил истребление другой неприятельской колонны, подскакав с 4-мя орудиями гвардейской конной артиллерии, из коих, действовав ближайшим картечным выстрелом, нанес ужасной вред неприятелю.

После сего неприятель большими силами потянулся на левой наш фланг. Чтоб оттянуть его стремление, я приказал генерал-адъютанту Уварову с 1-м кавалерийским корпусом, перейдя речку Калочу атаковать неприятеля в левый его фланг. Хотя положение места было не весьма выгодное, но атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут; при сем случае Елисаветградской гусарской полк отбил два орудия, но не мог вывести за дурной дорогою; в сие самое время неприятельская пехота покусилась было перейти через реку Калочу, дабы напасть на пехоту нашу, на правом фланге находящуюся, но генерал-адъютант Уваров, атаками на оную произведенными, предупредил ее намерение и воспрепятствовал исполнению оного.

Наполеон, видя неудачу всех своих предприятий и все покушения его на левой наш фланг уничтоженными, обратил все свое внимание на центр наш, противу коего, собрав большие силы во множестве колонн пехоты и кавалерии, атаковал Курганскую батарею; битва была наикровопролитнейшая, несколько колонн неприятельских были жертвою столь дерзкого предприятия, но невзирая на сие, умножив силы свои, овладел он батареею, с коей однакож генерал-лейтенант Раевской успел свести несколько орудий. В сем случае генерал-майор Лихачев был ранен тяжело и взят в плен. Кавалерия неприятельская, овладев курганом, в больших силах бросилась от-

чаянно на пехоту 4-го корпуса и 7-й дивизии, но была встречена кавалергардским и конно-гвардейским полками под командою генерал-майора Шевича; полки сии, имея против себя несоразмерность сил неприятельской кавалерии, с необыкновенным мужеством остановили предприятие ее, и, быв подкреплены некоторыми полками 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, атаковали тотчас неприятельскую кавалерию и, опрокинув ее совершенно, гнали до самой пехоты.

Правой и левой фланги нашей армии сохраняли прежнюю позицию; войски, в центре находящиеся под командою генерала от инфантерии Милорадовича, заняли высоту, близ кургана лежащую, где, поставя сильные батареи, открыли ужасный огонь на неприятеля. Жестокая канонада с обеих сторон продолжалась до глубокой ночи. Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю цельными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступила. Генерал-адъютант Васильчиков с 12-ю пехотною дивизиею до темноты ночи был сам со стрелками и действовал с особенным благоразумием и храбростию.

Таким образом, войски наши, удержав почти все свои места, оставались на оных.

Я, заметя большую убыль и рассройство в баталионах после столь кровопролитного сражения и превосходства сил неприятеля, для соединения армии оттянул войски на высоту, близ Можайска лежащую.

По вернейшим известиям, к нам дошедшим, и по показанию пленных неприятель потерял убитыми ранеными 42 генерала, множество штаб- и обер-офицеров и за 40 тыс. рядовых; с нашей стороны потеря состоит до 25 тыс. человек, в числе коих 13 генералов убитых и раненых.

Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота, кавалерия и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростию жизнию за свое отечество.

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 1, стр. 162—168, № 197.

№ 13.— Арман де Коленкур о Бородинском сражении и его последствиях

... Еще никогда мы не теряли в одном сражении столько генералов и офицеров. Успех оспаривался с таким упорством и огонь был такой убийственный, что генералы, как и офицеры, должны были платить своею жизнью, чтобы обеспечить исход атак. И днем во время сражения, и ночью для раненых делали все, что могли, но большинство жилых помещений вблизи поля битвы загорелось во время боя, и поэтому многие перевязочные пункты провели ночь под открытым небом. Пленных было мало. Русские проявили большую отвагу; укрепления и территория, которые они вынуждены были уступить нам, эвакуировались в порядке. Их ряды не приходили в расстройство; наша артиллерия громила их, кавалерия рубила, пехота брала в штыки, но неприятельские массы трудно было сдвинуть с места; они храбро встречали смерть и лишь медленно уступали нашим отважным атакам. Еще не было случая, чтобы неприятельские позиции подвергались таким яростным и таким планомерным атакам и чтобы их отстаивали с таким упорством. Император много раз повторял, что он не может понять, каким образом редуты и позиции, которые были захвачены с такой отвагой и которые мы так упорно защищали, дали нам лишь небольшое число пленных. Он много раз спрашивал у офицеров, прибывших с донесениями, где пленные, которых должны были взять. Он посылал даже в соответствующие пункты удостовериться, не были ли взяты еще другие пленные. Эти успехи без пленных, без трофеев не удовлетворяли его. Несколько раз во время сражения он говорил князю Невшательскому, а также и мне:

— Эти русские дают убивать себя, как автоматы; взять их нельзя. Этим наши дела не подвигаются. Это цитадели, которые надо разрушать пушками...

... Наши войска вступили в Можайск на следующий день на рассвете. Император прибыл туда к полудню. Он был очень озабочен. В этот момент, когда дела в России, несмотря на выигранное сражение, отнюдь нельзя было назвать удовлетворительными, ему невольно приходили в голову испанские дела. Состояние корпусов, которые он видел, было более чем прискорбным. Численность всех корпусов сильно сократилась. Слава стоила

ему дорого. Остановленный вчера вечером неприятелем, который в своем отступлении не оставлял за собой ничего, он был теперь уверен, что это кровопролитное сражение не будет иметь других результатов, кроме того, что даст ему еще некоторую территорию. Ему улыбалась, однако, перспектива вступления в Москву, но этот успех не завершал ничего, если оставалась непоколебимой русская армия. Все замечали, что император был очень озабочен...

А. де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию, стр. 136, 138.

3. МОСКВА В 1812 ГОДУ

№ 14.— Донесение М. И. Кутузова Александру I о причинах оставления Москвы

Жилино. 4[16] сентября 1812 г.

После столь кровопролитного хотя и победоносного с нашей стороны от 26 числа августа сражения, должен я был оставить позицию при Бородине по причинам, о которых имел счастие донести вашему императорскому величеству. После сражения того армия была приведена в крайнее расстройство, вторая армия весьма уже ослабела. В таком положении сил приближались мы к Москве, имея ежедневно большие дела с авангардом неприятельским, и на сем не дальнем расстоянии не представилось позиции, на которой мог бы я с надежностию принять неприятеля. Войска, с которыми надеялись мы соединиться, не могли еще прийти, — неприятель же пустил две новые колонны: одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогам, стараясь действовать на тыл мой от Москвы; а потому не мог я никак отважиться на баталию, которой невыгоды имели бы последствием не только разрушение армии, но и кровопролитнейшую гибель и превращение в пепел самой Москвы. В таком крайне сумнительном положении, по совещанию с первенствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен я был решиться пропустить неприятеля взойти в Москву, из коей все сокровища, арсеналы, и все почти имущества, как казенные, так и частные, вывезены, и ни один почти житель в ней не оставался.

Осмеливаюсь всеподданнейше донести вам, всемилостивейший государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того, с армиею делаю я движение на Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние прикрывать пособия, в обильнейших наших губерниях заготовленные. Всякое другое направление пресекло бы мне оные, равно и связь с армиями Тормасова и Чичагова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятие столицы не было раною чувствительнейшею, но не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операцию со всеми силами линию, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы и тем самым, отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля, надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию. Генералу Винценгероде предписано от меня держаться самому на Тверской дороге, имея между тем по Ярославской казачий полк для охранения жителей от набегов неприятельских партий. Теперь в недальнем расстоянии от Москвы, собрав мои войска, твердою ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия вашего императорского величества цела и движима известною храбростию и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочем, ваше императорское величество, всемилостивейше согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерею Смоленска.

Генерал от инфантерии князь *Г.-Кутузов.*

«Фельдмаршал Кутузов». Сб. документов и материалов, стр. 177—178, № 130.

№ 15.— Ф. Поль де Сегюр[1] об отступлении армии Наполеона из Москвы

... Одно ужасное зрелище увеличило печальные предчувствия нашего вождя. Армия, еще накануне вышедшая из Москвы, двигалась без перерыва. В этой колонне, со-

---

[1] *Филипп Поль де Сегюр* (1780—1873) — французский генерал, находившийся в свите Наполеона в 1812 г.

стоявшей из 140 тысяч человек и приблизительно 50 тысяч лошадей всех пород, 100 тысяч строевых солдат, шедших впереди в полном снаряжении с пушками и артиллерийскими повозками, еще могли напоминать своим видом прежних всемирных победителей, но что касается остальных, то они походили скорее на татарскую орду после удачного нашествия. На бесконечном расстоянии в три или четыре ряда тянулась спутанная вереница карет, фур, богатых экипажей и всевозможных повозок. Тут были и трофеи в виде русских, турецких и персидских знамен, и гигантский крест с колокольни Ивана Великого, и бородатые русские крестьяне, которые везли и несли нашу добычу, сами составляя часть ее; многие из наших собственноручно везли тачки, наполненные всем, что им удалось захватить; эти безумцы не хотели думать, что уже к вечеру им придется отказаться от своей непосильной ноши: охваченные бессмысленной жадностью, они забыли о восьмистах лье пути и о предстоящих сражениях.

Особенно бросалась в глаза среди идущей в поход армии толпа людей всех национальностей, без формы, без оружия и слуг, громко ругавшихся на всех языках и подгонявших криками и ударами плохоньких лошаденок, впряженных веревочной упряжью в элегантные экипажи, наполненные добычей, уцелевшей от пожара, или съестными припасами. В этих экипажах ехали также со своими детьми французские женщины, которые когда-то были счастливыми обитательницами Москвы, а теперь убегали от ненависти москвичей, и армия являлась для них единственным убежищем.

Можно было подумать, что двигался какой-то караван кочевников или одна из армий древних времен, возвращавшаяся после великого нашествия с рабами и добычей...

«Изгнание Наполеона из Москвы». Сборник. М., 1938, стр. 129.

4. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

№ 16.— Подвиг русского солдата

Федор Потапов, по прозванию Самусь, гусар Елисаветградского полка, получа тяжелую рану в одном из арьергардных дел на Московской дороге, искал убежища

в окрестных селениях. Крестьяне приняли и укрыли его в лесах.

Через несколько времени, чувствуя небольшое облегчение от ран и жалея, как он сам говорил, о ранах своего отечества и бедственной участи поселян, а более всего кипя негодованием на злочестивых врагов за оскорбление святыни, он сообщает чувства и намерения свои усердным крестьянам.

Многие пристают к нему. День ото дня число товарищей умножается, и, наконец, все они вместе, ополчась чем можно было, единодушно общим голосом избирают в начальники над собою храброго Самуся. Сия верная дружина дает присягу биться до смерти... и быть во всем послушною избранному начальнику. Таким образом составился отряд, который несмотря на то, что ходил почти всякий день на сшибки с неприятелем, повседневно увеличивался и, наконец, простирался уже до трех и более тысяч. Сии храбрые крестьяне более всего дорожили всякого рода оружием, которое старались доставать от убитых ими неприятелей.

В скором времени более 200 человек оделись в латы французских кирасиров. Они достали даже и пушку! По справкам оказалось, что ополчение сие истребило более 3 тысяч французов.

Благоразумный Самусь ввел удивительный во всех подчиненных ему деревнях порядок. У него все исполнялось по знакам, которые подавались посредством колокольного звона и других условных примет. Часто с приближением неприятеля в превосходных силах по первому знаку все деревни становились пусты; другой знак вызывал опять поселян из лесов в дома. Различные маяки и звон в колокола разной величины возвещали, когда и в каком количестве, на лошадях или пешими идти на бой. Сими средствами, причиняя величайший урон неприятелю, всегда неустрашимый и всегда бескорыстный Самусь сохранил почти все имущество храбрых своих крестьян, которые любили его, как отца, и боялись, как самого строгого начальника.

Генералы Милорадович и Ермолов, проходя с авангардом через селения, которых крестьяне подчинили себя храброму Потапову, отдали полную ему справедливость. Тогда же произведен он был в унтер-офицеры, и в то же

время о дальнейшем награждении его сделано представление высшему начальству...

«Изгнание Наполеона из Москвы». Сборник, стр. 105—106.

№ 17.— А. П. Ермолов о действиях отрядов А. Сеславина и А. Фигнера

... Фигнер был первый из партизанов, употребленный при большой армии. Успехи его, которым много способствовали вооруженные им поселяне, дали мысль Кутузову умножить число партизанов, и по распоряжению его были посланы гвардейской артиллерии капитан Сеславин, офицер испытанной храбрости и усердия, предприимчивости необычайной, и гвардии полковник князь Кудашев, которому назначение такое принадлежало не по способностям, деятельности и храбрости, но команда дана была потому, что он был зять Кутузова. В самое короткое время партизаны принесли ощутительную пользу. Пленные в большом количестве приводились ежедневно; на всех коммуникациях неприятеля появились казаки; не проходили ни транспорты, ни парки, ни даже малые команды: все было истребляемо партизанами.

Неприятель для фуражирования не смел ходить без пехоты и пушек; но и сие не остановило истребления фуражиров, которых нередко приводили целыми эскадронами. Жители, ободренные беспрерывно являвшимися партиями, служили им вернейшими провожатыми, доставляли обстоятельные известия, наконец сами взяли оружие и большими толпами присоединялись к партизанам.

Фигнер был основателем войны поселян, которая имела пагубные для неприятеля последствия...

«Изгнание Наполеона из Москвы». Сборник, стр. 92—93.

№ 18.— 1812 г. октября 24. Реляция М. И. Кутузова Александру I о патриотических подвигах крестьян Калужской и Московской губерний

Всемилостивейший государь!

С душевным удовольствием русского сердца всеподданнейшим долгом считаю донести вашему императорскому величеству о поведении крестьян Калужской и Московской губерний в бурное время неприятельского

в оных пребывания. Неприятель употребил все усилия, которыми можно обольстить другие народы, раздавал серебро с тем, чтобы привлечь их на свою сторону и тем сих мирных людей противупоставить правительству, но ничто не могло поколебать сих христолюбивых сердец и одушевленных любовию к высочайшему престолу. С мученическою твердостию переносили они все удары, сопряженные с нашествием неприятеля, скрывали в леса свои семейства и малолетних детей, а сами вооруженные искали поражения в мирных жилищах своих появляющимся хищникам. Нередко самые женщины хитрым образом уловляли сих злодеев и наказывали смертию их покушения и нередко вооруженные поселяне, присоединяясь к нашим партизанам, весьма им способствовали в истреблении врага, и можно без увеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами. Подвиги сии столь велики, многочисленны и восхитительны духу россиянина, что единственно торжественное изъявление высочайшего вашего императорского величества благоволения к сим губерниям может им воздать и возбудить подобное соревнование в жителях прочих наших губерний, что я всеподданнейше и испрашиваю.

Всемилостивейший государь, вашего императорского величества всеподданнейший князь Михайла Г[оленищев]-Кутузов.

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 2 (октябрь—декабрь 1812 г.). Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1955, стр. 202—203, № 194.

№ 19.— Декабрист И. Д. Якушкин о народном характере войны 1812 года

Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двунадесять языцы, если бы народ попрежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся

слова шедшего около меня солдата: «Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле...

«Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина», М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 7.

5. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

№ 20.— Из сообщения М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну о сражении при Тарутине

Село Тарутино.

...5-го числа октября в 7 часов пополудни армия наша из позиции при Тарутине разными колоннами выступила чрез реку Нару и в полночь колонны правого фланга достигли назначенных пунктов. На рассвете в 6 час. соединенно с колоннами левого фланга атаковали неприятеля, который в течение четырех часов времени был разбит и преследуем более 28 верст за село Вороново. При сем побито на месте более 2500 человек, между коими два генерала, в плен взято 2000 человек, 30 штаб- и обер-офицеров и ген[ерал] Мержье, почетный штандарт 1-го кирасирского полка, 36 пушек, 40 зарядных ящиков, весь обоз, между коими находился и обоз короля неаполитанского (Мюрата — *В. Ф.*). Наша же потеря едва ли превышает 200 человек убитыми и ранеными...

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 2, стр. 35.

№ 21.— Численность воинского ополчения, сформированного к концу сентября 1812 г.

Губернии	Численность ополченцев
Первый округ	
Московская	25 800
Т[верская]	13 300
Ярославская	11 112
Владимирская	15 086
Рязанская	15 918
Тульская	15 000
Калужская	15 000
Смоленская	12 143
Итого:	123 359

Губернии	Численность ополченцев
	Второй округ
Петербургская	13 405
Новгородская	10 522
	Итого: 23 927
	Третий округ
Костромская	11 000
Нижегородская	12 924
Казанская	3 300
Вятская	505
Симбирская	8 679
Пензенская	9 282
	Итого: 45 690
Всего по 3-м округам	192 976

См.: М. И. Богданович. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам, т. II. СПб., 1859, стр. 65—66.

№ 22.— [1812 г. декабрь.] Рапорт М. И. Кутузова Александру I с изложением хода военных действий со дня отступления армии в Тарутинский лагерь до изгнания из России наполеоновских войск

Позвольте, ваше императорское величество, в кратких словах объяснить ход военных действий со дня отступления Главной армии в Тарутинский лагерь по день изгнания неприятеля с земли русской.

При отступлении Главной армии в крепкую тарутинскую позицию поставил я себе за правило, видя приближающуюся зиму, избегать генерального сражения; напротив того, вести беспрестанную малую войну, а для того поставил я десять партизанов на ту ногу, чтобы

быть в состоянии отнять все способы у неприятеля, мыслящего в Москве найти в изобилии всякого рода продовольствие.

В течение шестинедельного отдыха Главной армии при Тарутине партизаны мои наводили страх и ужас неприятелю, отняв все способы продовольствия. Уже под Москвою должен был неприятель питаться лошадиным мясом.

Главная же армия, имея изобилие во всем, укомплектовалась людьми; кавалерия после тяжелого похода поправилась, и новые солдаты обучаемы были стрельбе.

6 октября Главная армия решительною атакою разбила совершенно неприятеля, в 50 000 состоящего. Сие то побудило неприятеля на отчаянные меры, имеющего в виду Боровскою дорогою пройти в Калугу, и естьли бы удалось ему разбить нас при Малом Ярославце, опрокинув нас за Оку, расположиться в богатейших губерниях наших на зимовые квартиры.

Быстрые фланговые движения, предупредившие неприятеля, наперед при Малом Ярославце, потом при Медыне, заставили его броситься на Можайскую дорогу, где, не имея заготовленного в достатке провианта и поражаемый день и ночь, бежал в виду нашей атаки. При городе Вязьме, настиженный сильным нашим авангардом и совершенно разбитый, бежал он к Смоленску. Быстрые наши фланговые движения, доставившие нам все способы продовольствия, подали нам случай отрезать все его депо новых войск, все ремонты лошадей и находящиеся в том крае магазейны.

Наконец Главная армия быстрым своим движением достигает город Красный, когда большие неприятельские корпуса находятся еще в Смоленске. В 5-е и 6-е числа ноября покрылась российская армия неувядаемою славою, ибо в сии дни понес неприятель сильнейшие удары в течение всей кампании. От Красного бежал он, можно сказать, не оглядываясь. Оставалось нам еще конечное его истребление и для того все армии стремились к Борисовскому пункту, куда и прибыли в желаемое время.

Главная неприятельская армия, соединенная с С[ен]-Сиром и Виктор[ом], представляла еще до 60 000 войска, но сия армия, можно сказать, 12-го, 13-го и 14-го чисел ноября находилась окруженная со всех сторон. Река Березина, представляющая натуральную преграду, господ-

ствуема была армиею адмирала Чичагова, ибо достаточно было занять посты при Зембине и Борисове (пространство 18 верст), чтобы воспретить всякой переход неприятелю. Армия гр[афа] Витгенштейна от Лепеля склонилась к Борисову и препятствовала неприятелю выйти с сей стороны.

Главной авангард армии, корпус гр[афа] Платова и партизаны мои теснили неприятеля с тылу тогда, как Главная армия шла в направлении между Борисовым и м[естечком] Березиной с тем, чтобы воспрепятствовать неприятелю, если бы он восхотел итти на Игумен.

Из сего положения наших армий в отношении к неприятельской должно бы полагать неминуемую гибель неприятельскую. Незанятой пост при Зембине и пустой марш армии адмирала Чичагова к Зашкевичам подали неприятелю удобность перейти при Студенке под прикрытием корпуса Удино и направиться на Зембинскую дефилею.

Если бы гр[аф] Витгенштейн, как ваше импера[торское] вели[чество] полагаете, перешел бы на правой берег Березины, чтобы воспрепятствовать соединению с Чичаговым неприятелю переход чрез оную, тогда бы неприятелю два удобных случая представились. Первой, маскируя свое движение, показывая желание перейти в виду Витгенштейна и Чичагова, потянулся бы он на Лепель и Пышну и, переправляясь выше Березины, соединился бы с баварским корпусом Вреде и, наконец, с Макдональдом. Второй, легко бы мог он, обратясь на одну первую армию, превосходством своих сил разбить оную и тогда бы все плоды предыдущих успешных действий затмились бы сею неудачею.

И для того осмеливаюсь доложить ваш[ему] им[ператорскому] вели[честву], что хотя и удалось Наполеону перейти в виду армии Чичагова, но последствия для него не могли быть пагубнее, как оные оказались, ибо две армии угрожали беспрестанно его флангам, когда третья шла по следам его, и таким образом в течение двух месяцев неприятель, преследуемый и беспрестанно поражаемый на пространстве 1000 верст, едва ли с десятою частью оставил землю русскую, потеряв более 800 пушек, около 150 000 пленных, более 40 генералов, много знамен и штандартов.

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 2, стр. 554—556, № 564.

№ 23.— 1812 г. сентября 20. Сообщение М. И. Кутузова П. Х. Витгенштейну об общей обстановке и решении вести «малую войну»

Село Богородицкое

После оставления Москвы армия взяла первоначальное направление свое по Владимирской и Рязанской дорогам, дабы сим движением прикрыть оставивших город жителей. Отошед 25 верст, перешла она фланговыми маршами на Старую Калужскую дорогу, чем, переменив направление, прикрыла совершенно свою операционную линию, ведущую от Москвы на Калугу. В 30 верстах от Москвы находилась армия десять дней. Неприятель ничего не предпринимал важного противу нас. Напротив того, наши партии беспрестанно его беспокоят, и в течение сего времени взяли они в плен более 5000 человек.

Поелику ныне осеннее время наступает, чрез что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля.

После славного сражения при Бородине неприятель столько потерпел, что и доселе исправиться не может и потому ничего противу нас не предпринимает. Корпус генерала Милорадовича находится впереди армии и имеет перед собою неаполитанского короля с большею частию кавалерии французской и тремя дивизиями пехоты...

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 1, стр. 327—328, № 425.

№ 24.— [1812 г. сентября 23.] «Переговор между князем Кутузовым-Смоленским и французским генералом Лористоном в лагере при Тарутине» (из англ. листков)

Князь Кутузов принял Лористона в присутствии своих генералов. Сей француз начал речь свою тем, что он прислан предложить перемирие и просить князя о поставлении к государю императору от Бонапарта письма, в котором, как говорил Лористон, содержатся мирные предложения, долженствующие прекратить ужасное кровопролитие, отчаянием и варварством произведенное.

Князь отвечал, что ему не дано полномочия слушать предложения ни о перемирии, ни о мире, что он не примет никакого письма к его императорскому величеству, долгом своим почитая объявить, что российская армия имеет на своей стороне многие важные выгоды, которых отнюдь не должно терять согласием на перемирие.

Лористон сделал замечание, что надобно же наконец прекратиться войне и что ей не вечно продолжаться, а особливо столь варварским образом.

Князь отвечал — варварство началось в войне... французской революции и от Бонапарта, который довел его до высочайшей степени. Без сомнения, война продолжаться вечно не может, однакож и о мире думать не можно до тех пор, когда будут французы находиться по сию сторону Вислы. Не Россия начала войну сию: если б мой государь император повелел сделать нападение на магазейны и войска, в Польше находящиеся, то даже за Вислою были бы истреблены все приготовления Бонапарта прежде еще, нежели он успел бы совершенно ополчиться; но его императорскому величеству благоугодно было никак не нарушать спокойствия, не начинать войны и хранить мир постоянно. Бонапарт, не объявляя войны, вторгся в Россию и разорил большую полосу земли в нашем отечестве; увидим теперь, как он выйдет из Москвы, в которую пожаловал без приглашения, теперь долг повелевает нам наносить ему вред всевозможнейший. Он объявляет, будто вступлением в Москву поход окончился, а русские говорят, что война еще только начинается. Ежели он этого не ведает, то скоро узнает на самом деле.

— А когда нет надежды к заключению мира,—сказал Лористон,— так станем действовать; но чрез то

опять начнется пролитие крови храбрых воинов, которые везде сражались геройски и которых целые армии подходят со всех сторон.

Князь. Еще раз повторяю: вы можете брать всевозможные меры к обратному выступлению, а мы постараемся предупредить вас. Впрочем уже недалеко то время, в которое мы начнем провожать вас.— Не имеете ли предложить еще что-нибудь?

Лористон начал жаловаться на ожесточение, произведенное в народе с намерением уничтожить всю надежду на восстановление мира; говорил, что несправедливо обвиняют французов в опустошении и сожжении столицы, тогда как сами же московские жители были виновниками сего бедствия.

Князь сказал в ответ, что он в первый раз в жизни слышит жалобы на горячую любовь целого народа к своему отечеству, народа, защищающего свою родину от такого неприятеля, который нападением своим подал необходимую причину к ужаснейшему ожесточению и что такой народ по всей справедливости достоин похвалы и удивления.

А касательно сожжения Москвы князь прибавил: «Я уже давно живу на свете, приобрел много опытности воинской и пользуюсь доверением русской нации; и так не удивляйтесь, что ежедневно и ежечасно получаю достоверные сведения обо всем, в Москве происходящем. Я сам приказал истребить некоторые магазейны, и русские по вступлении французов истребили только запасы екипажей, приметивши, что французы хотят их разделить между собою для собственной забавы. От жителей было очень мало пожаров: напротив того французы выжгли столицу по обдуманному плану; определяли дни для зажигательства и назначали кварталы по очереди, когда именно какому надлежало истребиться пламенем. Я имею обо всем весьма точные известия. Вот доказательства, что не жители опустошили столицу: прочные дома и здания, которых не можно истребить пламенем, разрушаемы были посредством пушечных выстрелов. Будьте уверены, что мы постараемся заплатить вам». И разговор кончился...

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. I, стр. 472—473.

№ 25.— 1813 г. февраля 9. Рапорт М. И. Кутузова Александру I о сражении при Малоярославце 12 октября 1812 г.

Местечко Конин

После победы, одержанной 6 октября при реке Чернышне над армиею короля неаполитанского, отступившего к селу Воронову, генерал-майор Дорохов, находившейся пред сим на Боровской дороге, открыл неприятельской корпус при селе Фоминском под командою генерала Брусье.

Опасаясь всегда, чтобы неприятель главными своими силами не овладел бы сею дорогою, которая лишила бы армию всех ее коммуникаций с хлебороднейшими провинциями, нашел я за нужное отрядить 6-й корпус с генералом от инфантерии Дохтуровым на Калужскую Боровскую дорогу к стороне села Фоминского. Вскоре после сего партизан полковник Сеславин действительно открыл движение Наполеона, стремящегося со всеми его силами по сей дороге к Боровску. Сие то побудило меня, не теряя времени, 15 числа октября пополудни со всею армиею выступить и сделать форсированный фланговый марш к Малоярославцу. Генерал Дохтуров, соединенно с отрядом генерал-майора Дорохова, прикрывая движение армии, наблюдали за движением неприятеля, который превосходством сил своих очистил себе путь к Малоярославцу. В ночь с 11 на 12 число генерал Дохтуров, полагая прежде неприятеля прибыть к сему городу, нашел уже оный занятым неприятельским авангардом, вслед за которым в недальнем уже расстоянии приближалась и вся его армия. Желая не дать неприятелю усилиться в сем городе, приказал немедленно 33-му и 6-му егерским полкам атаковать неприятеля, который был вытеснен. На рассвете сильные его колонны, перейдя реку при самом городе, повели атаку, отчего произошло упорнейшее с обеих сторон сражение, продолжившееся до полудни. Генерал Дохтуров, долженствовавший выдержать атаки гораздо превосходнейшего неприятеля, стал ослабевать в силах, и сражение начинало клониться в пользу неприятеля, но подоспевший 7-й корпус под командою генерал-лейтенанта Раевского восстановил бой, и неприятель в пятый раз потерял город, пятый раз им завладенный. Такое сильное пораже-

ние неприятеля нимало его не остановило. Свежие колонны являются на переправу, очищаемую нашими батареями. Смерть находят они в рядах своих, и не взирая на то, неприятельские колонны входят в город, который служит до вечера местом сражения наижесточайшего ручного боя. Но дабы иметь совершенный успех, 8-й корпус и 3-я пехотная дивизия, посланные на подкрепление, поражают и вытесняют совершенно усилившегося неприятеля, который после всех напряжений должен был уступить мужеству и храбрости войск вашего императорского величества.

Сей день есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собою пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции. Неприятель, пожертвовав в сей день всею итальянскою своею гвардиею, в ночь с 12 на 13 число совершил свое отступление к Боровску и Верее, отрядя летучий корпус к городу Медыню, который также был разбит нашими войсками. Неприятель в оба дни потерял 16 орудий.

Командовавший при Малоярославце войсками и наиболее участвовавший генерал от инфантерии Дохтуров представил ко мне список об отличившихся храбростию и мужеством. Я поставил себе обязанностью объявить награды по высочайше возложенной на меня власти и испросить по одному списку монаршего утверждения, о прочих же подношу два списка на всемилостивейшее вашего императорского величества благосоизволение.

Фельдмаршал князь *К*[*утузов*]-*Смоленский*.

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 2, стр. 109—110, № 100.

№ 26.— Цезарь Ложье[1] об отступлении французской армии

... Мы проходим по местности, совершенно опустошенной верст на пятнадцать, на двадцать по обе стороны дороги, по которой уже прошли две многочисленные армии, не считая всех отрядов, за ними следовавших. Таким образом, солдат должен значительно углубиться

[1] *Цезарь Ложье* — офицер итальянской королевской гвардии, участник похода в Россию в 1812 г.

в сторону, если хочет отыскать какое-либо пропитание для себя и для своих лошадей.

Слева русская армия; справа многочисленные сотни казаков; всюду вооруженные крестьяне местных деревень. Конечно, отряды регулярных войск легко бы справились с этими последними, но быстрота движения, опасность отделить еще людей от и без того уже слишком уменьшившихся корпусов, невозможность остановиться, страх быть обойденными русскими, заставляет армию довольствоваться тем, что они находят на дороге. Увы, на их долю приходится только мясо лошадей, павших от голода, усталости и истощения...

Ц. Ложье. Дневник офицера великой армии в 1812 году. Пер. с франц. М., 1912 г., стр. 236—237.

№ 27.— 1812 г. декабря 21. Приказ М. И. Кутузова по армиям в связи с окончанием Отечественной войны

Вильно

Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед. Два месяца сряду рука ваша каждодневно карала злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских. Тысячи падали разом и погибали. Тако всемогущий бог изъявлял на них гнев свой и поборил своему народу.

Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница вышнего праведно отметила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жи-

телем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружались противу России. Непременная воля всемилостивейшего государя нашего есть, чтобы спокойствие жителей не было нарушаемо и имущества их остались неприкосновенными. Объявляя о том, обнадежен [я], что священная воля сия будет выполнена каждым солдатом в полной мере. Никто из них да не отважится забыть ее, а г.г. корпусных и дивизионных командиров именем его императорского величества вызываю в особенности иметь за сим строгое и неослабное наблюдение.

Подлинный подписал: главнокомандующий всеми армиями генерал-фельдмаршал князь *Голенищев-Кутузов-Смоленский*

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 2, стр. 633—634, № 643.

№ 28.— Денис Давыдов о причинах гибели французской армии

...Итак, во все время шествия французской армии от Москвы до Березины, то есть в течение *двадцати шести дней,* стужа, хотя и не чрезвычайная (от двенадцати до семнадцати градусов), продолжалась не более *трех* суток, по словам Шамбре, Жомини и Наполеона, или *пяти* суток, по словам Гурго.

Между тем французская армия при выступлении своем из Москвы состояла, по списку французского главного штаба, отбитому нами во время преследования, из ста десяти тысяч человек свежего войска, а по словам всех историков кампании, представляла только сорок пять тысяч по прибытии своем к берегам Березины. Как же подумать, чтобы *стодесятитысячная* армия могла лишиться *шестидесяти пяти тысяч* человек единственно от *трех-* или *пятисуточных* морозов, тогда как гораздо сильнейшие морозы в 1795 году в Голландии, в 1807 году во время Эйлавской кампании, продолжавшиеся около двух месяцев сряду, и в 1808 году в Испа-

нии среди Кастильских гор, в течение всей зимней кампании, скользили, так сказать, по поверхности французской армии, не проникая в средину ее, и отстали от ней, не разрушив ни ее единства, ни устройства?

Все это приводит нас к тому уверению, что не стужа, а другое обстоятельство — причиною разрушения гигантского ополчения.

Читая представленные мною выписки, можно ясно видеть согласие всех историков кампании насчет причин события. Они полагают, что эти причины состоят: *во-первых*, в голоде, претерпенном французской армиею; *во-вторых*, в беспрерывных усиленных переходах, и *в-третьих*, в кочевье под открытым небом.

Соглашаясь отчасти с ними, я предлагаю вопрос: что обыкновенно производит голод в армиях? Действование или шествие армии по безлюдному или опустошенному краю без обозов, наполненных съестными припасами, или, как технически их называют, без подвижных магазинов?

Казалось, что это двойное несчастие не должно было угрожать французской армии, потому что при выступлении ее из Москвы она, по словам самого Наполеона, несла на себе и везла с собою на двадцать дней провианта. Сверх того, как всем известно, она имела намерение и напрягала все усилия, чтобы, прибыв прежде нас чрез Малоярославец в Калугу, идти оттуда на Юхнов и Рославль к Днепру, по краю невредимому и изобилующему съестными припасами и быть преследуемой нашею армиею с тылу, а не *сбоку*, как это случилось.

Таким образом, французская армия никогда бы не имела недостатка в пище; переходы ее могли бы быть производимы без поспешности, потому что никто не угрожал бы пресечением пути ее отступления, и производимы под прикрытием сильного арьергарда, которого войска сменялись бы чрез каждые несколько дней свежими войсками; она была бы в возможности беспрепятственно располагать на квартиры если не все свои корпуса, то, по крайней мере, большую часть их, что доставило бы покой ее войскам на ночлегах и укрыло бы их от стужи. Малого недоставало, чтобы не удалось это предприятие. Уже снабженная, как я выше сказал, на *двадцать дней* провиантом, обогнув потаенно оконечность левого фланга нашей армии, занимавшей тарутинскую позицию, французская армия почти касалась до

той точки, от которой можно было ей отступать в довольствии всего и никем не тревожимой. Вдруг партизан Сеславин выхватывает солдата из колонн главной французской армии, дает о том знать Ермолову, находившемуся с корпусом Дохтурова в Аристове; тот немедленно извещает Кутузова и сам спешит занять Малоярославец до его прибытия; Кутузов с своей армиею летит от Тарутина туда же и заслоняет Наполеону Калужский путь, отбивает его от изобильного края, по которому он намеревался следовать, и принуждает его предпринять отступление по пути опустошенному. Еще при французской армии находилось на *двадцать дней* пищи, но и это вспомогательное средство вскоре исчезает. Кутузов бросает вслед за нею всю свою легкую конницу, и в трое суток не остается у неприятеля ни одной подводы с провиантом. Наконец представляется последний способ к прокормлению этой армии: в некотором расстоянии от опустошенного пути, по которому прошла она летом, находились еще деревни, не совершенно ограбленные; они могли бы снабдить ее хоть малым количеством пищи. Но и на фуражирование в этих деревнях нельзя было ей решиться с тех пор, как многочисленная, легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмеливалось отделяться на один шаг от большой дороги. И вот французская армия идет по опустошенному пути, без обозов, наполненных пищею, и не смеет посылать фуражиров в придорожные деревни. Что же этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутине, заслонение Калужской дороги при Малоярославце, отстранение неприятельской армии от края, изобилующего съестными припасами, принуждение его идти по Смоленскому разоренному пути, взятие нашей легкою конницею неприятельских обозов с пищею, окружение ею французских колонн от Малоярославца до Немана, не дозволившее ни одному солдату отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи и приюта.

В таком положении Наполеону необходимо было спешить к магазинам своим в Литве; но как спешить с войском, у которого нечем подкрепить себя после каждого перехода и которое, следственно, становится с каждым днем неспособнее к физическим усилиям? Как было, между тем, и медлить для отдохновения или делать короткие переходы? Отдохновения, как бы ни про-

должительны, переходы, как бы коротки ни были, а все же не в состоянии без пищи подкреплять сами собою человека голодного! К тому ж и вот где сказывается превосходство фланговсго марша Кутузова: чем продолжительнее были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чем переходы были бы короче, словом, чем медленнее происходило бы движение до Литвы, тем Кутузов, следуя с своею армиею параллельно французской армии по краю изобильному и никем еще неприкосновенному, по которому вначале намеревался следовать Наполеон, более и более опережал бы его, угрожая бы заслонением единственного пути отступления — по Смоленской дороге. Итак, беспрерывные переходы, которые, по словам иностранных писателей, были, не менее голода, причиною гибели французов, произошли от той же причины, от которой и голод, с прибавлением к ней еще флангового марша Кутузова, грозившего заслонить им путь отступления. Что касается до кочевий под открытым небом, то и они — следствие общей причины, произведшей и голод и беспрерывные переходы: путь, по которому, против воли своей, долженствовала следовать французская армия, разоренный отчасти русскими войсками во время нашего отступления летом и окончательно опустошенный неприятелем, нас преследовавшим, не представлял ни избы, ни сарая для приюта; а беспрерывный надзор и наезды легкой конницы нашей и поспешность, необходимая для достижения края, более изобилующего съестными припасами, не позволяли французам ни отделять малые части войск за черту большой дороги для отыскания себе приюта, ни отстранять большой громады войск от прямого пути, чтоб не увеличить окружными путями расстояния, отделяющего армию от избранной ею меты.

Словом, подведя к одному знаменателю все три причины гибели французской армии, мы видим, что гибель произошла, как я выше сказал, из отстранения неприятельских сил Кутузовым от изобильного края, по которому хотели они следовать; от обращения их на путь опустошенный; от успешного действия легкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы с пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться с большой дороги для отыскания пищи и убежища; наконец, от флангового марша нашей армии, который угрожал Наполеону пресечением единственного пути отступления.

Но неужели можно ограничить гибель французской армии этими причинами? Если б было так, то ни одно ружье, ни одна пушка в русской армии не закоптились бы порохом; ни одна сабля, ни одна пика не облились бы кровью неприятельской,— а мы помним кровопролитные битвы под Тарутиным 6 октября, под Малоярославцем 12 октября и под Красным 5 и 6 ноября; я не говорю уже о каждодневных сшибках неприятеля с отдельными отрядами и даже с корпусами нашими...

Доказано уже, что в течение *двадцати шести* дней, составляющих первую эпоху, мороз от двенадцати до семнадцати градусов продолжался не более *трех* или *пяти* суток, а во второй — мороз достиг от двадцати до двадцати пяти градусов и продолжался *двадцать два дня,* почти беспрерывно.

Так, в первой эпохе влияние холода было весьма слабо на неприятельскую армию; во второй — истинно для нее губительно.

Но дело в том, что уже в конце первой эпохи, то есть уже у берегов Березины, армии не существовало: я говорю об армии в смысле военном, об армии, вооруженной, устроенной, твердой чинопослушанием и, следственно, способной к стройным движениям и битвам. Единая часть ее, еще находившаяся в этом положении, состояла из корпусов Удино̀ и Викто́ра, пришедших от Полоцка, совершивших свой переход в одно время с главною армиею, которая бежала от Москвы к Березине подобно ей, перенесших *трех-* или *пятисуточный* мороз и нимало не потерявших от этого ни своего устройства, ни числительной силы, потому что причины, разрушившие и устройство и числительную силу главной армии, не существовали при отступлении корпусов Удино̀ и Викто́ра. Когда подошла вторая эпоха, то есть когда все эти войска перешли за Березину и настала *смертоносная стужа*, тогда, как я сказал, армии, в смысле военном, уже не существовало, и ужасное явление природы губило уже не армию, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, *толпы людей,* скитавшихся без начальства, без послушания, без устройства, даже без оружия; или губило армию, приведенную в такое положение не стужею и морозами, а причинами, которые здесь представлены...

Денис Давыдов. Сочинения. М., 1962, стр. 418—428.

6. ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ В 1813—1814 ГГ.

№ 29.— Сведения о численности русских и французских войск в январе 1812 г.

Силы российских войск

Корпус графа Витгенштейна	33 000
Из Рижского гарнизона с присоединением к оному некоторой части морского экипажа вооруженных	12 000
Главная армия, в том числе и все казачьи полки	40 000
Армия генерала Чичагова	20 000
Корпус Дохтурова	14 000
„ Сакена	12 000
„ Эссена, который не прежде 16 генваря может быть в Белом-стоке	10 000
Всего	141 000

Неприятельские силы

Макдональд соединенно с генералом Легранж	24 000
Ожеро	18 000
Остатки Главной армии и корпусов Удино, Виктора, Вреде и Луазона	20 000
Шварценберх, Ренье и некоторые новоприбывшие польские войски	38 000
Гарнизоны, оставшиеся в Праге, Модлине, Сироцке, Торне и Данциге	8 000
Войски нового набора в герцогстве Варшавском	16 000
Всего	124 000

«М. И. Кутузов». Сб. документов, т. V. Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1956, стр. 126—127, № 140.

№ 30.— Рапорт командующего 1-м отдельным корпусом П. Х. Витгенштейна М. И. Кутузову о дружеской встрече русских войск жителями Кенигсберга

12 января 1813 г.

На повеление вашей светлости от 28 сего декабря... честь имею донести, что при занятии нами Кенигсберга, как и вообще всех прусских городов, по получении прокламации приняты мы жителями чрезвычайно хорошо, не токмо как друзьями, но как избавителями их от ига французов; а по весьма хорошему поведению вверенных мне войск с жителями получают оные во всем продовольствие как нельзя желать лучше.

По приезде моем в Кенигсберг встречен был я как правительством, так и всем народом с превеликою радостию, везде в домах и улицах безумолчно раздавался крик и восклицание: «Да здравствует Александр наш спаситель!» Во все вечера город весь был иллюминован, в театре и собраниях повторялись те же самые восклицания...

«Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сб. документов. М., «Наука» 1964, стр. 19—20, № 21.

№ 31.— Калишский союзный договор России с Пруссией

15/27 февраля 1813 г.

Статья I. С?дня подписания настоящего договора будет мир, дружба и союз между его величеством прусским королем и его величеством императором всероссийским, их наследниками и преемниками, их государствами и обоюдными подданными, на вечные времена.

Статья II. Между Россией и Пруссией заключается наступательный и оборонительный союз на время происходящей ныне в?йны. Его ближайшая цель вновь устроить Пруссию в таких границах, которые обеспечивали бы спокойствие обоих государств и служили бы ему гарантиями. Так как сия двоякая задача не может быть разрешена, пока военные силы Франции занимают

позиции или укрепления на севере Германии, равным образом, пока держава эта будет там иметь какое-нибудь влияние, то главные военные действия будут обращены прежде всего на этот существенный пункт.

Статья III. Впоследствие предыдущей статьи, обе высокодоговаривающиеся стороны согласились взаимно оказывать друг другу вспоможение всеми средствами, какие провидение вручило в их распоряжение; но чтобы определить точнее те силы, которые будут немедленно введены в действие, его величество император всероссийский обязуется выставить в поле 150 тыс. человек, и его величество король прусский по меньшей мере 80 тыс. чел., не считая крепостных гарнизонов, с тем, однако, что его величество прусский король обещает с чистосердечием, его отличающим, увеличить это число, насколько позволят обстоятельства и его средства всякого рода, со включением организации народного ополчения, ибо прямые результаты, на которые он должен надеяться, могут последовать только из общих усилий.

Статья IV. Основания для плана кампании будут определены по соглашению немедленно, а насчет военных операций будут сообща уславливаться постоянно. Для сей цели его величество король прусский назначит штаб-офицера, который имеет состоять при Главной квартире его величества императора всероссийского и получит необходимые полномочия, чтобы без потери времени приводить в исполнение те движения, о коих последует решение.

Статья V. Все части прусских войск, коими возможно располагать, приступят к совместным действиям с военными силами его величества императора всероссийского, начиная со дня ратификации настоящего договора.

Статья VI. Так как начала, соединившие обе высокодоговаривающиеся стороны, имеют своим основанием единство действий и намерений, то его величество король прусский и его величество император всероссийский взаимно обязываются отнюдь не входить в отдельные переговоры с неприятелем, не заключать ни мира, ни перемирия, ни какой-либо конвенции иначе, как с общего согласия.

Статья VII. Его величество король прусский и его величество император всероссийский будут взаимно

и доверенно сообщать друг другу обо всем, что касается их политики, и в особенности приложат все свои старания к тому, чтобы склонить венский двор присоединиться возможно скорее к их делу.

Статья VIII. Его величество император всероссийский обещает оказать сильнейшую поддержку всем попыткам, которые сделает его величество король прусский в Англии, чтобы вступить в союз с этою державою и получить от нее оружие, военные припасы и денежное вспоможение.

Статья IX. По заключении настоящего договора будет приступлено к определению, на основании отдельной конвенции, торговых сношений между обоими государствами; таковые будут устроены согласно с началами союза, восстановленного между высокими договаривающимися сторонами.

Статья X. Равным образом будет заключена отдельная конвенция для определения всего, что может представиться необходимым в отношении маршей и продовольствования армий его величества императора всероссийского во время пребывания оных во владениях его величества прусского короля.

Статья XI. Вышеизложенные статьи будут содержимы в тайне в продолжение двух месяцев, но могут быть немедленно сообщены Австрии, Англии и Швеции.

«Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сб. документов, стр. 81—83, № 81.

№ 32.— Журнал «Das neue Deutschland» о радостной встрече русских войск жителями Берлина

апрель 1813 г.

... С утра до 3 час. дня в город непрерывно вступали русские войска: казаки, легкая кавалерия, пехота и артиллерия, всего от 12 до 13 тыс. чел., принадлежащие к армии Витгенштейна и корпусу князя Репнина. Кавалерией командовал генерал Чернышев. Из них две трети стали преследовать французов, а остальные расположились в Люстгартене, на Дворцовой площади и Унтер-ден-Линден. Многие казаки рыскали по городу и выискивали тех французов, которые еще попрятались и хотели быть дезертирами «великой» французской

армии. Было собрано более 200 чел. и из воды вытащили на следующий день несколько ружей; конечно, туда побросали их миролюбиво настроенные французы. В здешнем французском лазарете оказалось 1600 больных.

С утра на Дворцовой площади были поставлены телеги, наполненные хлебом, селедкой и водкой. Каждый русский мог там попотчеваться. Но еще больше продовольствия, чем было выставлено на площади, роздали русским сами жители. Каждый делился с ними едой, питьем и сердцем. «Русс, прусс, — братья!» — говорили казаки, и многие из них прикололи себе прусские кокарды.

Как много сердечных рукопожатий и объятий, как много слез самой искренней радости, как много восклицаний: «Слава богу, мы снова свободны!» Ничего подобного уже целый век не было в Берлине! Хрупкие женщины целовали бородатых казаков и лихо прикладывались к фляжкам с простой водкой, которые им подносились в ответ. Разве кто мог в чем-либо отказать людям, которые отвоевали для нас Отечество и готовы были в дальнейшем жертвовать ради нас своей жизнью. Во многих окнах развевались белые платки и повсюду раздавалось тысячекратное «ура». Достаточно было дел у русских офицеров, которые должны были ежеминутно салютовать народу, охваченному бурной радостью. Солдаты и казаки также были очень довольны тем, что они так много сделали для блага другого народа.

Русские воины и жители Берлина настолько тесно сблизились, как будто они были знакомы друг с другом уже долгие годы. Никто из жандармов не пытался, как это было в обыкновении при французах, держать в страхе горожан и заранее предписывать им их образ действий. Вечером весь город был иллюминован, хотя об этом не было никаких распоряжений ни со стороны русских, ни со стороны полиции.

Генерал Чернышев издал объявление о том, что после стычек с французами спокойствие в городе в дальнейшем не будет нарушаться. Одновременно он объявил, что майор граф Пушкин назначен местным комендантом. Объявление Чернышева по русскому обычаю было датировано старым и новым стилем, т. е. 20 февраля (4 марта). Это случайно напомнило о 20 фев-

раля, когда здесь впервые показались казаки. Управление взял на себя временно князь Репнин.

Ни один русский не был в этот день поставлен на постой. Все, кто не преследовал французов, остались ночью под открытым небом. Но жители послали им обильный горячий ужин.

Так закончился для Берлина этот столь достопамятный день 4 марта, и пожалуй каждый честный житель более спокойно лег спать, чем в предыдущую ночь, хотя и тогда ворота города были хорошо закрыты. Тысячи берлинцев и миллионы людей вне Берлина долгие годы со вздохом жаловались: «До каких-либо перемен нам не дожить!» Однако перемены последовали, более неожиданные, чем думали.

«Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сб. документов, стр. 92—93, № 91.

№ 33.— 1813 г. октября 9/21. Известия Главной квартиры русской действующей армии о битве при Лейпциге

После 1 октября гр[аф] Витгенштейн, составлявший наш авангард, с корпусом своим и с корпусами генералов Клейста и Кленау, следуя по направлению из Борны в Лейпциг, теснил 4 корпуса неприятельские: Виктора, Лористона, Понятовского и Ожеро, бывшие под командою короля неаполитанского; 3-го числа наш авангард был расположен впереди Рёты, имея ежедневно блистательные дела с неприятельским ариергардом.

Вследствие движения армии Блюхера и наследного принца шведского вправо Наполеон бросился с несколькими корпусами к Виттенбергу и угрожал, как можно было предвидеть, двумя корпусами, кои он переправил на правый берег Эльбы, пресечением сообщения сих армий с Берлином, вероятно, более с тем намерением, чтоб принудить оные перейти обратно чрез Эльбу, нежели с решительным предположением следовать на Берлин. Быстрота движений Большой армии принудила его возвратиться к Лейпцигу, дабы воспрепятствовать истреблению армии короля неаполитанского.

Французский курьер, перехваченный с повелениями маршалу Мармонту, удостоверил, что Наполеон, не

нашед ни Блюхера, ни наследного принца шведского по направлению до Дессау, полагал, что достиг своего желания и избавился [от] сих двух теснивших его армий.

Для воспрепятствования, чтобы Наполеон, приметя свою ошибку при возвращении чрез Дюбен к Лейпцигу, не напал с превосходными силами на Блюхера или наследного принца шведского, решено было атаковать 4-го числа с Главною армиею все находившиеся против нее неприятельские силы, между тем пока Блюхер из Галле, наследный принц из Ландсберга, а генерал Беннигсен из Носсена станут подходить каждый с своей стороны к Лейпцигу. Генерал Гиулай с своим корпусом, заняв Наумбург, следовал к Люцену, дабы встретить неприятеля, буде бы он вознамерился отступить к Эрфурту, и сколько можно останавливать его движения. Таковы были наши распоряжения.

3-го числа Главная армия выступила из окрестностей Алтенбурга к Пегау, чтоб иметь возможность при отступлении неприятеля обратиться поспешно на Вейсенфельс и ударить ему во фланг, а в противном случае продолжать следование на Рёту и произвесть в действие нападение.

Удостоверясь известиями, что Наполеон сам прибыл с корпусами Мармонта и гвардиями, атака началась 4-го числа в 10 часов утра.

Намерение состояло только в том, чтоб, заняв на целый день внимание неприятеля, доставить способ генералу Блюхеру поражать все, пред ним бывшее, а наследному принцу шведскому и генералу Беннигсену дать время подоспеть к следующему утру. Все исполнилось по нашему желанию. Деревни Вахау и Либерволковиц переходили из рук в руки. На многих пунктах кавалерия отлично действовала, и наша артиллерия наносила чрезвычайный вред неприятелю. В одной из кавалерийских атак генерал Шевич убит ядром. Лейб-казаки, бывшие в эскорте его императорского величества, под начальством графа Орлова особенно отличились; но нет возможности описать неустрашимости нашей пехоты, которая, несколько раз быв окружаема неприятельскою конницею, не расстроивалась ни на минуту. Сражение продолжалось во весь день, и успех оного состоял в том что пехотные колонны левого нашего крыла, подкрепляемые частию нашей гвардии, отбили 8 пушек и заняли выгодную позицию на правом крыле неприятель-

ском. Ночь прекратила подвиги войск наших. Между тем генерал Блюхер, приближаясь из Галле чрез Шкейдиц, опрокинул маршала Мармонта, прогнал его за р. Парту и взял 30 орудий.

В следующий день, 5 числа, генералу Беннигсену надлежало подоспеть в половине дня чрез Гримму на правое наше крыло у Наунгофа. В два часа пополудни атака должна была возобновиться на сем пункте, и до того времени Главной армии следовало оставаться в боевом порядке в виду неприятеля на случай нападения, которого, однако же, он предпринять не осмелился, и целый день ни одного пушечного выстрела не было произведено ни с которой стороны, хотя армии стояли весьма близко одна против другой. Дурные дороги были причиною, что генерал Беннигсен не мог прийти ранее вечера. Почему атака и была отложена до следующего дня.

Генерал Блюхер в течение того дня приготовил переправу чрез Парту, и кавалерия его под начальством генерала Васильчикова имела отличное дело, в котором взято у неприятеля 4 пушки.

Авангард наследного шведского принца имел также выгодное сражение; к вечеру и сам он прибыл к Таухе, между правым крылом генерала Беннигсена и левым генерала Блюхера.

Промедление целых суток без атаки с нашей стороны было благодеянием промысла божия, ибо сим самым на 6 число все силы наши весьма удачно соединились. Неприятель стал полукружием пред Лейпцигом, опираясь флангами на Эльстер.

С начала мира никогда столько войск на одном месте не сражалось. Не прибавляя ничего, можно сказать, что в сем деле находилось до 550 тыс. чел. и более 2 тысяч орудий. Превосходство сил было с нашей стороны.

С наступлением дня атака началась вдруг всеми армиями нашими. Неприятель, быв везде опрокинут и тесним к Лейпцигу, не мог держаться ни в одной из своих позиций и терял на каждом шагу артиллерию. Все наши армии взяли направление к одному центру, каковым был Лейпциг, и на каждом шагу силы их увеличивались по мере стеснения составляемого ими круга. Гренадерские и гвардейские резервы не были даже в огне. Словом, подобного сражения никогда не случалось. Ни один баталион ни на шаг не отступал. Одне

только деревни Пробстгайда и Стрекниц, к коим приближались мы около вечера, несколько останавливали нас своими изгородями, за коими неприятельские стрелки находили для себя выгодную защиту, производя по нас сильный огонь. Каждая наша армия соревновала другой в славе, и восхитительно было смотреть на целые ряды храбрых, стремившихся пожинать лавры бессмертия. Сам бог управлял нами, и все споспешествовало знаменитейшему успеху.

Целые бригады войск виртембергских, саксонских, баденских и вестфальских с их генералами и офицерами и артиллериею передавались нам во время сражения.

Саксонцы в то же время вступили за нас в бой с удивительною храбростию.

Таковы были успехи сего навеки достопамятного дня.

Глубокая ночь прекратила битву.

На утро 7-го числа неприятель показывался только в предместиях. Атака возобновилась со всех сторон, и менее, нежели в два часа, город был взят. Четыре армии наши: Блюхера, наследного принца шведского, Беннигсена и главная Богемская, сошлись головами на площади Лейпцигской. Мгновение сие было единственное. Никогда подобного торжества не существовало, и подобного зрелища более одного раза в жизни видеть не возможно. Удивительно, сколько неприятель потерял багажу, повозок и артиллерии. Орудий взято до 300, и находят еще зарытые. Число пленных вместе с ранеными, которых неприятель оставил, простирается до 37 тыс. Список генералам, прилагаемый при сем, неполон потому, что некоторые раненые находятся в домах. Неприятель, найдя дорогу к Наумбургу занятою, не мог продолжать ретирады далее Вейсенфельса, где и перешел ночью с 7 на 8 число р. Сале. Генерал Блюхер преследует его по пятам и переправился за ним чрез Сале. Наследный принц шведский с генералом Беннигсеном взяли направление на Мерзебург, чтоб быть у неприятеля на левом фланге, а Главная армия следует чрез Пегау к Наумбургу, дабы действовать на правое его крыло.

При вступлении в Лейпциг получено известие о занятии Бремена генералом Теттенборном.

«Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сб. документов, стр. 336—338, № 289.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс и Ф. Энгельс. Барклай-де-Толли. Соч., изд. 2, т. 14, стр. 92—94.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Беннигсен. Там же, стр. 113—116.

Ф. Энгельс. Бородино. Там же, стр. 256—261.

В. И. Ленин. О брошюре Юниуса. Полн. собр. соч., т. 30.

* * *

Барклай-де-Толли М. Б. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912.

«Бородино (1812—1962)». Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Смоленск, 1946.

Денис Давыдов. Сочинения. М., 1962.

Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882.

Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова. Материалы для истории войны 1812 года. М., 1863.

«Изгнание Наполеона из Москвы». Сборник. М., 1938.

Де-Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона на Россию. М., 1943.

«М. И. Кутузов». Сб. документов. Т. IV, ч. 1 и 2; т. V (библиография, стр. 740—821). М., 1954—1956.

«Листовки Отечественной войны 1812 года». Сб. документов. М., 1962.

Ложье Ц. Дневник офицера великой армии в 1812 году. М., 1912.

«Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». М., 1962.

«Отечественная война 1812 года». Сб. документов. М.-Л., 1941.

«Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии». Сб. документов. М., 1964.

Сегюр Ф. И. Поход на Москву в 1812 году. М., 1911.

«Фельдмаршал Кутузов». Сб. документов и материалов М., 1947.

Чичерин А. В. Дневник Александра Чичерина. 1812—1813. М., 1966.

* * *

Алешкин П. Я., Головников В. К. Московское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года.— «Вопросы истории», 1962, № 9.

Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962.

Бабкин В. И. Специфика классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 года.— «История СССР», 1972, № 2.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. I—III. СПб., 1859—1860.

Богданович М. И. История войны 1813 г. за независимость Германии, по достоверным источникам, т. I—II. СПб., 1863.

Бычков Л. Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1954.

Бычков Л. Н. О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 года.— «Вопросы истории», 1962, № 8.
Дружинин Н. М. Историческое значение Отечественной войны 1812 года.— «Вопросы истории», 1962, № 12.
Жилин П. А. Некоторые вопросы изучения Отечественной войны 1812 года.— «Вопросы истории», 1962, № 6.
Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968 (библиография, стр. 363—374).
Клаузевиц К. 1812 год. [Поход в Россию.] Пер. с нем. М., 1937.
«Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». Сб. статей. М., 1965.
«Отечественная война и русское общество», т. I—VII. М., 1912.
Окунь С. Б. Русский народ и Отечественная война 1812 года.— «История СССР», 1962, № 4.
«Полководец Кутузов». Сб. статей. М., 1955.
Тарле Е. В. 1812 год. М., 1959.
Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.
«1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны». Сб. статей. М., 1962.
Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? — «Вопросы истории», 1960, № 4.

РАЗДЕЛ III

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

Документальный материал по истории освободительного движения и общественной мысли в России в указанный период богат и многообразен. Это — судебно-следственные материалы и переписка карательных органов царизма, конституционные проекты и записки самих участников движения, литературно-критические, общественно-политические и философские произведения, мемуары, дневники и письма. Подробная характеристика этих видов источников содержится в учебном пособии «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» (Изд-во МГУ, 1970; гл. IV — «Источники по истории освободительного движения» и гл. VI — «Мемуары, дневники и частная переписка как исторический источник»).

В третий раздел Сборника включены, главным образом, программные документы революционных организаций и произведения, отражающие взгляды представителей различных направлений русской общественной мысли: революционно-демократического, либерально-оппозиционного и реакционно-охранительного.

Включенные в данный раздел выдержки из показаний П. И. Пестеля, мемуаров С. П. Трубецкого и И. Д. Якушкина содержат сведения о формировании идеологии декабристов, о возникновении и деятельности первых

декабристских организаций — Союза спасения и Союза благоденствия. Основные программные положения декабристов отражены в «Конституции» Н. М. Муравьева и «Русской правде» П. И. Пестеля. До нас дошло 3 варианта «Конституции» Н. М. Муравьева: первый (находящийся в следственном деле С. П. Трубецкого, 1821—1822 гг.), второй (так называемый «пущинский», так как хранился в бумагах И. И. Пущина, датируемый 1824 г.) и третий (написанный по памяти самим Н. Муравьевым в конце 1825 г. в Петропавловской крепости). В Сборнике публикуется второй, наиболее полный вариант.

Из 10 глав «Русской правды» П. И. Пестеля до нас дошли 1, 2 и часть 3-й главы второго ее варианта (1824 г.), отрывки 3-й, 4-й и 5-й глав первого варианта (1822—1823 гг.), а также сокращенный конспект «Русской правды» (всех 10 глав первого ее варианта) под названием «Конституция Государственный Завет», который был продиктован членам «Общества соединенных славян» при слиянии его в 1825 г. с Южным. В Сборнике публикуются основные положения первых пяти глав «Русской правды» о политическом и социальном устройстве страны и об аграрно-крестьянском вопросе и полностью «Конституция Государственный Завет».

Из других программных документов декабристов в Сборник включены: «Правила соединенных славян», написанные одним из руководителей «Общества соединенных славян» П. И. Борисовым, и конспект «Манифеста к русскому народу» (полный текст его не сохранился), написанного С. П. Трубецким и находящегося в его следственном деле. «Манифест», содержащий важные программные положения декабристов, предполагалось объявить народу в день восстания.

Революционно-демократическое направление русской общественной мысли 30—40-х годов XIX в. представлено в Сборнике произведениями В. Г. Белинского, А. И. Герцена, петрашевцев и программными документами Кирилло-Мефодиевского общества. Из произведений В. Г. Белинского включены письма 1840—1841 гг. к В. П. Боткину, в которых отражен путь становления социалистических взглядов В. Г. Белинского, и знаменитое «Письмо к Гоголю», которое В. И. Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печа-

ти»[1]. Из произведений А. И. Герцена включены отрывки из «Былого и дум», статьи «Россия».

Историю кружка петрашевцев и Кирилло-Мефодиевского общества представляют следующие документы: составленный петрашевцем Н. А. Спешневым «Проект обязательной подписки для членов тайного общества», воспоминания, проекты, записки М. В. Петрашевского, Д. Д. Ахшарумова и Ф. М. Достоевского, важные для характеристики социалистических идей, политической программы и деятельности петрашевцев; «Устав», «Правила» и «Прокламация» Кирилло-Мефодиевского общества, воспоминания Н. И. Костомарова о программе этого общества, обвинительное заключение по делу Т. Г. Шевченко. Для характеристики деятельности петрашевцев и Кирилло-Мефодиевского общества ценные сведения содержат включенные в данный раздел докладные записки следственных комиссий по делу этих организаций.

Важным событием в идейной жизни того времени явилось опубликование в 1836 г. в журнале «Телескоп» «Философического письма» П. Я. Чаадаева, основные положения которого приводятся в настоящем Сборнике. Безысходный пессимизм, мрачный взгляд на прошедшее, настоящее и будущее России, которыми проникнуто «Философическое письмо», навеяны поражением декабристов и суровой николаевской реакцией. Вместе с тем в этой форме П. Я. Чаадаев выразил свой протест против николаевской России, против «официальной народности». Публикуемые в Сборнике письмо А. С. Пушкина к П. Я. Чаадаеву и отрывки из «Былого и дум» А. И. Герцена свидетельствуют о том, что «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева произвело большое впечатление на передовую мысль России того времени. Это был, по словам А. И. Герцена, «выстрел, раздавшийся в темную ночь», всколыхнувший многих и заставивший задуматься о судьбе России. Однако передовая Россия осудила мрачный пессимизм П. Я. Чаадаева. Впоследствии П. Я. Чаадаев отказался от многих своих ошибочных взглядов, выраженных им в «Философическом письме» (см. публикуемые выдержки из его «Апологии сумасшедшего»).

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

О западниках и славянофилах повествуют следующие документы: отрывок из «Былого и дум» Герцена, «Записка о внутреннем состоянии России» К. С. Аксакова, поданная им Александру II в 1855 г.

Взгляды реакционно-охранительного направления отражают отчет министра народного просвещения С. С. Уварова и отрывок из статьи реакционного профессора Московского университета С. Шевырева, в котором изложены основные положения так называемой теории «официальной народности».

По данному разделу предлагаются следующие темы для докладов и курсовых работ: первые декабристские организации: Союз спасения и Союз благоденствия; аграрно-крестьянский вопрос в конституционных проектах декабристов; план политического преобразования России в конституционных проектах декабристов; А. И. Герцен в 30—40-х годах XIX в.; общественно-политические взгляды В. Г. Белинского; петрашевцы; Кирилло-Мефодиевское общество; П. Я. Чаадаев; общественно-политические взгляды славянофилов; теория «официальной народности» и ее реакционная сущность.

Важное методологическое значение для разработки рекомендуемых тем имеют произведения В. И. Ленина: «О национальной гордости великороссов», «Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России», «О «Вехах»,— в которых изложена ленинская периодизация русского освободительного движения, раскрыта сущность движения декабристов, определено историческое значение революционной деятельности Белинского и Герцена. Ценные указания В. И. Ленина о характере идейной борьбы в дореформенной России, о сущности и значении просветительства, о «поисках правильной революционной теории» содержатся в его работах «От какого наследства мы отказываемся?», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Что делать?».

ДОКУМЕНТЫ

1. ДЕКАБРИСТЫ

№ 1.— П. И. Пестель о формировании своих революционных взглядов (из показаний П. И. Пестеля)

Я никакого лица не могу назвать, кому бы я мог именно приписать внушение мне первых вольнодумных и либеральных мыслей и точного времени мне определить нельзя, когда они начали во мне возникать: ибо сие не вдруг сделалось, а мало-помалу и сначала самым для самого себя неприметным образом. Но следующим образом честь имею комитету о том доложить с самою чистосердечнейшею и полнейшею откровенностью. — Когда я получил довольно основательные понятия о политических науках, тогда я пристрастился к ним. Я имел пламенное рвение и добра желал от всей души. Я видел, что благоденствие и злополучие царств и народов зависит по большей части от правительств, и сия уверенность придала мне еще более склонности к тем наукам, которые о сих предметах рассуждают и путь к оным показывают. Но я сначала занимался как сими науками, так и вообще чтением политических книг со всею кротостью и без всякого вольнодумства с одним желанием быть когда-нибудь в свое время и в своем месте полезным слугою государю и отечеству.— Продолжая таким образом заниматься, начал я потом уже рассуждать и о том: соблюдены ли в устройстве Российского правления правила политических наук, не касаясь, однакоже еще верховной власти, но размышляя о министерствах, местных правительствах, частных начальствах и тому подобных предметах. Я при сем находил тогда много несообразностей по моим понятиям с правилами политических наук и начал разные предметы обдумывать: какими постановлениями они могли бы быть заменены, пополнены или усовершенствованы. Обратил также мысли и внимание на положение народа, причем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества аристократии, которую я считал, так сказать, стеною, между монархом и народом стоящею, и от монарха ради собственных выгод скрывающею истинное положение народа. К сему стали в мыслях моих в протечении времени присоединяться разные другие предметы и толки,

как то: преимущества разных присоединенных областей, слышанное о военных поселениях, упадок торговли, промышленности и общего богатства, несправедливость и подкупливость судов и других начальств, тягость военной службы для солдат и многие другие тому подобные статьи, долженствовавшие по моим понятиям составлять предмет частных неудовольствий и через коих всех совокупление воедино представлялась моему уму и воображению целая картина народного неблагоденствия. Тогда начал во мне возникать внутренний ропот противу правительства.— Возвращение бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революциею, были при [реставрации] монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений. Тогда начали сии причины присовокупляться к выше уже приведенным; и начали во мне рождаться, почти совокупно как конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные были очень слабы и темны. Мало-помалу стали первые определительнее и яснее, а вторые сильнее. Чтение политических книг подкрепляло и развивало во мне все сии мнения, мысли и понятия. Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных, а сие то произвело во мне впоследствии мысль о временном правлении и его необходимости, и всегдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия.— От монархического конституционного образа мыслей был я переведен в республиканской, главнейше следующими предметами и соображениями:— сочинение Детю де-Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно, ежели сей сан наследствен,

неминуемо кончится деспотизмом.— Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления.— Новиков говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической, а потом стал его суждения себе припоминать и с ним соглашаться.— Я воспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей.— Я находил, что во Франции и Англии конституции суть одни только покрывала, никак не воспрещающие министерству в Англии и королю во Франции делать все, что они пожелают, и в сем отношении я предпочитал самодержавие таковой конституции, ибо в самодержавном правительстве, рассуждал я, неограниченность власти открыто всем видна, между тем как в конституционных монархических тоже существует неограниченность, хотя и медлительнее действует, но зато и не может так скоро худое исправить. Что же касается до обеих палат, то они существуют для одного только покрывала.— Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода как на богатстве, так и на правах наследственных основанными. Я судил, что сии аристокрации сделаются, наконец, сильнее самого монарха, как то в Англии, и что они суть главная препона государственному благоденствию и притом могут быть устранены одним республиканским образованием государства.— Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей.— Из сего изволит Комитет усмотреть, что я в сем образе мыслей укреплен был как

монархия
рсд

чтением книг, так и толками о разных событиях; а также и разделением со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сие произвело, что я сделался в душе республиканец, и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то представляя себе живую картину всего счастия, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и, сказать можно, восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей, обращая при том же большое внимание на устранение и предупреждение всякого безначалия, беспорядка и междоусобия, коих я всегда показывал себя самым ревностнейшим врагом.— Объявив, таким образом, в самом откровенном и признательном изложении весь ход либеральных и вольнодумных моих мыслей, справедливым будет прибавить к сему, что в течение всего 1825 года стал сей образ мыслей во мне уже ослабевать, и я предметы начал видеть несколько иначе, но поздно уже было совершить благополучно обратный путь. Русская правда не писалась уже так ловко, как прежде. От меня часто требовали ею поспешить и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написал в течение целого года, а только прежде написанное кое-где переправлял. Я начинал сильно опасаться междоусобий и внутренних раздоров и сей предмет сильно меня к цели нашей охладевал. В разговорах иногда, однакоже, воспламенялся я еще, но не надолго, и все уже не то было, что прежде. Наконец, опасение, что общество наше открыто правительством, привело меня опять несколько в движение, но и тут ничего положительного не делал и даже по полку оставался на сей счет в совершенном бездействии до самого времени моего арестования...

Политические книги у всех в руках; политические науки везде преподаются, политические известия повсюду распространяются. Сие научает всех судить о действиях и поступках правительства: хвалить одно, хулить другое.— Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен,

показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных, и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух переобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (fait bouillir les esprits). Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и правила и укоренили оные в умах. Что же касается до распространения духа преобразования по государству, то нельзя приписать сие нашему обществу, ибо оно слишком еще было малочисленно, дабы какое-нибудь иметь на сей счет общее влияние, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сии точно распространились, общим причинам, вышеизложенным и действовавшим на прочие умы точно так же, как и на умы членов общества. Может быть, что к тому содействовал также и дух неудовольствия совершенно независимо от тайного общества.

«Восстание декабристов». Материалы, т. IV. Под общей ред. М. Н. Покровского. М.-Л., Госиздат, 1927, стр. 89—92, 105, № 35, 38.

№ 2.— Об организации Союза спасения

...Сначала молодые люди ограничивались только разговорами между собою. Еще неизвестно было, что именно государь намерен был сделать; но в уверенности, что он искренно желает устроить благо России, решено было дать форму обществу и определить порядок действий, которыми намерены были поддерживать и подкреплять предположения государя. 9-го февраля 1816 года Пестель, Никита Муравьев, Сергей Шипов и Трубецкой положили основание обществу. К ним пристали Александр Николаевич Муравьев, Николай

Новиков (бывший правителем канцелярии у кн. Репнина), Илья Бибиков, князь Илья Долгорукий, Федор Николаевич Глинка, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостол, князь Павел Петрович Лопухин и Якушкин. Пестелю, Долгорукову и Трубецкому поручено было написать устав Общества, последний занялся правилами принятия членов и порядком действий их в обществе; Долгорукий — целью общества и занятиями его для ее достижения; Пестель — формою принятия и внутренним образованием. Он имел пристрастие к формам масонским и хотел, чтобы некоторые подобные были введены для торжественности. При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава, Пестель поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе: в прочитанном им вступлении он сказал, что Франция блаженствовала под управлением комитета общественной безопасности. Восстание против этого было всеобщее и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость...

«Записки князя С. П. Трубецкого». СПб., 1907, стр. 12—13.

№ 3.— Петербургское совещание членов Союза благоденствия на квартире Ф. Глинки (из показаний П. И. Пестеля). 1820 г.

...В начале 1820 года было назначено здесь, в Петербурге, собрание Коренной думы Союза благоденствия. Так называлось собрание всех наличных в Петербурге коренных членов Союза. Сия Коренная дума, по правилам Зеленой книги, имела законодательную власть Союза. Коренными членами назывались те члены, которые присутствовали при учреждении Союза благоденствия и первоначально в оный вступили. Председателем Союза был тогда граф Толстой, а блюстителем князь Долгоруков. Присутствовали в то время в Коренной думе, сверх председателя и блюстителя, еще Тургенев, Лунин, Глинка, Иван Шипов, Сергей, Матвей и Никита Муравьевы и я, да еще некоторые другие, о коих не упомню. Князь Долгоруков, по открытии заседания, которое происходило на квартире у полковника Глинки, предложил Думе просить меня изложить все выгоды и все невыгоды как монархическо-

го, так и республиканского правления, с тем чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец, после долгих разговоров было прение заключено и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил чего он желает: монарха или президента; а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: Le président — sans phrases; то есть: Президент без дальних толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений, один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елизавету Алексеевну. (Сие заключение Коренной думы было сообщено всем частным думам, а в том числе и Тульчинской. С сего времени республиканские мысли начали брать верх над монархическими...

«Восстание декабристов». Материалы, т. IV, стр. 101—102, № 38.

№ 4.— И. Д. Якушкин о Московском съезде Союза благоденствия в январе 1821 г.

...В первых числах января 21-го года Граббе, Бурцев и я жили вместе у Фонвизиных. Скоро потом приехали в Москву из Петербурга Николай Тургенев и Федор Глинка, а потом из Киева Михайло Орлов с Охотниковым... На первом из этих совещаний были Орлов, Охотников, Н. Тургенев, Федор Глинка, два брата Фонвизины, Граббе, Бурцев и я...

На следующих совещаниях собрались те же члены, кроме Орлова. Для большего порядка выбран был председателем Н. Тургенев.

Прежде всего было признано нужным изменить не только устав Союза благоденствия, но и самое устройство и самый состав Общества. Решено было объявить повсеместно, во всех управах, что так как в теперешних обстоятельствах малейшей неосторожностью можно было возбудить подозрение правительства, то Союз благоденствия прекращает свои действия навсегда. Этой мерой ненадежных членов удаляли из Общества. В новом уставе цель и средства для достижения ее должны были определяться с большею точностью,

нежели они были определены в уставе Союза благоденствия, и потому можно было надеяться, что члены, в ревностном содействии которых нельзя было сомневаться, соединившись вместе, составят одно целое и, действуя единодушно, придадут новые силы Тайному обществу.

Затем приступили к сочинению нового устава; он разделялся на две части: в первой — для вступающих предлагались те же филантропические цели, как и в Зеленой книге. Редакцией этой части занялся Бурцев. Вторую часть написал Н. Тургенев для членов высшего разряда. В этой второй части устава уже прямо было сказано, что цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России, а чтобы приобресть для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай. На первый раз положено было учредить 4 главные думы: одну в Петербурге под руководством Н. Тургенева, другую в Москве, которую поручали Ив. Алекс. Фонвизину, третью я должен был образовать в Смоленской губернии, четвертую брался Бурцев привести в порядок в Тульчине. Он уверял, что по приезде в Тульчин он первоначально объявит об уничтожении Союза благоденствия, но что вслед затем известит всех членов, кроме приверженцев Пестеля, о существовании нового устава и что они все к нему присоединятся под его руководством.

Устав был подписан всеми присутствующими членами на совещаниях и Мих. Муравьевым, который приехал в Москву уже к самому концу наших заседаний. Обе части нового устава были переписаны в 4 экземплярах: один для Тургенева, другой для И. А. Фонвизина, третий для меня, четвертый для Бурцева. Но еще при самых первых наших совещаниях были приглашены на одно из них все члены, бывшие тогда в Москве. На этом общем совещании были князь Сергей Волконский, Комаров, Петр Колошин и многие другие. Тургенев, как наш президент, объявил всем присутствующим, что Союз благоденствия более не существует, и изложил перед ними причины его уничтожения.

Тургенев, приехавши в Петербург, объявил, что члены, бывшие на съезде в Москве, нашли необходимым прекратить действия Союза благоденствия, и потом одному только Никите Муравьеву прочел новый устав Общества, после чего из предосторожности он положил

его в бутылку и засыпал табаком. Из петербургских членов деятельностью Никиты Муравьева образовалось новое Общество...

«Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., 1951, стр. 43—45.

№ 5.— Конституция Государственный Завет

1) Границы Российского государства суть

При сем случае действуют два правила: правила *благоприличия* для России и правила *народности* племен или народов смежных и подвластных.— Когда дело идет о народе, могущем пользоваться независимостью и самостоятельностью, тогда правило *народности* берет перевес. Когда же дело идет о народе, не могущем оными пользоваться и долженствующем быть под покровительством и зависимостью у другой славнейшей державы, тогда правило *благоприличия* для России берет перевес.— Польша — правило народности объявляет независимость и самостоятельность народа, но правило благоприличия определяет в сем случае частности границеположения.

2) Российское государство разделяется в отношении законного своего пространства на 10 областей и 3 удела. Уделы суть *столичный*, в коем пребывает и сосредоточивается государственное правление. Нижний Новгород или Москва, Донской и Киргизской.— Каждая область состоит из 5 губерний или округов. Губерния состоит из уездов, уезд состоит из волостей. Волости бывают цельные и приписные —1000 обывателей мужеск. пола.

3) Государство состоит из народа и правительства.

4) Весь российский народ составляет одно сословие — гражданское, все нынешние сословия уничтожаются и сливаются в одно сословие — гражданское. Все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, слагая различные свои названия, составляют один народ русский. Все россияне расписаны по волостям. Каждый российский гражданин есть член которой-либо волости. Сие заменяет теперешнее распределение россиян по сословиям. Волость имеет для своих членов два списка — гражданский и скарбовой. В скарбовой список вносятся граждане, имеющие в волости какую-нибудь собственность.

Подать берется с собственности — посему может один и тот же человек в скарбовых списках многих волостей быть записан, но в гражданском списке может каждый быть записан только по одной волости, ибо гражданский список означает политическое состояние, а политическим правом пользуется каждый русский в той только волости, в которой состоит в гражданском списке.

5) Вся земля, к каждой волости принадлежащая, разделяется на две части: волостную и частная. Первая принадлежит всему обществу, вторая — частным людям. Первая составляет собственность общественную, вторая — собственность частную. Волостная земля есть неприкосновенна, она разделяется на участки, участки раздаются по требованиям членов волости. Остальная земля отдается в наем посторонним людям не иначе как на один год. Если требуется более участок нежели сколько таковых имеется, тогда не удовлетворяется требование тех, которые наибольшее число участков взять желают; участки сии переходят из рук в руки в тех только случаях, когда являются новые требователи. Сии требователи суть или такие, кои прежде никакого участка не брали, или желают ныне взять более. У кого участок отбирается, тот сам назначает, какой участок он отдает. Правила *Совокупной стоятельности* (principe de la Solidarité). Перед правительством является всегда волость, а не люди порознь. Россияне составляли народ, состоящий из одних обывателей земли — все россияне суть помещики или частные, или общественные.

6) Переход из нынешнего положения в порядок, здесь предлагаемый, есть постепенный. У нынешних помещиков земля откупается оброком или работою летнею. Наперед заводится сие в казенных имениях и волостях, а потом уже в частных. Оброчные селения и пахотные селения, дворовые люди, заводские крестьяне, продолжая нынешние занятия положенное время, те же сами откупаются, а дворовые в волости поступают.

7) Правительство разделяется на верховную власть и государственное правление.

8) Насчет устроения верховной власти отвергается правило равновесия властей, но принимается правило определительности круга действий. Верховная власть разделяется на законодательную и верховно исполни-

тельную.— Первая поручается *Народному вечу*, вторая — *Державной думе.* Сверх того, нужна еще *власть блюстительная*, дабы те две не выходили из своих пределов. Власть блюстительная поручается *верховному Собору.*

9) *Народная веча* состоит из народных представителей, выбранных народом на 5 лет. Каждый год пятая часть нисходит и заменяется новыми выборами. Тот же самый может опять быть выбран. Устройство внутреннего порядка *веча* принадлежит ему самому. Председатель выбирается ежегодно из членов, последний год заседающих. Народная веча есть одно целое и на камеры не разделяется. Вся законодательная власть в ней обретается. Она объявляет войну и заключает мир. Различие в составлении законов заветных и всех прочих законов. Первые обнародываются и на суждение всей России предлагаются. Народная веча имеет свое время, когда не заседают, тогда оставляется временная комиссия. Никто не может распустить Народной вечи. Она представляет волю в государстве, душу народа.

10) *Державная дума* состоит из 5 членов, народом выбранных на 5 лет. Ежегодно один из Думы выходит и заменяется другим выбором. Председатель есть член, заседающий последний или пятый год. Ежегодно предлагает каждая губерния кандидата. Из числа сих кандидатов выбирает *Народная веча* окончательно. *Державная* дума имеет всю верховно исполнительную власть, ведет войну и производит переговоры, но не объявляет войны и не заключает мира. Все министерства и все вообще правительствующие места состоят под ведомством и начальством *Державной думы,* действуя по ее разрешением и исполняя с приказанием (?). Она имеет собственную свою канцелярию.

11) *Верховный Собор* состоит из 120 членов, именуемых *боярами.* Бояра назначаются на всю жизнь и не могут участвовать ни в законодательном, ни в исполнительном порядке. Губернии назначают кандидатов, а *Народная веча* замещает упразднившееся число бояр. Председатель выбирается на год самим Собором. Собор имеет верховно блюстительную власть. *Народная веча* препровождает к нему на утверждение свои законы. Собор не рассуждает о сущности предметов, но смотрит на одни формы, дабы по всем соблюдено законное; после сего утверждения получает закон свою действительную силу. Сам же Собор не действует. Собор назначает

из своих членов по одному генерал-прокурору в каждое министерство и по одному генерал-губернатору в каждую область (приказный блюститель, областный посадник). Генерал-прокурор рассматривает журналы палат министерства и утверждает их определение, взирая на одну законность и соблюдение предлагаемого порядка, но не входя в суждение о сущности самого содержания; без их утверждения не может исполнение последовать, они утверждают за свои действия. Державная дума решает, а Верховный собор может чиновника отдать под суд. Отданный под суд судится судебным порядком. Генерал-губернатор имеет таковые же обязанности в отношении областных правлений. Из сего явствует, что Собор удерживает в пределах законности *Народному вечу* и Державную думу. Сам же не имеет никакого действия положительного. Главнокомандующие действующих армий назначаются Верховным собором. Он принимает начальство над армией, когда выступает за пределы государства, и слагает, когда в пределы вступает губернии на военном положении.

«Восстание декабристов». Документы, т. VII. Под ред. М. В. Нечкиной. М., Госиздат. 1958, стр. 213—215.

№ 6.— «Русская Правда» П. И. Пестеля

Введение

§ 12. Определение, цель и действие Русской Правды

Русская Правда есть по сему верховная Всероссийская грамота, определяющая все перемены, в государстве последовать имеющие, все предметы и статьи, уничтожению и ниспровержению подлежащие, и, наконец, коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка и составлении нового государственного уложения. Она содержит определение некоторых важнейших положительных законов и постановлений будущего порядка вещей, исчисление главных предполагаемых переводных мероприятий и вместе с тем пояснение коренных соображений, начальных причин и основных доводов, утверждающих предполагаемое для России государственное устройст-

во. И так Русская Правда есть наказ или наставление временному верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может. Она содержит обязанности, на временное верховное правление возлагаемые, и служит для России ручательством, что временное верховное правление единственно ко благу отечества действовать будет. Недостаток в таковой грамоте ввергнул многие государства в ужаснейшие бедствия и междоусобия, потому что в оных правительство действовать всегда могло по своему произволу, по личным страстям и частным видам, не имея перед собою ясного и полного наставления, коим бы обязано было руководствоваться, и что народ между тем никогда не знал, что для него предпринимают, никогда не видел ясным образом, к какой цели стремятся действия правительства, и, волнуемый разными страхами, а потом и разными страстями, часто предпринимал беспокойные действия и, наконец, междоусобия производил. Русская Правда отвращает своим существованием все сие зло и приводит государственное переобразование в положительные ход и действие тем, что все определяет и на все предметы коренные правила издает. Посему обязаны с нею в полной мере сообразоваться как временное верховное правление со всеми частями, отраслями и степенями правительства, так равно и весь народ со всеми оного членами или гражданами. Временное верховное правление обязано новый государственный порядок, Русскою Правдою определенный, постепенными мероприятиями ввести и устроить, а народ обязан сему введению не только не противиться, но, напротив того, временному верховному правлению усердно всеми силами содействовать и неуместным нетерпением не вредить преуспеванию народного возрождения и государственного преобразования...

Глава первая. О земельном пространстве государства

§ 1. Право народности и право благоудобства

... Если бы каждое государство из одного только племени или народа состояло, то границы его сами собою определялись бы пространством, на котором бы тот

народ был поселен; но так как все почти большие государства, а тем паче Россия содержат в своем составе много различных племен, то и определение границ соделывается труднейшим. От двух противоположных желаний происходит затруднительность. Народы, подвластные большому государству и происходящие не от господствующего в оном, но от других племен, желают всегда для себя независимости и отдельного политического существования, утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное *правом народности*. С другой же стороны, стремится всякое большое государство к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы собственные его, а не силы какого-либо другого, соседственного большого государства: основывая сие стремление и старание на праве безопасности и называя оное *правом благоудобства*...

... Из всего здесь сказанного явствует, что для правильного, положительного установления границ надлежит непременно руководствоваться тем соображением, что право народности должно брать верх для тех народов, которые могут самостоятельною политическою независимостью пользоваться; а что право благоудобства должно брать верх над теми народами, которые сею самостоятельною политическою независимостью пользоваться не могут и непременно должны состоять под властью какого-либо сильнейшего государства...

§ 4. Россия есть государство единое и неразделимое

... *Федеративными* же называются те государства, в которых области, их составляющие, хотя и признают общую над собой верховную власть и обязываются совокупно действовать во всех сношениях внешних, но при всем том право свое сохраняют законы делать и постановления издавать для собственного своего внутреннего гражданского и политического образования и устраивать свое правление по частному своему усмотрению...

Общие невыгоды федеративного образования государства суть между многими прочими следующие четыре: 1) Верховная власть по существу дела в федератив-

ном государстве не законы дает, но только советы: ибо не может иначе привести свои законы в исполнение, как посредством областных властей, не имея особенных других принудительных средств. Ежели же область не захочет повиноваться, то, дабы к повиновению ее принудить, надобно междоусобную войну завести; из чего явствует, что в самом коренном устройстве находится уже семя к разрушению.— 2) Особые законы, особый образ правления и особые от того происходящие понятия и образ мыслей еще более ослабят связь между разными областями. На верховную же власть будут области смотреть, как на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будет рассуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственные дела в отношении к своей области без участия верховной власти. Вот новое семя к разрушению.— 3) Каждая область, составляя в федеративном государстве, так сказать, маленькое отдельное государство, слабо к целому привязана будет и даже во время войны может действовать без усердия к общему составу государства; особенно если лукавый неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких-нибудь особенных для нее выгодах и преимуществах. Частное благо области, хотя и временно, однакоже все таки сильнее действовать будет на воображение ее правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, может быть, в то время очевидной пользы самой области.— 4) Слово государство при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области.— Много есть еще других отменно важных причин, но для краткости умалчивается о них: ибо довольно уже и сих четырех для решения предложенного вопроса.

Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различные языки говорят, совсем различные веры исповедуют, жители оных различные

происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому ежели сию разнородность еще более усилить чрез федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытает все бедствия и весь неизъяснимый вред, нанесенные древней России удельною системою, которая также не что иное была, как род федеративного устройства государства; и потому, если какое-нибудь другое государство может еще сомневаться во вреде федеративного устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может; она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании. А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к таковому устройству государства вести бы могло.

Вследствие всего здесь сказанного объявляется Российское государство в пределах, выше обозначенных, *единым и неразделимым,* отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства...

Глава вторая. О племенах, Россию населяющих

§ 1. Разделение племен, Россию населяющих, на три главные разряда

Общая масса всех российских обитателей может на три главные разряда быть разделена. Первый разряд состоит из коренного народа русского. Второй — из племен, к России присоединенных. Третий из иностранцев, в России живущих. Коренной народ русский есть племя славянское. Народы, к России присоединенные, составляют различные другие племена. Иностранцы, в России живущие, суть частные лица разных на-

ций.— Дабы с ясной положительностью судить можно было о мероприятиях, коим должны подлежать все различные оттенки коренного народа русского, все различные племена, в России обретающиеся, и все иностранцы, в России находящиеся, надлежит основное соображение изложить, коим временное верховное правление обязывается в сем отношении руководствоваться.

§ 2. Законы должны быть одинаковы на целом пространстве государства

...Наконец, государственные и гражданские законы могут быть в целом пространстве государства одни и те же, потому: 1) что истина политическая, будучи истиною нравственною или отвлеченною, везде одна и та же. 2) Что нравы народные везде зависят от веры и правительства. Законы веры христианской везде требуют одинаковых правил нравственности, и правительство одинаковостью законов политических, с верою согласных, будет вере способствовать сие святое единообразие в правилах нравственных повсюду вести к общему всех благоденствию. 3) Что правосудие двусмыслия и двоякого толкования не допускает и, будучи основано на понятии о наших обязанностях в отношении к ближним, одинаково везде быть должно, тем более что сии обязанности верою определены для всех людей одинаковыми. И наконец: 4) потому, что самые действительные наставники народов суть законы государственные: они образуют и, так сказать, воспитывают народы, и по ним нравы, обычаи, понятия, вид свой и деятельность свою получают. От них исходят направление умов и волей; и потому утвердительно сказать можно, что политические и гражданские законы соделывают народы таковыми, каковыми они суть...

Глава третья. О сословиях, в России обретающихся

§ 3. Аристократия богатств

...Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократиею, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристокра-

ции феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясна быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудия для своих видов, противу коих общее мнение совершенно бессильно и посредством коих она приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже и все меры принимать, дабы таковые сословия отдельным от массы народной составлением сами собой бы не устанавливались и не образовывались; а тем более обязано их уничтожать, ежели они где-либо существуют.

§ 4. Все должны быть перед законом равны

...Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устроением. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным.— Сверх того, нарушают сии различия добрую между гражданами связь, разделяя их на несколько отделений, имеющих совсем различные виды и выгоды, а следовательно, и образ мыслей. Сколь же добрая связь между гражданами важна для благоденствия государства, ясно доказано было в предыдущей главе, и точно так же нарушается различием сословий, как и разнородством племен. Сословия тем еще пагубнее, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких людей жестокую оказывают несправедливость против наибольшей части народа и что противны цели государственного сосуществования, состоящей не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно большем благоденствии многочисленнейшего числа людей в государстве.— А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено,

что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны...

§ 6. Дворянство

...Обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное, наконец, заповедной воле всевышнего, гласящего в священном писании, что люди перед ним все равны, и что одни деяния их и добродетели разницу между ими поставляют. И потому не может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми.— Нельзя ожидать, чтобы нашелся хотя один довольно злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния в России; но ежели бы, паче всякого чаяния, нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то временное верховное правление обязывается всякого такового злодея безизъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на временное верховное правление, яко священнейшая и непременнейшая его обязанность...

§ 7. Купечество

...Известно, что лучший способ для доставления народному богатству возможности процветать состоит в даровании *свободы,* обращая внимание правительства на промышленность народную с тою только целью, что-

бы распространять познания и сведения, необходимые для промышленности, и вообще просвещение и чтобы устранять препятствия, частные способы превышающие. Из сего явствует, что свобода есть главная необходимость для народной промышленности. Свобода же сия состоит в трех главных предметах: 1) чтобы каждый гражданин имел право и позволение заниматься тою или теми отраслями промышленности, которые он заблагорассудит избрать, лишь бы честен был и к законам исполнителен. 2) Чтобы каждому дозволено было любою заниматься промышленностью не только в одних городах и назначенных местах, но равным образом и в селениях всякого рода и вообще везде, где только пожелает. И 3) чтобы сама промышленность была освобождена, елико возможно более, от всяких затруднений и препятствий, производимых иногда не только худо обдуманными постановлениями, но и посторонними действиями и причинами, так, чтобы она находила в распоряжениях правительства не препоны своему преуспеванию, но, напротив того,— защиту и содействие...

Военные поселяне

...Одна из первейших обязанностей временного верховного правления состоит в уничтожении военных поселений и в освобождении от ужасного сего ига всех селений, ныне к оным принадлежащих. На основании всего здесь сказанного обязывается временное верховное правление: 1) в военных поселениях отделить войско от поселян, причислить войско к общему составу армии на общих правилах и разместить войско по разным местам сообразно общему расквартированию армии. 2) Привести военные поселения в общее земледельческое состояние, составить из оного волости на основании общих правил, военных поселян признать гражданами наравне со всеми прочими россиянами, даровать им совершенно те же права и устроить в прекращающихся военных поселениях тот же образ управления, как и в прочих местах России, и 3) все меры принять, какие только нужными и возможными окажутся, для доставления военным поселянам нужных льгот и необходимых средств для поправления разоренных имуществ. А вместе с тем и возвратить к семействам всех несчастных, находящихся ныне по разным местам в ссылке и заточении...

§ 4.

Наконец, распределение народа по волостям соединяет все выгоды и удобности, отвращая все несправедливости и все затруднения. А посему обязывается верховное правление сие распределение ввести, уничтожив ныне существующее и устанавливая новый сей порядок на изложенных в последствии сей главы коренных правилах, разрешаясь при том все подробности сего положения по своему усмотрению распорядить. Прежде же приступа к изложению сих коренных правил надлежит представить весьма важное соображение о постепенности, в государстве для порядка требуемой, и вспомнить, что слово волость означает всякое городское, сельское и вообще земское общество... Города же, местечки, села и деревни будут посему совершенно одно и то же, что есть волости. Все различие будет состоять в большем или меньшем количестве обывателей в волостях, как ныне различествуют города; а посему и можно заменить сии названия одним именем селение. Городом же может продолжать называться местопребывание уездного начальства....

§ 6.

...Из сего явствует, что при разделении земельного пространства государства на части волость должна быть признана политическою единицею. Сему разделению ответствует образование провинции и установление степеней чиноначальства. Вверху над всеми оными находится верховная власть, а внизу под оными — весь народ. Верховная власть управляет целым пространством государства, а народ весьма естественным образом распределяется по волостям, т. е. по политическим единицам государственного пространства. Политическое благоустройство состоит в полной соразмерности и совершенном соответствии между образом политического существования частных лиц, народ составляющих, и образом устроения правительства со всеми различными отраслями государственного правления. Сия двойная цель совершенно достигается земским сим распределением. Посему и должен быть народ российский распределен по волостям

таким образом, чтобы каждый россиянин был приписан к которой-либо волости и считался бы членом той волости. Все члены одной и той же волости составляют вместе, так сказать, одно политическое семейство под названием волостного общества. Сие распределение народа по волостям имеет заменить ныне существующее распределение по сословиям и отраслям промышленности. Промышленность предоставится всем россиянам одинаковым образом, а сословия сольются в одно общее сословие гражданское. Каждый россиянин будет гражданином Российского государства и в особенности гражданином такой-то волости.

Для удобнейшего введения сего порядка должна каждая волость два списка своим членам или гражданам содержать: один гражданский, а другой скарбовый. Первый означает членов волости по лицу, а второй — по имуществу. Первый содержит имена всех граждан, к той волости приписанных и в составе волостного общества считающихся. Второй содержит имена всех граждан, имеющих какое-нибудь имение в той волости. Из сего явствует, что один и тот же россиянин может состоять в одно и то же время в скарбовых списках нескольких волостей, ибо в разных волостях имения может иметь и, следовательно, с каждого имения на общих правилах подать платить обязан, между тем как в гражданском списке только одной волости состоять может, ибо гражданский список означает лицо, а каждый гражданин есть только одно лицо, и каждое лицо только один голос в государстве иметь может....

§ 9.

Разделение земельного пространства государства на части бывает двоякого рода: политическое и гражданское. Первое необходимо для лучшего устройства правления; второе образует частные собственности. Первое остается в непременном положении всегда одно и то же; второе подвергается частным изменениям по случаю права обладания. Для введения первого было объяснено предположение о разделении России на области, уделы, округа, уезды и волости и сказано, что волости составляют единицы сего разделения. Теперь приступаем к рассмотрению гражданского разделения земель, кото-

рое там начинается, где политическое оканчивается: т. е. от волостей.

О сем гражданском разделении земель много было рассуждаемо, причем все сии рассуждения на два главные мнения разделены быть могут. Первое мнение объясняется таким образом: человек находится на земле, только на земле может он жить, только от земли может он пропитание получать. Всевышний сотворил человеческий род на земле и землю отдал ему в достояние, дабы она его питала. Природа производит сама все то, что к пище человека служить может. Следовательно, земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц и посему не может она быть разделена между несколькими только людьми за исключением прочих. Коль скоро существует хоть один человек, который никаким обладанием земли не пользуется, то воля всевышнего и закон природы совершенно нарушены, и права естественные и природные человека устранены насилием и зловластием. На сем соображении был основан известный поземельный закон римский, который устанавливал частное разделение земель между всеми гражданами. Второе мнение, напротив того, объясняет, что труды и работы суть источники собственности и что тот, который землю удобрял и оную способной сделал к произведению разных произрастаний, исключительное должен на ту землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то соображение, что дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые тот только сделать согласится, который в полной своей собственности землю иметь будет и что неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию. Посему и должна вся земля быть собственностью нескольких людей, хотя бы сим правилом и было большинство людей от обладания землею исключено.

Сии два мнения совершенно друг другу противоречат, между тем как из них каждое много истинного и справедливого содержит. Сие происходит оттого, что оба сии мнения заключения свои до крайности доводят. А дабы ясно усмотреть можно было, в каком отношении каждое из сих мнений справедливо и в каком каждое ложно, надлежит следующими правилами руководствоваться: 1) человек может только на земле жить и только

от земли пропитание получать; следовательно, земля есть собственность всего рода человеческого, и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен. 2) С учреждением гражданских обществ сделались сношения между людьми многообразнее и возникло понятие о собственности. Охранение сего права собственности есть главная цель гражданского быта и священная обязанность правительства. 3) Законы политические должны утверждать и обеспечивать законы духовные и естественные, а не нарушать оных. Сии последние законы должны всегда иметь перевес перед первыми, ибо они поставлены от бога и природы и суть неизменны; между тем как политические поставлены от людей и часто переменяются. 4) Наперед надобно помышлять о доставлении всем людям необходимого для жития, а потом уже о приобретении изобилия. На первое каждый человек имеет неоспоримое право, потому что он — человек, на второе имеет право только тот, который сам оное приобрести успеет. 5) Установив возможность для каждого человека пользоваться необходимым для его жития, не подвергая его для приобретения оного зависимости от других, надлежит только дать обеспечение и совершенную свободу приобретению и сохранению изобилия.— Соображая сии коренные правила с вышеизъясненными двумя мнениями, можно легко приступить к изысканию средств для соглашения обоюдных их выгод и преимуществ и устранения обоюдных несправедливостей.

§ 10.

Сии средства состоят в разделении земель каждой волости на две половины по угодиям, как то в предыдущей главе объяснено было в статье о казенных крестьянах. Одна половина получит наименование земли общественной, другая — земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять. Она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления *необходимого* всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной,

что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению *изобилия*. Земля общественная будет удовлетворять справедливым заключениям первого вышеобъясненного мнения, а земли частные — второго мнения...

§ 11.

Главные начала, могущие основанием служить для постановлений касательно общественных земель, суть следующие: общественная земля должна в каждой волости разделена быть на участки.— Каждый участок должен так быть велик, что необходимое для житья одного тягла доставлять мог. Тяглом разумеется муж с женою и тремя детьми.— Земские сии участки должны раздаваться членам волостного общества.— Они участки сии получают не в полную собственность, но для того, чтобы их обрабатывать и пользоваться их произрастаниями.— Каждый участок отдается в обработку на один год, по истечении коего переходит оный в другие руки или опять за тем же хозяином утверждается. Земледельческий год — не с 1-го генваря по 1-е генваря считается, но с окончания жатвы до окончания оной в следующем году.— Волость имеет список своим участкам и ежегодно назначает особое время для раздачи оных; проект о сей раздаче волостное правление подносит наместному собранию.— Волостное наместное собрание (о коем ниже говорено будет) утверждает окончательно раздачу сих участков.— Каждый член волостного общества имеет право столько требовать участков, сколько пожелает; принужден же к тому никто быть не может. Сие право распространяется равным образом на граждан, имеющих собственные свои частные земли и на не имеющих таковых, ибо они суть все члены волостного общества. Когда требуется менее участков, нежели сколько их имеется, тогда получает каждый требователь желаемое число, а остальные участки могут отдаваться в откуп посторонним лицам...— Когда требуется более участков, нежели их имеется, тогда остаются без удовлетворения требования тех граждан, которые наибольшее число участков требуют, так что в сем случае всегда большие требования сравниваются с меньшими.— При невозможности удовлетворить равным требованиям предпочитаются не имеющие частных земель в своей собственности тем,

которые таковыми землями обладают; пропитывающиеся от одного земледелия — тем, которые занимаются еще и другой какой-нибудь промышленностью, одним словом, предпочитается тот, кто беднее. Участки переходят из рук в руки в трех только случаях: 1) когда сам кто не пожелает долее держать участка или оной переменить захочет на свободный участок: *собственная воля.* 2) Когда не может продолжать числом участков пользоваться, которое доныне имел, по причине умножившихся требований. *Умножение требований* и 3) когда приговором суда за преступление или приговором волости за гласный и доказанный разврат сего права лишен будет: *собственная вина.*

Так как общественная земля устанавливается для доставления каждому необходимого для жития, то и должен каждый заниматься своим участком с усердием и прилежанием, а посему волостное общество и сохраняет власть за гласный и доказанный разврат лишать права на общественные земские участки. Употребление же и действие сей власти должны ясным и положительным образом определены быть для устранения всякой несправедливости, всякого пристрастия и злоупотребления.

В каждой волости должен быть волостной банк учрежден, из коего бы каждый гражданин той волости мог вспомоществование получить, и к сему банку полезно присоединить страховое учреждение. Из сего банка получать будут граждане нужное число денег на первоначальное обзаведение своего хозяйства, когда в земледельческое состояние поступать будут.

Определение подробностей и частностей сего порядка предоставляются совершенно благоусмотрению верховного правления.

§ 12.

Когда порядок сей в полной мере введен будет и окончательное возымеет установление и действие, тогда от него для России следующие окажутся неоцененные выгоды и последствия: 1) каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не отдаваясь

в их зависимость, но от трудов, коих приложит для обрабатывания земли, ему самому принадлежащей яко члену волостного общества наравне с прочими гражданами. Где бы он ни странствовал, где бы счастия ни искал, но всегда в виду иметь будет, что ежели успехи стараниям изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе, всегда пристанище и хлеб насущный найти может...

§ 14.

...Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества за исключением бедных. А посему и возлагается непременная обязанность на верховное правление, описанное в сем параграфе, затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякою даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословие ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам...

О народе в гражданском отношении. [Глава V]

§ 7.

Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества. В сем духе определяются следующие два правила: 1) ежели кто собственности своей лишен быть должен для блага общего, то надлежит к тому приступить не иначе, как когда полномерное существует убеждение в том, что благо общее неминуемо того требует и не может иначе быть достигнуто, но и в сем случае должно всегда последовать наперед предварительное полное возмездие. 2) Конфискация имущества в пользу казны никогда существовать не должна. Имущество

частного человека может быть отнято у него для заплаты его долгов и для взноса законных пеней, но, однакоже, не полным количеством, а единственно необходимым количеством для выручения нужной на сказанные предметы суммы. При наложении же судом политической смерти на гражданина его имение никогда не должно быть конфисковано, но должно быть отдано его наследникам, взирая на него, как на умершего.

При сем надлежит в отношении к праву собственности или обладания следующие правила постановить: 1) давность владения утверждает право собственности, дабы сим способом можно было поставить конец делам, долгое время сомнению подлежащим, но поелику давность владения бывает иногда многими обстоятельствами сопровождаема, то и должны законы с большей осторожностью и подробностью все оттенки сего права определить, стремясь к планомерному соглашению необходимости делам конец поставить с должным беспристрастием к участвующим в том деле сторонам.— 2) Право повинности, возникающее из естественного положения имения, не подлежит никакому разногласию и потому во всей силе утверждено быть должно. Право же повинности, постановляемое частными людьми, по добровольному между ими согласию, хотя и бывает весьма разнообразно, но, однакоже, никогда не должно быть противно ни общественному порядку ни существующим законам и постановлениям.— 3) Обладание служит основанием праву собственности, а посему и должно оно служить равным образом основанием и праву повинности. Вследствие сего должны права на частные повинности даруемы быть гражданами другим гражданам только на время жизни или обладания первых, или по крайней мере на известное определенное время; но никогда не быть постановляемы на всегдашнее время и притом связаны быть с имением, кто бы ни владел оным. Сие бы значило нарушать для будущих обладателей неприкосновенность и полноту права собственности.— 4) Заложение, или право закладное, обеспечивает заимодавца посредством залога в отчужденной им на время собственности своей. Кто иначе в займы отдавать не будет, как на основании сего права, тот никогда не может отчужденной на время собственности своей лишиться. Но поелику действия сии к частным и многообразным спорам и тяжбам случай подают, то и должны

законы с большою положительностью все подробности сего права определить, дабы полное было сохранено беспристрастие к обеим сторонам, и они бы обе в полной мере были обеспечены.— 5) Неоплатные должники должны быть разделены на невольные, неосторожные и злостные. Имение должника во всяком случае должно поступать сполна на уплату его долгов. Лицо же его не должно за его долг отвечать и свободы не должен он быть лишен до тех пор, пока долга своего не заплатит. Здесь место имеет следующее соображение: ежели должник есть невольный неоплатный должник, то вовсе не должен свободы быть лишен. Ежели же он признан будет неосторожным или злостным должником, то по мере вины должен быть подвергнут уголовному наказанию. Ежели должник после объявления о неоплатности своей приобретает какое-нибудь имущество, то должен прежние долги непременно сполна выплатить...

§ 10.

Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия. Вследствие сего постановляются следующие неизменные правила: 1) никто из граждан не должен свободы быть лишен и под стражу посажен иначе, как законным образом и законным порядком. Всякое действие, сему противное, наводит строжайшую ответственность на нарушителей. 2) Одно только полицейское ведомство имеет право граждан брать под стражу. Все же прочие ведомства, равно как и частные граждане, должны обращаться к полиции с требованиями своими и объявлениями причин. Если же крайность случая их заставит не ожидать прибытия полиции, то должны немедленно взятого под стражу полиции представлять и ей вручать под опасением жесточайшей ответственности. 3) Военная сила может полиции содействовать, когда будет то от полиции требовано, но ежели сама кого под стражу возьмет в отсутствии полиции, то немедленно того к ней представить обязана. Что же касается до военнослужащих, то само собою разумеется, что за воинские преступления подлежат они военному суду и от военного начальства зависят. 4) Полиция имеет право

всякого гражданина взять под стражу, хоть он частный человек, хоть он гражданский чиновник, хоть военный, с тем только чтобы сие было законным образом исполнено. 5) В дом гражданина никто войти не может без его согласия; в случае же обязанности взять его под стражу должна полиция предъявить ему письменное предписание от волостного правления или высшего местного начальства об отводе его под стражу с объявлением причин. 6) На улице и вообще вне частного дома может каждый гражданин под стражу быть взят и без письменного предписания; но о причинах сего с ним поступка должно ему быть письменно во всяком случае объявлено прежде истечения 24-х часов, в противном случае должен он быть немедленно освобожден. 7) Никто не должен быть содержим под стражею в иных местах, как в стражных домах, от правительства назначенных и всем гражданам таковыми известных, и не иначе быть в оных с ним поступаемо, как законным образом, под опасением строжайшей ответственности. 8) Содержащийся под стражею может всегда на поруки быть отдан, разве вышнее начальство иначе прикажет; но в сем случае должна быть ему засвидетельствованная копия с сего предписания выдана. 9) Содержащийся под стражею может принимать посещение, от кого пожелает; и происходить может сие или без полицейского свидетеля или при таковом, смотря на предписание начальства, которое в самых важнейших только случаях в таковых посещениях вовсе отказать может с письменным объявлением о причинах. 10) Никто не может быть судим иным порядком, как обыкновенным законным судебным, и в том именно месте, которое законом определено и назначено. Посему никогда не должны никакие чрезвычайные судебные комиссии или чрезвычайные суды быть учреждаемы, ниже в каком бы то ни было случае законный судебный порядок быть для каких бы то ни было причин нарушаем. 11) Никто не может быть судим иначе, как по точным словам закона... и притом по законам, существовавшим прежде преступления, в коем он обвиняется, и не иначе быть обвинен, как когда его преступление совершенно доказано. 12) Волостное правление и наместные собрания имеют право заступаться за членов своих волостей, ежели где-нибудь сии правила в отношении к ним были нарушены, и представлять о том вышнему начальству, обязанному непременно таковое ходатайство рас-

смотреть и по содержанию оного полное следствие произвести и удовлетворение сделать.— Устроение всех подробностей сего распорядка представляется усмотрению верховного правления, обязанного оный таким образом учредить, чтобы всякое самоволие решительно было устранено...

§ 18.

Коренные правила в отношении к свободе книгопечатания постановляются следующие: 1) каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только чтобы его имя было на его сочинении выставлено. От сего исключаются одни только личные ругательства, которые никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданин пользуется правом иметь типографию с тем только, чтобы о том было предварительно правительство извещено и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографии. 3) За мнения и правила, в сочинении изложенные, отвечает каждый писатель на основании вышепомянутых правил об учении и проповедовании, противных законам и чистой нравственности, и судится общим судебным порядком. 4) Ежели в сочинении излагаются какие-нибудь происшествия или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязан оные доказать, если к суду обиженною стороною призван будет. Если же доказать не может, то подвергается уголовному наказанию по суду присяжных, судясь обыкновенным порядком и 5) сему распорядку подлежат все сочинения большие и малые, все переводы, все ведомости и срочные издания, все живописи, гравировки и, одним словом, все то, что какого бы ни было рода сочинение составляет. Верховному правлению разрешается все подробности по своему усмотрению постановить; срочные же сочинения должны быть издаваемы не иначе, как по предварительному извещению правительства о сем намерении.

§ 19.

Коренные правила в отношении к свободе вероисповедания и духовных действий состоят в следующем: 1) христианская православная, греко-российская вера признана быть должна господствующею верою великого

государства Российского. 2) Все прочие христианские исповедания, равно как и все инородные веры дозволяются в России, если только не противны они российским законам, духовным и политическим, правилам чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека...

«Восстание декабристов». Документы, т. VII, стр. 119—120, 121—122, 126—127, 136—138, 152—153, 156—157, 160, 164, 178, 180, 182—185, 189—190, 196—197, 199—200, 205.

№ 7.— Конституция Н. Муравьева

Глава I. О народе Русском и Правлении

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

Глава II. О гражданах

3. Гражданство есть право определенном в сем уставе порядком участвовать в общественном управлении: посредственно, т. е. выбором чиновников или избирателей; непосредственно, т. е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной власти.

4. Граждане суть те жители Российской империи, которые пользуются правами выше определенными.

5. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

1) Не менее 21 года возраста.
2) Известное и постоянное жительство.
3) Здравие ума.
4) Личная независимость.
5) Исправность платежа общественных повинностей.
6) Непорочность пред лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствующий 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе

гражданства Российского у судебной власти, отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился.

7. Иностранец, не получивши гражданства, не может исполнять никакой общественной или военной должности в России — не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель.

8. Через 20 лет по приведении в исполнение сего устава Российской империи никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан гражданином.

9. Права гражданства теряются на время:

1) Судебным объявлением о расслаблении ума.

2) Нахождением под судом.

3) Судебным определением о временном лишении прав.

4) Объявленным банкротством.

5) Общественною недоимкою.

6) Нахождением в услужении при ком-либо.

7) Неизвестностью местопребывания, занятий и средств к пропитанию.

Навсегда:

1) вступлением в подданство иностранного государства.

2) Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства.

3) Приговором суда бесчестному наказанию, влекущему за собою лишение гражданских прав.

4) Если гражданин без согласия веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титло или звание почетное, или приносящее прибыль от иностранного правления, государя или народа.

Глава III. О состоянии, личных правах и обязанностях русских

10. Все Русские равны пред законом.

11. Русскими почитаются все коренные жители России и дети иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям отечества и явиться на защиту Родины, когда потребует того закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вере, по которой все люди — братья, все рождены благо по воле божьей, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан перед судом и подлежат присяжным.

15. Существующие ныне гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 рублей серебр.), поступает на суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответственностью тех, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причине его задержания, в противном случае он немедленно освобождается.

20. Заключенный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него порука.

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнародованного до преступления и правильно, законным образом приведенного в исполнение.

22. Устав сей определит, каким чиновникам и в каких обстоятельствах предоставляется право давать письменные приказания задержать кого-либо из граждан, сделать домовый обыск, забрать его бумаги и распечатать письма его. Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки.

23. Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащими.

25. Крестьяне экономические и удельные будут называться общими владельцами, равно как и ныне называющиеся вольными хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, предоставляется им в общественное владение и признается их собственностью. Удельное правление уничтожается.

26. Последующие законы определят, каким образом сии земли поступят из общественного в частное владение каждого из поселян, и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

28. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих владельцев.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собой, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русского. Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием гражданина или Русского...

32. Граждане имеют право составить всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения: лишь только б действия оных не были противозаконными...

Глава IV. О России

43. В законодательном и исполнительном отношениях вся Россия делится на 13 Держав, 2 области и 568 уездов или поветов.

Все население полагается в 22 630 000 жителей мужеского пола, и по сему предположению разочтено представительство оной:

Жители муж. пола	*Державы*	*Столица*
450 000	I. Ботническая	Гельсингфорс
1 685 000	II. Волховская	Г. св. Петра
750 000	III. Балтийская	Рига
2 125 000	IV. Западная	Вильно
2 600 000	V. Днепровская	Смоленск
3 465 000	VI. Черноморская	Киев
750 000	VII. Кавказская	Тифлис
3 500 000	VIII. Украинская	Харьков
2 450 000	IX. Заволжская	Ярославль
2 000 000	X. Камская	Казань
1 425 000	XI. Низовская	Саратов
490 000	XII. Обийская	Тобольск
250 000	XIII. Ленская	Иркутск
	Московская область	Москва
	Донская	Черкасск

Державы делятся на уезды, уезды на волости от 500 до 1500 жителей мужеского пола.

В судебном отношении державы делятся на округи, равные нынешним губерниям...

Глава VI. О Народном вече

59. Народное вече, состоящее из верховной думы и палаты народных представителей, облечено всею законодательной властию.

Глава VII. О палате представителей, о числе и выборе представителей

60. Палата представителей составлена из членов, выбранных на два года гражданами Держав.

61. Во время своего избрания представитель должен жительствовать в избравшей его Державе.

62. Лица, принявшие на себя подряды и поставки на общественные требы, не могут до совершенного окончания оных быть представителями.

63. Кроме означенных в § 5 условий, чтобы быть представителем, требуется только Доверие большого числа избирателей уезда или повета с следующими однако ограничениями:

1) Иностранец, получивший права русского гражданства, может быть избран в представители только через 7 лет после его гражданствования.

64. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом: Каждые 50 000 обывателей мужеского пола посылают в палату представителей одного представителя. В числе сих 50 000 должно только полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

65. Подробное исчисление всех жителей должно быть сделано три года после приведения сего Устава в исполнение, а потом чрез каждые 10 лет должна происходить новая перепись, таким образом, как определит особый на то закон.

66. До тех пор назначается число представителей 450. Каждые два года последний вторник сентября месяца имеют быть сходки для выбора народных представителей под председательством уездных или поветовых тысяцких и их помощников. Первые выборы должны воспоследовать немедленно по обнародовании сего Устава...

Глава VIII. О Думе верховной

73. Верховная дума состоит из трех граждан каждой Державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего 42 члена. Члены Верховной думы избираются правительственными сословиями Держав и областей, т. е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными думами....

75. Условия, необходимые, чтобы быть членом Верховной думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительства во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1500 фунтов чистого серебра, или движимого на 3000 фунтов серебра.

76. Дума избирает сама своего председателя, наместника председателя и прочих своих чиновников. Председатель наблюдает за порядком рассуждений, но не имеет права голоса. Наместник занимает его место, когда он в отсутствии.

77. Верховной думе принадлежит суд над министрами, верховными судьями и всеми прочими сановниками империи, обвиненными народными представителями. Ни-

кто не может быть объявлен виновным, как только $^2/_3$ голосов всех присутствующих членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только объявить подсудимого виновным и лишить его занимаемого им места и звания. Дальнейшее суждение над виновным продолжается в присутственных местах обыкновенным порядком судебным с присяжными, по письменному обвинению верховного блюстителя (генерал-прокурора) (который лично ответствует суду, когда обвинение докажется несправедливым). Изобличенный судом государственный сановник подвергается казни, определенной законами.

Дума участвует вместе с императором в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и верховного блюстителя. Для сего потребно большинство $^2/_3$ членов Думы.

Глава IX. О власти, преимуществах Народного веча и составлении законов

78. Народное вече собирается по крайней мере раз в год. Открытие его заседаний назначается в первый вторник декабря месяца, доколе законом не будет определено другого срока.

79. Каждая палата сама судит о правах и выборе своих членов. В обеих большинство достаточно, чтобы судить о делах, но четвертая часть оных имеет право отсрочивать заседания от дня на день, до съезда остальных членов и уполномочены принудить ответствующих членов прибыть к заседаниям таковыми пенями, каковые будут по сему предмету установлены обеими палатами.

80. Каждая палата имеет право сделать свое постановление наказывать членов своих за непристойное поведение и в случае преступления, но отнюдь не мнений, исключить члена определением $^2/_3$ голосов.

81. Заседания обеих палат публичные. Обе палаты однако же по предложению императора рассуждают с замкнутыми дверями, выслав наперед всех посторонних. Сие происходит равным образом в палате представителей, когда 50 членов оной востребуют тайного совещания, и в Верховной думе по востребованию 5 членов. Женщины и несовершеннолетние до 17-летнего возраста не допускаются на заседание обеих палат...

88. Всякий проект закона прочитается три раза в каждой палате. Между всяким чтением должно пройти три дня по крайней мере; после каждого чтения происходят рассуждения. После первого чтения проект закона печатается и раздается всем присутствующим членам.

89. Всякое предложение, получившее согласие Думы и палаты представителей, должно еще быть представлено императору, чтобы получить силу закона. Если император одобряет предложение, то подписывает оное, ежели не одобряет, то отсылает со своими замечаниями в ту палату, в которую оно сначало поступило. Палата записывает в свой журнал все замечания императора против сего предложения и вновь открывает об этом рассуждения. Если после сего вторичного суждения о предложении $^2/_3$ членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями императора в другую палату, которая начнет также разбирать оное вновь, и там, если таковых большинство одобряет оное, оно становится уже от того законом. В подобных сему случаях члены палаты должны подавать свои голоса через одно выражение да или нет, и в журнале каждой палаты записываются имена всех членов, подававших голоса в пользу или против сего предложения.

90. Ежели император по прошествии 10 дней (исключая воскресных) не возвратит представленного ему проекта, то оный получает силу закона. Если же Народное вече отсрочит между тем свои заседания, то предложение не становится законом. Всякое приказание, решение, или прокламация и манифест, требующие содействия обеих палат (исключая рассуждения об отсрочке заседаний), должно быть представлено императору и утверждено им, чтобы быть приведенным в исполнение; если же он отвергнет оное, то оно должно быть снова принято $^2/_3$ обеих палат, сходно с правилами, выше означенными.

91. Проект, отвергнутый одной из палат, может быть вновь представлен только в следующий съезд Народного веча.

92. Народное вече имеет власть постановлять и отменять законы судные и исполнительные, то есть:

1) Издать для России Уложение гражданское, уголовное, торговое и военное; установить учреждения по благочинию и правила Судопроизводства и внутреннего управления присутственных мест.

2) Объявлять законом в случае нашествия или возмущения, что такая область находится на военном положении и под военными законами.

3) Обнародовать закон о Всепрощении.

4) Распускать правительственные собрания Держав в случае, если бы оные преступали пределы своей власти, и повелеть избирателям приступить к новым выборам.

5) Объявлять войну.

6) Устройство, содержание, управление, расположение и движение войск сухопутных и морских, система укрепления пределов, берегов, пристаней, набор, пополнение войск и внутренняя стража зависят от узаконений Народного веча.

7) Налоги, займы, проверка расходов, пенсии, жалованья, все сборы и издержки, одним словом, все финансовые меры. Но оно не может утвердить никакой бюджет более, чем на два года.

8) Все меры правительства о промышленности, о богатстве народном, учреждении ямов, почт, содержание сообщений сухопутных и водяных, заведение новых, учреждение банков.

9) Покровительствует наукам и полезным искусствам: дает сочинителям и изобретателям исключительное право пользоваться определенное число лет их сочинениями и изобретениями.

10) Постановления правил для награждения гражданских чиновников, устройство порядка службы во всех отраслях управления и статистич. отчеты всех частей правительства.

11) Получа донесение министров, в случае болезни телесной или нравственной императора, кончины или отречения, объявляет регенство или провозглашает наследника императором.

12) Избирает правителей Держав.

93. Народное вече не имеет власти учреждать новых конституционных законов, ни отменять существующих, одним словом, не имеет права издавать постановлений ни о каком предмете, не помещенном в сем исчислении прав его.

94. Народное вече, составленное из мужей избранных народа русского и представляя его собою, приемлет наименование его величества.

95. Народное вече определяет общие налоги и издержки, предоставляя частные распоряжениям правительственных собраний Держав. Существующие долги признаются Народным вечем, которое ручается в платеже оных...

98. Народное вече не имеет власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо вероисповедание или раскол. Вера, совесть и мнение граждан, пока оные не обнаруживаются противозаконными действиями, не подлежат власти Народного веча. Но раскол, основанный на разврате или на действиях противоестественных, преследуется присутственными местами на основании общих постановлений. Народное вече не имеет власти нарушать свободы речей и книгопечатания...

Глава X. О верховной исполнительной власти

101. Император есть: верховный чиновник российского правительства. Его права и преимущества суть:

1-ое. Власть его наследственная по прямой линии от отца к сыну, но от тестя она переходит к зятю.

2) Он соединяет в особе своей всю исполнительную власть.

3) Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждает ее ко вторичному рассмотрению закона.

4) Он верховный начальник сухопутной и морской силы.

5) Он верховный начальник всякого отделения земских войск, поступающего в действительную службу империи.

6) Он может требовать письменного мнения главного чиновника каждого исполнительного департамента о всяком предмете, с его обязанностью сопряженном.

7) Ведет переговоры с иностранными державами и заключает мирные трактаты с совета и согласия Верховной думы, лишь только две трети присутствующих Думы на то согласились. Трактат, таковым образом заключенный, поступает в число Верховных законов.

8) Он назначает посланников, министров и консулов и представляет Россию во всех ее отношениях с иностранными державами. Он назначает всех чиновников, о которых не говорено в сем Уставе.

9) Не может однакоже помещать в трактатах статей, нарушающих права и состояние граждан внутри отечества. Равным образом не может включать в оные без согласия Веча народного условий напасть на какую-либо землю, не может уступить никакого участка земель, принадлежащих России...

12) Он означает и постановляет по каждой отрасли дел или в каждом приказе главу, как то:

1 — Главу казначейского приказа (М. фин.).

2 — Главу приказа сухопутных сил (Мин. военного).

3 — Главу приказа морских сил (Мор. мин.).

4 — Главу приказа внешних сношений.

13) Он обязан при каждом съезде обеих палат доставлять Народному вечу сведения о состоянии России и представлять его суждению принятие мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными...

15) Не может употреблять войск во внутренности России в случае возмущения, не сделав о том предложения Народному вечу, которое немедленно обязано удостовериться посредством следствия в необходимости военного положения...

Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 321—326, 328—336.

№ 8.— Правила Общества Соединенных Славян

1) Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего оружия. Друзья тебе помогут, оружие тебя защитит.

2) Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь.

3) Каждый почтет тебя великим, когда гордости и избытку искать не будешь.

4) Простота, трезвость и скромность — сии блюстительницы — сохранят твое спокойствие.

5) Не желай более того, что имеешь, и будешь независимым.

6) Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим, и удовольствия с любовию водворятся в доме твоем.

7) Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма и будешь иметь истинное уважение от друзей твоих.

8) Невежество с детьми своими — гордостию, суетностью и фанатизмом,— да будет твоим злым духом Вельзевулом.

9) Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи других народов; пользоваться же только истинно хорошими обязан.

10) Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся, и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека.

11) Будешь добродетельным, и добродетель целой жизни соплетет венец спокойствия для твоей совести.

12) Употребишь даже свое оружие, если того нужда будет требовать на защиту невинности, и от несправедливости и мщения не погибнешь, ибо друзья твои защищать тебя будут.

13) Будешь помогать своим рассудком и своим оружием друзьям твоим и они также помогать тебе будут.

14) Будешь таким, и гордость тирании с своею суетностью падет перед тобою на колена.

15) Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построить четыре флота: Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в средине оных воздвигнешь город и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги, тобою начертанною, совращаться не будет.

16) В портах твоих, славянин, будут цвести торговля и морская сила, а в городе посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет.

17) Желаешь иметь сие? соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя. Желаешь все то иметь? будешь жертвовать 10-ою частью твоих доходов годовых и будешь обитать в сердцах друзей твоих... «Дух рабства показывается обыкновенно надменным, подобно, как дух вольности бодрым, а дух истинной великости простым». Вот что вы должны наблюдать.

М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М.-Л., Госиздат, 1927, стр. 96—98.

№ 9.— Программа манифеста, найденная 14 декабря в бумагах «диктатора» князя С. П. Трубецкого

В Манифесте Сената объявляется.

1-е. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного, до установления постоянного, выборными.

3. Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное отправление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей.

6. Равенство всех сословий перед законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомства ближайших судов гражданских.

7. Объявление права всякому гражданину заниматься чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как то: земли, дома в деревнях и городах; заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом пред судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополий, как то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатой за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, и определение онаго последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, и порядка выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначенных.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские.

Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчиняет все части высшего управления, то есть все министерства, Совет, Комитет министров, армии, флот. Словом, всю верховную, исполнительную власть, но отнюдь не законодательную, и не судную.— Для сей последней остается министерство, подчиненное временному

правлению, но для суждения дел, не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената уголовный и учреждается гражданский, кои решают окончательно, и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1-е. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в Палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

«Восстание декабристов». Материалы, т. I. Под общей ред. М. Н. Покровского. М.-Л., Госиздат, 1925, стр. 107—108. № 43.

2. П. Я. ЧААДАЕВ

№ 10.— П. Я. Чаадаев «Философическое письмо» (письмо первое)

...Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

Эта дивная связь человеческих идей на протяжении веков, эта история человеческого духа, вознесшая его до той высоты, на которой он стоит теперь во всем остальном мире,— не оказали на нас никакого влияния. То, что

в других странах уже давно составляет самую основу общежития, для нас — только теория и умозрение...

У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Это — эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями; это — необходимая основа всякого общества. Иначе в памяти народов не было бы ничего, чем они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь к праху земли, на которой живут. Этот увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха, в которую их способности развиваются всего сильнее и память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. У нас ничего этого нет. Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унизительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть,— такова печальная история нашей юности. Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании. Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство,— вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздал бы его перед вами живо и картинно. Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не в надежде или расчете на какое-нибудь общее благо, а из детского легкомыслия, с каким ребенок силится встать и протягивает руки к погремушке, которую показывает ему няня.

Истинное развитие человека в обществе еще не началось для народа, если жизнь его не сделалась более благоустроенной, более легкой и приятной, чем в неустойчивых условиях первобытной эпохи. Как вы хотите, чтобы семена добра созревали в каком-нибудь обществе, пока оно еще колеблется без убеждений и правил даже в отношении повседневных дел и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это — хаотическое брожение в мире духовном, подобное тем переворотам в истории земли, которые предшествовали современному состоянию нашей планеты. Мы до сих пор находимся в этой стадии.

Годы ранней юности, проведенные нами в тупой неподвижности, не оставили никакого следа в нашей душе, и у нас нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль; но, обособленные странной судьбой от всемирного движения человечества, мы также ничего не восприняли и из *преемственных* идей человеческого рода. Между тем, именно на этих идеях основывается жизнь народов; из этих идей вытекает их будущее, исходит их нравственное развитие. Если мы хотим занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого к нашим услугам история народов и перед нами плоды движения веков. Конечно, эта задача трудна и, быть может, в пределах одной человеческой жизни не исчерпать этот обширный предмет; но прежде всего надо узнать, в чем дело, что представляет собою это воспитание человеческого рода, и каково место, которое мы занимаем в общем строе.

Народы живут лишь могучими впечатлениями, которые оставляют в их душе протекшие века, да общением с другими народами. Вот почему каждый отдельный человек проникнут сознанием своей связи со всем человечеством.

Что такое жизнь человека, говорит Цицерон, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошедшим! Мы же, придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства. Что у других

народов обратилось в привычку, в инстинкт, то нам приходится вбивать в головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда. Так как мы воспринимаем всегда лишь готовые идеи, то в нашем мозгу не образуются те неизгладимые борозды, которые последовательное развитие проводит в умах и которые составляют их силу. Мы растем, но не созреваем; движемся вперед, но по кривой линии, т. е. по такой, которая не ведет к цели. Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего; все их знание — в их внешнем быте, вся их душа — вне их. Именно таковы мы.

Народы — в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы. Но мы, можно сказать, некоторым образом — народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?..

Я не хочу сказать, конечно, что у нас одни пороки, а у европейских народов одни добродетели; избави бог! Но я говорю, что для правильного суждения о народах следует изучать общий дух, составляющий их жизненное начало, ибо только он, а не та или иная черта их характера, может вывести их на путь нравственного совершенства и бесконечного развития...

И вот я спрашиваю вас, где наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь за нас мыслит? А ведь, стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем

в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединять в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок, и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара. Но не такова роль, определенная нам Провидением. Больше того: оно как бы совсем не было озабочено нашей судьбой. Исключив нас из своего благодетельного действия на человеческий разум, оно всецело предоставило нас самим себе, отказалось как бы то ни было вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить. Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

Странное дело: даже в мире науки, обнимающем все, наша история ни к чему не примыкает, ничего не уясняет, ничего не доказывает. Если бы дикие орды, возмутившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем устремиться на Запад, нам едва ли была бы отведена страница во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы. Некогда великий человек захотел просветить нас, и для того, чтобы приохотить нас к образованию, он кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но не дотронулись до просвещения. В другой раз, другой великий государь, приобщая нас к своему славному предназначению, провел нас победоносно с одного конца Европы на другой; вернувшись из этого триумфального шествия через просвещеннейшие страны мира, мы принесли с собою лишь идеи и стремления, плодом которых было громадное несчастье, отбросившее нас на полвека назад. В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу. И в общем мы жили и продолжаем

жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять; ныне же мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке. Я не могу вдоволь надивиться этой необычайной пустоте и обособленности нашего социального существования. Разумеется, в этом повинен отчасти неисповедимый рок, но, как и во всем, что совершается в нравственном мире, здесь виноват отчасти и сам человек. Обратимся еще раз к истории: она — ключ к пониманию народов.

Что мы делали о ту пору, когда в борьбе энергического варварства северных народов с высокою мыслью христианства складывалась храмина современной цивилизации? Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания. Волею одного честолюбца эта семья народов только что была отторгнута от всемирного братства, и мы восприняли, следовательно, идею, искаженную человеческою страстью. В Европе все одушевлял тогда животворный принцип единства. Все исходило из него и все сводилось к нему. Все умственное движение той эпохи было направлено на объединение человеческого мышления; все побуждения коренились в той властной потребности отыскать всемирную идею, которая является гением-вдохновителем нового времени. Непричастные этому чудотворному началу, мы сделались жертвою завоевания. Когда же мы свергли чужеземное иго, и только наша оторванность от общей семьи мешала нам воспользоваться идеями, возникшими за это время у наших западных братьев,— мы подпали еще более жесткому рабству, освещенному, притом, фактом нашего освобождения.

Сколько ярких лучей уже озаряло тогда Европу, на вид окутанную мраком! Бо́льшая часть знаний, которыми теперь гордится человек, уже были предугаданы отдельными умами; характер общества уже определился, а, приобщившись к миру языческой древности, христианские народы обрели и те формы прекрасного, которых им еще недоставало. Мы же замкнулись в нашем религиозном обособлении, и ничто из происходившего в Европе не достигало до нас. Нам не было никакого дела до великой мировой работы. Высокие качества, которые религия принесла в дар новым народам и которые в гла-

зах здравого разума настолько же возвышают их над древними народами, насколько последние стояли выше готтентотов и лапландцев; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые, вследствие подчинения безоружной власти, сделались столь же мягкими, как раньше были грубы,— все это нас совершенно миновало. В то время, как христианский мир величественно восшествовал по пути, предначертанному его божественным основателем, увлекая за собою поколения,— мы, хотя и носили имя христиан, не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода совершались помимо нас. Хотя мы и назывались христианами, плод христианства для нас не созревал...

Спрашиваю вас, не наивно ли предполагать, как это обыкновенно делают у нас, что этот прогресс европейких народов, совершившийся столь медленно и под прямым и очевидным воздействием единой нравственной силы, мы можем усвоить сразу, не дав себе даже труда узнать, каким образом он осуществлялся?..

«Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II. Под ред. М. О. Гершензона. М., 1914, стр. 109—113, 116—119.

№ 11.— А. И. Герцен о «Философическом письме» П. Я. Чаадаева

«...«Письмо» Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь,— весть об утре или о том что его не будет,— все равно надобно было проснуться.

Что, кажется, значит два-три листа, помещенных в ежемесячном обозрении? А между тем, такова сила речи сказанной, такова мощь слова в стране, молчащей и не привыкнувшей к независимому говору, что «Письмо» Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию. Оно имело полное право на это. После «Горе от ума» не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление. Между ними — десятилетнее молчание, 14 декабря, виселицы, каторга,

Николай. Петровский период переломился с двух концов. Пустое место, оставленное сильными людьми, сосланными в Сибирь, не замещалось. Мысль томилась, работала — но еще ни до чего не доходила. Говорить было опасно — да и нечего было сказать; вдруг тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала речи для того, чтоб спокойно сказать свое lasciate ogni speranza [1]...

Долго оторванная от народа часть России пространа молча, под самым прозаическим, бездарным, ничего не дающим в замену игом. Каждый чувствовал гнет, у каждого было *что-то* на сердце, и все-таки все молчали; наконец пришел человек, который по-своему сказал *что*. Он сказал только про боль, светлого ничего нет в его словах, да нет ничего и во взгляде. «Письмо» Чаадаева — безжалостный крик боли и упрека петровской России; она имела право на него: разве эта среда жалела, щадила автора или кого-нибудь?

Разумеется, такой голос должен был вызвать против себя оппозицию или он был бы совершенно прав, говоря, что прошедшее России пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет, что это «пробел разумения, грозный урок, данный народам,— до чего отчуждение и рабство могут довести». Это было показание и обвинение; знать вперед, *чем* примириться,— не дело раскаяния, не дело протеста, или сознание в вине — шутка, и искупление — неискренно.

Но оно и не прошло так: на минуту все, даже сонные и забитые, отпрянули, испугавшись зловещего голоса. Все были изумлены, большинство оскорблено, человек десять громко и горячо рукоплескали автору. Толки в гостиных предупредили меры правительства, накликали их. Немецкого происхождения русский патриот Вигель (известный не с лицевой стороны по эпиграмме Пушкина) пустил дело в ход.

Обозрение было тотчас запрещено; Болдырев, старик ректор Московского университета и ценсор, был отставлен, Надеждин, издатель, сослан в Усть-Сысольск; Чаадаева Николай приказал объявить *сумасшедшим* и обязать подпиской *ничего* не писать. Всякую субботу приезжал к нему доктор и полицмейстер, они свидетельствовали его и делали донесение, т. е. выдавали за своей

[1] Оставьте всякую надежду (итал.). — *Ред.*

подписью *пятьдесят два фальшивых свидетельства по высочайшему повелению,*— умно и нравственно. Наказанные, разумеется были они; Чаадаев с глубоким презрением смотрел на эти шалости в самом деле поврежденного своеволья власти. Ни доктор, ни полицмейстер никогда не заикались, зачем они приезжали.

А. И. Герцен. Былое и думы.— Собрание сочинений в 30 томах, т. IX. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 139—141.

№ 12.— Из письма А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву

19 октября 1836 г.

Благодарю за брошюру[1], которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы, и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех... Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся

[1] «Философическое письмо». — *Прим. сост.*

в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре,— как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история... Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен,— но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, той, какой нам бог ее дал...

А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах, т. 10. М., 1962, стр. 309—310.

№ 13.— П. Я. Чаадаев. Из «Апологии сумасшедшего». 1837 г.

...Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсем похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существование и снова выбросили в океан людских треволнений мою ладью, приставшую было у подножия креста. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носиться со своими иллюзиями, и которым, к сожалению, страдают у нас многие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. Тот обнаружил бы, по-моему, глубокое понимание роли, выпавшей нам на долю, кто стал бы утверждать, что мы обречены кое-как повторять весь длинный ряд безумств, совершенных народами, которые находились в менее благоприятном положении, чем мы, и снова пройти через все бедствия, пережитые ими. Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что боль-

шое преимущество — иметь возможность созерцать мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества...

Что же, разве я предлагаю моей родине скудное будущее? Или вы находите, что призываю для нее бесславные судьбы? И это великое будущее, которое, без сомнения, осуществится, эти прекрасные судьбы, которые, без сомнения, исполнятся, будут лишь результатом тех особенных свойств русского народа, которые впервые были указаны в злополучной статье. Во всяком случае, мне давно хотелось сказать, и я счастлив, что имею теперь случай сделать это признание: да, было преувеличение в этом обвинительном акте, предъявленном великому народу, вся вина которого в конечном счете сводилась к тому, что он был заброшен на крайнюю грань цивилизации мира, далеко от стран, где естественно должно было накопляться просвещение, далеко от очагов, откуда оно сияло в течение стольких веков; было преувеличением не признать того, что мы увидели свет на почве, не вспаханной и не оплодотворенной предшествующими поколениями, где ничто не говорило нам о протекших веках, где не было никаких задатков нового мира; было преувеличением не воздать должного этой церкви, столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утешает за пустоту наших летописей, которой принадлежит честь каждого мужественного поступка, каждого прекрасного самоотвержения наших отцов, каждой прекрасной страницы нашей истории; наконец, может быть преувеличением было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина...

«Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II, 1914, стр. 226—229.

3. В. Г. БЕЛИНСКИЙ И А. И. ГЕРЦЕН

№ 14. — Из письма В. Г. Белинского к В. П. Боткину

11 декабря 1840 г.

Однако ж, черт возьми, я ужасно изменяюсь; но это не страшит меня, ибо с пошлою действительностию я все более и более расхожусь, в душе чувствую больше жару и энергии, больше готовности умереть и пострадать за свои убеждения. В прошедшем меня мучат две мысли: первая, что мне представлялись случаи к наслаждению, и я упускал их, вследствие пошлой идеальности и робости своего характера; вторая: мое гнусное примирение с гнусной действительностью. Боже мой, сколько отвратительных мерзостей сказал я печатно, со всею искренностию, со всем фанатизмом дикого убеждения!.. Проснулся я — и страшно вспомнить мне о моем сне... А это насильственное примирение с гнусною расейскою действительностью, этим китайским царством материальной животной жизни, чинолюбия, крестолюбия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности,— где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мыслей истреблена до того, что фраза в повести Панаева — «измайловский офицер, пропахнувший Жуковым», даже такая невинная фраза кажется либеральною (от нее взволновался весь Питер, Измайловский полк жаловался формально великому князю за оскорбление и распространился слух, что Пан[аев] посажен в крепость), где Пушкин жил в нищенстве[?] и погиб жертвою подлости, а Гречи и Булгарины заправляют всею литературою, помощию *доносов,* и живут припеваючи... Нет, да отсохнет язык, который заикнется оправдывать все это,— и если мой отсохнет — жаловаться не буду. Что есть, то разумно; да и палач ведь есть же, и существование его разумно и действительно, но он тем не менее гнусен и отвратителен. Нет, отныне — для меня *либерал и человек* — одно и то же... Черт знает, как подумаешь, какими зигзагами совершалось мое развитие, ценою каких ужасных заблуждений купил я истину, и какую горькую истину — что

все на свете гнусно, а особенно вокруг нас... Ты помнишь мои первые письма из Питера — ты писал ко мне, что они производили на тебя тяжелое впечатление, ибо в них слышался скрежет зубов и вопли нестерпимого страдания: от чего же я так ужасно страдал? — от действительности, которую называл разумною и за которую ратовал....

В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 575—578.

№ 15.— Письмо Белинского В. П. Боткину

8 сентября 1841 г.

Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что *я* понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству, моими ближними во Христе, но кто — мне чужие и враги по своему невежеству? Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братиями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем под мышкою чиновника, и довольного собою офицера, и гордого вельможи. Подавши грош солдату, я чуть не плачу, подавши грош нищей, я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая слышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улице в лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке — и люди это видят, и никому до этого нет дела!.. Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») и т. п. Рассудок для меня теперь выше разумности (разумеется — непосредственной),

а потому мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средние века — великая эпоха, понимаю святость, поэзию, грандиозность религиозности средних веков; но мне приятнее XVIII век — эпоха падения религии: в средние века жгли на кострах еретиков, вольнодумцев, колдунов; в XVIII — рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности. И настанет время — я горячо верю этому, настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть; когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей, и воля будет уступать не воле, а одной любви; когда не будет мужей и жен, а будут любовники и любовницы, и когда любовница придет к любовнику и скажет: «Я люблю другого», любовник ответит: «Я не могу быть счастлив без тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай к тому, кого ты любишь», и не примет ее жертвы, если по великодушию она захочет остаться с ним, но, подобно богу, скажет ей: «Хочу милости, а не жертвы...» Женщина не будет рабою общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища — условного понятия. Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдаст свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею. Не думай, чтобы я мыслил рассудочно: нет, я не отвергаю прошедшего, не отвергаю истории — вижу в них необходимое и разумное развитие идеи; хочу золотого века, но не прежнего бессознательного, животного золотого века, но приготовленного обществом, законами, браком, словом, всем, что было в свое время необходимо, но что теперь глупо и пошло. Боткин, ведь ты веришь, что я, как бы ты ни поступил со мною дурно, не дам тебе оплеухи, как Катков Бакунину (с которым потом опять сошелся), и я верю, что и ты ни в коем случае не поступишь со мною так; что же гарантирует нас — неужели полиция и законы? — Нет, в наших отношениях не нужны они — нас гарантирует разумное сознание, воспитание в социаль-

ности. Ты скажешь — натура? Нет, по крайней мере, я знаю, что с моей натурою назад тому лет 50, почитая себя оскорбленным тобою, я был бы способен зарезать тебя сонного именно потому, что любил бы тебя более других. Но в наше время и Отелло не удушил бы Дездемоны даже и тогда, когда б она сама созналась в измене. Но почему же мы очеловечились до такой степени, когда вокруг нас целые миллионы пресмыкаются в животности? — Опять натура? — Так? Следовательно, для низших натур невозможно очеловечение? — Вздор — хула на духа! Светский пустой человек жертвует жизнию за честь, из труса становится храбрецом на дуэли, не платя ремесленнику кровавым потом заработанных денег, делается нищим и платит карточный долг,— что побуждает его к этому? — Общественное мнение? Что же сделает из него общественное мнение, если оно будет разумно вполне? К тому же, воспитание всегда делает нас или выше, или ниже нашей натуры, да, сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это сделается через *социальность*. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастию. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов....

В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 69—91.

№ 16.— Письмо к Н. В. Гоголю

[15 июля н. с. 1847 г.
Зальцбрунн]

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженного* человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение Вашей книги. Но Вы вовсе не правы, приписавши это Вашим действительно не совсем лестным отзывам о почитателях Вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если б все дело заключалось только в нем; но нельзя перенести оскорбленного чувства истины,

человеческого достоинства; нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил Вас со всею страстью, с какой человек, кровно связанный со своею страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И Вы имели основательную причину хотя на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, что я считал любовь мою наградою великого таланта, а потому, что, в этом отношении, представляю не одно, а множество лиц, из которых ни Вы, ни я не видали самого большего числа и которые, в свою очередь, тоже никогда не видели Вас. Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали, при появлении ее, все враги Ваши — и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п.), и литературные, которых имена Вам известны. Вы сами видите хорошо, что от Вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом. Если б она и была написана вследствие глубоко искреннего убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление. И если ее принимали все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтобы не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур перетоненную проделку для достижения небесным путем чисто земных целей — в этом виноваты только Вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что Вы находите это удивительным. Я думаю, это от того, что Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего *прекрасного далека,* а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому, что Вы, в этом *прекрасном далеке,* живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию. Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не

в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизаци, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками;* страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостою плетью. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале,— является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!..* И это не должно было привести меня в негодование?.. Да если бы Вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел Вас за эти позорные строки... И после этого Вы хотите, чтобы верили искренности направления Вашей книги? Нет, если бы Вы действительно преисполнились истиною Христова, а не дьяволова учения,— совсем не то написали бы Вы Вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне — его братья

во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хоть, по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении. А выражение: *ах ты неумытое рыло!* да у какого Ноздрева, какого Собакевича подслушали Вы его, чтобы передать миру как великое открытие в пользу и назидание русских мужиков, которые, и без того, потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы в словах глупой бабы в повести Пушкина, и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления — быть без вины виноватым! И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления!.. Не может быть!.. Или Вы больны, и Вам надо спешить лечиться, или — не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не

знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста...

А потому, неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, Вы знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем как первое никогда ничем не было, кроме как слугою и рабом светской власти; но неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: *дурья порода, колуханы, жеребцы?* — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать.* Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностью — ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме: его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиоз-

ность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительно.

Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил Вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к Вам, по их направлению. Что касается меня лично, предоставляю Вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для Вас); только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего *прекрасного далека;* вблизи-то она не так красива и не так безопасна... Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух — он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем religiosa mania, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим окомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!..

Вспомнил я еще, что в Вашей книге Вы утверждаете как великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать Вам на это? Да простит Вас Ваш византийский бог за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге, Вы не знали, что творили...

«Но, может быть,— скажете Вы мне,— положим, что я заблуждался, и все мои мысли ложь; но почему ж отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить искренности моих заблуждений?»— Потому, отвечаю я Вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею. Конечно, в Вашей книге больше ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; зато они развили общее с Вами учение с большей энергиею и большею последовательностию, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как Вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречия, отстаивали, например,

Пушкина, литературу и театр, которые с Вашей точки зрения, если б только Вы имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить спасением души, но много могут служить к ее погибели. Чья же голова могла переварить мысль о тожественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в Вас искренности подобных убеждений. Что кажется естественным в глупцах, то не может казаться таким в гениальном человеке. Некоторые остановились было на мысли, что Ваша книга есть плод умственного расстройства, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого заключения: ясно, что книга писалась не день, не неделю, не месяц, а может быть год, два или три; в ней есть связь; сквозь небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимны властям предержащим хорошо устраивают земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге слух, будто Вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника. Еще прежде этого в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям в России дают превратный толк, затем обнаруживаете недовольство своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто и т. д. Теперь судите сами: можно ли удивляться тому, что Ваша книга уронила Вас в глазах публики и как писателя и, еще больше, как человека?

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренно или неискренно

отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример — Пушкин, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви. И Вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что Ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказанных Вами всем и каждому. Положим, Вы могли это думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в «Ревизоре» и «Мертвых душах» Вы менее резко, с меньшею истиною и талантом, и менее горькие правды высказали ей? И она, действительно, осердилась на Вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мертвые души» от этого не пали, тогда как Ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья; и это же показывает, что у него есть будущность. Если вы любите Россию, порадуйтесь вместе со мною падению Вашей книги!

Не без некоторого чувства самодовольства скажу Вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать Вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по самой низкой цене, мои друзья приуныли, но я тогда же сказал им, что несмотря ни на что книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И действительно, она теперь памятнее всем статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль — довести о нем до сведения публики — была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно, и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать

при виде чужого страдания, кому тяжко зрелище угнетения чуждых ему людей,— тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуемое Вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой — самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только или гордости, или слабоумия, и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом Вы позволили себе цинически грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о самом себе — это уже гадко, потому что если человек, бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнью смерти, черта и ада веет от Вашей книги. И что за язык, что за фразы! *«Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек».* Неужели Вы думаете, что сказать всяк, вместо всякий, значит выразиться библейски? Какая это великая истина, что когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант! Не будь на Вашей книге выставлено Вашего имени и будь из нее выключены те места, где Вы говорите о самом себе как о писателе, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз — произведение пера автора «Ревизора» и «Мертвых душ»?

Что же касается до меня лично, повторяю Вам: вы ошиблись, сочтя статью мою выражением досады за Ваш отзыв обо мне как об одном из Ваших критиков. Если б только это рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном выразился бы спокойно и беспристрастно. А это правда, что Ваш отзыв о Ваших почитателях вдвойне нехорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает меня смешным; но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но Вы имели в виду людей если не с отменным умом, то все же и не глупцов. Эти люди в своем удивлении к Вашим творениям наделали, может быть, гораздо больше восторженных

восклицаний, нежели сколько высказали о них дела; но все же их энтузиазм к Вам выходит из такого чистого и благородного источника, что Вам вовсе не следовало бы выдавать их головою общим их и Вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать какой-то предосудительный толк Вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это по увлечению главною мыслию Вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил Вашу мысль и напечатал на Ваших почитателей (стало быть, на меня всех больше) чистый донос. Он это сделал, вероятно, в благодарность Вам за то, что Вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его *«вялый влачащийся по земле стих»*. Все это нехорошо! А что Вы только ожидали времени, когда Вам можно будет отдать справедливость и почитателям Вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением Вашим врагам), этого я не знал, не мог, да, признаться, и не захотел бы знать. Передо мною была Ваша книга, а не Ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз, и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро превратилось бы в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к Вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя Вы всем и каждому печатно дали право писать к Вам без церемоний, имея в виду одну правду. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов. Но нынешним летом начинающаяся чахотка погнала меня за границу и N переслал мне Ваше письмо в Зальцбрунн, откуда я сегодня же еду с Ан[ненковым] в Париж через Франкфурт-на-Майне. Неожиданное получение Вашего письма дало мне возможность высказать Вам все, что лежало у меня на душе против Вас по поводу Вашей книги. Я не умею говорить вполовину, не умею хитрить: это не в моей натуре. Пусть Вы или само время докажет мне, что я ошибался в моих о Вас заключениях — я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь в том, что сказал Вам. Тут дело идет не о моей или Вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас:

тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. И вот мое последнее, заключительное слово: если Вы имели несчастие с гордым смирением отречься от Ваших истинно великих произведений, то теперь Вам должно с искренним смирением отречься от последней Вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы Ваши прежние.

Зальцбрунн
15-го июля н. с. 1847-го года.

В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 212—220.

№ 17.— А. И. Герцен о В. Г. Белинском

...Белинский вовсе не оставил вместе с односторонним пониманием Гегеля его философию. Совсем напротив, отсюда-то и начинается его живое, меткое, оригинальное сочетание идей философских с революционными. Я считаю Белинского одним из самых замечательных лиц николаевского периода. После либерализма, кой-как пережившего 1825 год в Полевом, после мрачной статьи Чаадаева является выстраданное, желчное отрицание и страстное вмешательство во все вопросы Белинского. В ряде критических статей он кстати и некстати касается всего, везде верный своей ненависти к авторитетам, часто подымаясь до поэтического одушевления. Разбираемая книга служила ему по большей части материальной точкой отправления, на полдороге он бросал ее и впивался в какой-нибудь вопрос. Ему достаточен стих «Родные люди вот какие» в «Онегине», чтобы вызвать к суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношения родства. Кто не помнит его статьи о «Тарантасе», о «Параше» Тургенева, о Державине, о Мочалове и Гамлете? Какая верность своим началам, какая неустрашимая последовательность, ловкость в плавании между цензурными отмелями и какая смелость в нападках на литературную аристократию, на писателей первых трех классов, на статс-секретарей литературы, готовых всегда взять противника не мытьем — так катаньем, не антикритикой — так доносом! Белинский стегал их беспощадно, терзая мелкое самолюбие чопорных, ограниченных творцов эклог, любителей образования, благотворительности и нежности; он отдавал на посмеяния их дорогие, *задушевные* мысли, их поэтические мечтания,

цветущие под сединами, их наивность, прикрытую аннинской лентой. Как же они за то его ненавидели!..

Статьи Белинского судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, не получены ли «Отечественные записки»; тяжелый номер рвали из рук в руки.— «Есть Белинского статья?» — «Есть»,— и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, *уважений* как не бывало.

Недаром Скобелев, комендант Петропавловской крепости, говорил шутя Белинскому, встречаясь на Невском проспекте:

— Когда же к нам? У меня совсем готов тепленький каземат, так для вас его и берегу...

...В этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура; да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла; бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Как я любил и как жалел я его в эти минуты!..

А. И. Герцен. Былое и думы.— Собрание сочинений в 30 томах, т. IX, стр. 28—31.

№ 18.— А. И. Герцен. Россия (о русской общине)

Русская сельская община существует с незапамятного времени, и довольно схожие формы ее можно найти у всех славянских племен. Там, где ее нет, —она пала под германским влиянием. У сербов, болгар и черногорцев она сохранилась в еще более чистом виде, чем в России. Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; госу-

ударству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником и объектом обложения; она ответственна за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел.

Ее экономический принцип — полная противоположность знаменитому положению Мальтюса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины; эта земля предоставлена ему в пожизненное владение; он не может да и не имеет надобности передавать ее по наследству. Его сын, едва он достигает совершеннолетия, приобретает право, даже при жизни своего отца, потребовать от общины земельный надел. Если у отца много детей — тем лучше, ибо они получают от общины соответственно больший участок земли; по смерти же каждого из членов семьи земля опять переходит к общине.

Часто случается, что глубокие старики возвращают свою землю и тем самым приобретают право не платить податей. Крестьянин, покидающий на время свою общину, не теряет вследствие этого прав на землю; ее можно отнять у него лишь в случае изгнания, а подобная мера может быть применена только при единодушном решении мирского схода. К этому средству однако община прибегает лишь в исключительных случаях. Наконец, крестьянин еще тогда теряет это право, когда по собственному желанию он выходит из общины. В этом случае ему разрешается только взять с собой свое движимое имущество: лишь в редких случаях позволяют ему располагать своим домом или перенести его. Вследствие этого сельский пролетариат в России невозможен.

Каждый из владеющих землею в общине, то есть каждый совершеннолетний и обложенный податью, имеет голос в делах общины. Староста и его помощники избираются миром. Так же поступают при решении тяжбы между разными общинами, при разделе земли и раскладке податей. (Ибо обложению подлежит главным образом земля, а не человек. Правительство ведет счет только по числу душ; община пополняет недоимки в сборе податей по душам при помощи особой раскладки и принимает за податную единицу деятельного

работника, т. е. работника, имеющего в своем пользовании землю.)

Староста обладает большой властью в отношении каждого члена в отдельности, но не над всей общиной; если община хоть сколько-нибудь единодушна, она может очень легко уравновесить власть старосты, принудить его даже отказаться от своей должности, если он не хочет подчиняться ее воле. Круг его деятельности ограничивается, впрочем, исключительно административной областью; все вопросы, выходящие за пределы чисто полицейского характера, разрешаются либо в соответствии с действующими обычаями, либо советом стариков, либо, наконец, мирским сходом. Гакстгаузен допустил здесь большую ошибку, утверждая, что староста деспотически управляет общиной. Он может управлять деспотически только в том случае, если вся община стоит за него.

Эта ошибка привела Гакстгаузена к тому, что он увидел в старосте общины подобие императорской власти. Императорская власть, следствие московской централизации и петербургской реформы, не имеет противовеса, власть же старосты, как и в домосковский период, находится в зависимости от общины.

Необходимо еще принять во внимание, что всякий русский, если он не горожанин и не дворянин, обязан быть приписан к общине и что число городских жителей, по отношению к сельскому населению, чрезвычайно ограничено. Большинство городских работников принадлежит к бедным сельским общинам, особенно к тем, у которых мало земли; но, как уже было сказано, они не утрачивают своих прав в общине; поэтому фабриканты бывают вынуждены платить работникам несколько более того, что тем могли бы приносить полевые работы.

Зачастую эти работники прибывают в города лишь на зиму, другие же остаются там годами; они объединяются в большие работнические артели; это нечто вроде русской подвижной общины. Они переходят из города в город (все ремесла свободны в России), и число их часто достигает нескольких сотен, иногда даже тысячи; таковы, например, артели плотников и каменщиков в Петербурге и в Москве и ямщиков на больших дорогах. Заработком их ведают выборные, и он распределяется с общего согласия.

Прибавьте к этому, что треть крестьянства принадлежит дворянам. Помещичьи права — позорный бич, тяготеющий над частью русского народа,— тем более позорный, что они совершенно не узаконены и являются лишь следствием безнравственного соглашения с правительством, которое не только мирится со злоупотреблениями, но покровительствует им силой своих штыков. Однако это положение, несмотря на наглый произвол дворян-помещиков, не оказывает большого влияния на общину.

Помещик может ограничить своих крестьян минимальным количеством земли; он может выбрать для себя лучший участок; он может увеличить свои земельные владения и тем самым труд крестьянина; он может прибавить оброк, но он не вправе отказать крестьянину в достаточном земельном наделе, и если уж земля принадлежит общине, то она полностью остается в ее ведении, на тех же основаниях, что и свободная земля; помещик никогда не вмешивается в ее дела; были, впрочем, помещики, хотевшие ввести европейскую систему парцеллярного раздела земель и частную собственность.

Эти попытки исходили по большей части от дворян прибалтийских губерний; но все они проваливались и обыкновенно заканчивались убийством помещиков или поджогом их замков,— ибо таково национальное средство, к которому прибегает русский крестьянин, чтобы выразить свой протест. Иностранные переселенцы, напротив, часто принимали русские общинные установления. Уничтожить сельскую общину в России невозможно, если только правительство не решится сослать или казнить несколько миллионов человек...

Человек, привыкший во всем полагаться на общину, погибает, едва лишь отделится от нее; он слабеет, он не находит в себе ни силы, ни побуждений к деятельности: при малейшей опасности он спешит укрыться под защиту этой матери, которая держит, таким образом, своих детей в состоянии постоянного несовершеннолетия и требует от них пассивного послушания. В общине слишком мало движения; она не получает извне никакого толчка, который побуждал бы ее к развитию,— в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение; предоставляя человеку его долю земли, она избавляет его от всяких забот.

Общинное устройство усыпляло русский народ, и сон этот становился с каждым днем все более глубоким,

пока, наконец, Петр I грубо не разбудил часть нации. Он искусственно вызвал нечто вроде борьбы и антагонизма, и именно в этом-то и заключалось провиденциальное назначение петербургского периода.

С течением времени этот антагонизм стал чем-то естественным. Какое счастье, что мы так мало спали; едва пробудившись, мы оказались лицом к лицу с Европой, и с самого начала наш естественный, полудикий образ жизни более соответствует идеалу, о котором мечтала Европа, чем жизненный уклад цивилизованного германо-романского мира; то, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия,— для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием,— мы идем навстречу социализму, как древние германцы, поклонявшиеся Тору или Одину, шли навстречу христианству.

Утверждают, что все дикие народы начинали с подобной же общины; что она достигла у германцев полного развития, но что всюду она вынуждена была исчезнуть с началом цивилизации. Из этого заключили, что та же участь ожидает русскую общину; но я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого.

Германская община пала, встретившись с двумя социальными идеями, совершенно противоположными общинной жизни: феодализмом и римским правом. Мы же, к счастью, являемся со своей общиной в эпоху, когда противообщинная цивилизация гибнет вследствие полной невозможности отделаться, в силу своих основных начал, от противоречия между правом личным и правом общественным. Почему же Россия должна лишиться теперь своей сельской общины, если она сумела сберечь ее в продолжение всего своего политического развития, если она сохранила ее нетронутой под тягостным ярмом московского *царизма,* так же как под самодержавием — в европейском духе — императоров?

Ей гораздо легче отделаться от администрации, насильственно насажденной и совершенно не имеющей корней в народе, чем отказаться от общины; но утверждают, что вследствие постоянного раздела земель общин-

ная жизнь найдет свой естественный предел в приросте населения. Как ни серьезно на первый взгляд это возражение, чтоб его опровергнуть, достаточно указать, что России хватит земли еще на целое столетие и что через сто лет жгучий вопрос о владении и собственности будет так или иначе разрешен. Более того. Освобождение помещичьих имений, возможность перехода из перенаселенной местности в малонаселенную, представляет также огромные ресурсы.

Многие, и среди них Гакстгаузен, утверждают, что, вследствие этой неустойчивости во владении землею, обработка почвы нисколько не совершенствуется; временный владелец земли, в погоне за одной лишь выгодой, которую он из нее извлекает, мало о ней заботится и не вкладывает в нее свой капитал; вполне возможно, что это так. Но агрономы-любители забывают, что улучшение земледелия при западной системе владения оставляет бо́льшую часть населения без куска хлеба, и я не думаю, чтобы растущее обогащение нескольких фермеров и развитие земледелия как искусства могли бы рассматриваться даже самой агрономией как достаточное возмещение за отчаянное положение, в котором находится изголодавшийся пролетариат.

Дух общинного строя уже давно проник во все области народной жизни в России. Каждый город, на свой лад, представлял собой общину; в нем собирались общие сходы, решавшие большинством голосов очередные вопросы; меньшинство либо соглашалось с большинством, либо, не подчиняясь, вступало с ним в борьбу; зачастую оно покидало город; бывали даже случаи, когда оно совершенно истреблялось...

Перед лицом Европы, силы которой за долгую жизнь истощились в борьбе, выступает народ, едва только начинающий жить и который, под внешней жесткой корой царизма и империализма, вырос и развился, подобно кристаллам, нарастающим под геодом; кора московского царизма отпала, как только она сделалась бесполезной; кора же империализма еще слабее прилегает к дереву.

Действительно, до сих пор русский народ совершенно не занимался вопросом о правительстве; вера его была верой ребенка, покорность его — совершенно пассивной. Он сохранил лишь одну крепость, оставшуюся неприступной в веках,— свою земельную общину, и в силу

этого он находится ближе к социальной революции, чем к революции политической. Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое; он появляется, гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате....

А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30 томах, т. 6. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 200—203, 204—206, 220.

4. СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ

№ 19.— А. И. Герцен в спорах западников со славянофилами

...Возвратившись из Новгорода в Москву, я застал оба стана на барьере. Славяне были в полном боевом порядке, с своей легкой кавалерией под начальством Хомякова и чрезвычайно тяжелой пехотой Шевырева и Погодина, с своими застрельщиками, охотниками, ультраякобинцами, отвергавшими все бывшее после киевского периода, и умеренными жирондистами, отвергавшими только петербургский период; у них были свои кафедры в университете, свое ежемесячное обозрение [1], выходившее всегда два месяца позже, но все же выходившее. При главном корпусе состояли православные гегельянцы, византийские богословы, мистические поэты, множество женщин и пр., и пр.

Война наша сильно занимала литературные салоны в Москве. Вообще, Москва входила тогда в ту эпоху возбужденности умственных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни. Появление замечательной книги составляло событие, критики и антикритики читались и комментировались с тем вниманием, с которым, *бывало,* в Англии или во Франции следили за парламентскими прениями. Подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир, и в нем одном действительно совершался, глухо и полусловами, протест против никола-

[1] «Москвитянин». — *Прим. сост.*

евского гнета, тот протест, который мы услышали открытее и громче на другой день после его смерти.

В лице Грановского московское общество приветствовало рвущуюся к свободе мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. В лице славянофилов оно протестовало против оскорбленного чувства народности бироновским высокомерием петербургского правительства.

Здесь я должен оговориться. Я в Москве знал два круга, два полюса ее общественной жизни и могу только об них говорить. Сначала я был потерян в обществе стариков, гвардейских офицеров времен Екатерины, товарищей моего отца, и других стариков, нашедших тихое убежище в странноприимном сенате, товарищей его брата. Потом я знал одну *молодую* Москву, литературно-светскую, и говорю только об ней. Что прозябало и жило между старцами пера и меча, дожидавшимися своих похорон по рангу, и их сыновьями или внучатами, не искавшими никакого ранга и занимавшимися «книжками и мыслями», я не знал и не хотел знать. Промежуточная среда эта, настоящая николаевская Русь, была бесцветна и пошла — без екатерининской оригинальности, без отваги и удали людей 1812 года, без наших стремлений и интересов. Это было поколение жалкое, подавленное, в котором бились, задыхались и погибли несколько мучеников. Говоря о московских гостиных и столовых, я говорю о тех, в которых некогда царил А. С. Пушкин; где до нас декабристы давали тон; где смеялся Грибоедов; где М. Ф. Орлов и А. П. Ермолов встречали дружеский привет, потому что они были в опале; где, наконец А. С. Хомяков спорил до четырех часов утра, начавши в девять; где К. Аксаков с мурмолкой в руке свирепствовал за Москву, на которую никто не нападал, и никогда не брал в руки бокала шампанского, чтоб не сотворить тайно моление и тост, который все знали; где Р[едкин] выводил логически личного бога, ad majorem gloriam. Hegeli[1]; где Грановский являлся с своей тихой, но твердой речью; где все помнили Бакунина и Станкевича; где Чаадаев, тщательно одетый, с нежным, как из воску, лицом, сердил оторопевших аристократов и православных славян колкими

---

[1] К вящей славе Гегеля (лат.) — *Ред.*

замечаниями, всегда отлитыми в оригинальную форму и намеренно замороженными; где молодой старик А. И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы, от Шатобриана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгаген; где Боткин и Крюков *пантеистически* наслаждались рассказами М. С. Щепкина и куда, наконец, иногда падал, как Конгривова ракета, Белинский, выжигая кругом все, что попадало...

Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались,— а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А. П. Елагиной.

Сверх участников в спорах, сверх людей, имевших мнения, на эти вечера приезжали охотники, даже охотницы, и сидели до двух часов ночи, чтоб посмотреть, кто из матадоров кого отделает и как отделают его самого; приезжали в том роде, как встарь ездили на кулачные бои и в амфитеатр, что за Рогожской заставой.

Ильей Муромцем, разившим всех, со стороны православия и славянизма, был Алексей Степанович Хомяков, «Горгиас, совопросник мира сего», по выражению полуповрежденного Морошкина. Ум сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на них; богатый памятью и быстрым соображением, он горячо и неутомимо проспорил всю свою жизнь. Боец без устали и отдыха, он бил и колол, нападал и преследовал, осыпал остротами и цитатами, пугал и заводил в лес, откуда без молитвы выйти нельзя,— словом, кого за убеждение — убеждение прочь, кого за логику — логика прочь.

Хомяков был действительно опасный противник; закалившийся старый бретёр диалектики, он пользовался малейшим рассеянием, малейшей уступкой. Необыкновенно даровитый человек, обладавший страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие богородицу, спал вооруженный. Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете — от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого легиста. Возражения его, часто мнимые, всегда ослепляли и сбивали с толку.

Хомяков знал очень хорошо свою силу и играл ею: забрасывал словами, запугивал ученостью, надо всем издевался, заставлял человека смеяться над собствен-

ными верованиями и убеждениями, оставляя его в сомнении, есть ли *у него у самого* что-нибудь заветное. Он мастерски ловил и мучил на диалектической жаровне остановившихся на полдороге, пугал робких, приводил в отчаяние дилетантов и при всем этом смеялся, *как казалось,* от души. Я говорю «как казалось», потому что в несколько восточных чертах его выражалось что-то затаенное и какое-то азиатское простодушное лукавство вместе с русским себе на уме. Он, вообще, больше сбивал, чем убеждал.

Философские споры его состояли в том, что он отвергал возможность разумом дойти до истины; он разуму давал одну формальную способность — способность развивать зародыши или зерна, иначе получаемые, относительно готовые (т. е. даваемые откровением, получаемые верой). Если же разум оставить на самого себя, то, бродя в пустоте и строя категорию за категорией, он может обличить свои законы, но никогда не дойдет ни до понятия о духе, ни до понятия о бессмертии и пр. На этом Хомяков бил на голову людей, остановившихся между религией и наукой. Как они ни бились в формах гегелевской методы, какие ни делали построения, Хомяков шел с ними шаг в шаг и под конец дул на карточный дом логических формул или подставлял ногу и заставлял их падать в «материализм», от которого они стыдливо отрекались, или в «атеизм», которого они просто боялись. Хомяков торжествовал...

Константин Аксаков не смеялся, как Хомяков... Мужающий юноша, он рвался к делу. В его убеждениях не неуверенное пытанье почвы, не печальное сознание проповедника в пустыне, не темное придыхание, не дальние надежды — а фанатическая вера, нетерпимая, втесняющая, односторонняя, та, которая предваряет торжество. Аксаков был односторонен, как всякий воин; с покойно взвешивающим эклектизмом нельзя сражаться. Он был окружен враждебной средой — средой сильной и имевшей над ним большие выгоды, ему надобно было пробиваться рядом всевозможных неприятелей и водрузить свое знамя. Какая тут терпимость!

Вся жизнь его была безусловным протестом против петровской Руси, против петербургского периода во имя непризнанной, подавленной жизни русского народа. Его диалектика уступала диалектике Хомякова, он не был поэт-мыслитель, как И. Киреевский, но он за свою веру

пошел бы на площадь, пошел бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убедительны. Он в начале сороковых годов проповедовал сельскую общину, мир и артель. Он научил Гакстгаузена понимать их и, последовательный до детства, первый опустил панталоны в сапоги и надел рубашку с кривым воротом....

Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была *одна* любовь, но *неодинакая.*

У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно.*

А. И. Герцен. Былое и думы.— Собрание сочинений в 30 томах, т. IX, стр. 152—153, 156—158, 159, 160—161, 162—163, 170.

№ 20.— Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная Александру II в 1855 г.

I.

Русский народ есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия. Самым первым доказательством тому служит начало нашей истории: добровольное призвание чужой государственной власти в лице варягов, Рюрика с братьями. Еще сильнейшим доказательством служит тому Россия 1612 года, когда не было царя... В 1612 году народ призвал государственную власть, избрал царя и поручил ему неограниченно судьбу свою, мирно сложив оружие и разошедшись по домам... В русской истории нет ни одного восстания против власти в пользу народных политических прав. Сам Новгород, раз признав над собою власть царя Московского, уже не восставал против него в пользу своего прежнего устройства. В русской истории встречаются восстания за законную власть против беззаконной...

Не странно ли после этого, что правительство в России берет постоянно какие-то меры против возможности революции, опасается какого-то политического восстания, которое прежде всего противно существу русского народа! Все такие опасения как в правительстве, так и в обществе, происходят от того, что не знают России и короче знакомы с историей западноевропейской, чем с русской; а потому видят в России западные призраки, которых в ней нет и быть не может...

II.

Но чего же хочет русский народ для себя? Какая же основа, цель, забота его народной жизни, если нет в нем вовсе политического элемента, столь деятельного у других народов? Чего хотел наш народ, когда добровольно призывал варяжских князей «княжить и володеть им»? Что хотел он оставить для себя?

Он хотел оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт,— жизнь мирную духа.

Еще до христианства, готовый к его принятию, предчувствуя его великие истины, народ наш образовал в себе жизнь общины, освященную потом принятием христианства. Отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнию. Не желая *править*, народ наш желает *жить*, разумеется не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, народной жизни внутри себя...

IV.

Кроме того, что такое устройство согласно с духом России,— следовательно, уже по одному этому для нее необходимо,— утвердительно можно сказать, что такое устройство само по себе единое истинное устройство на земле. Великий вопрос государственно-народный лучше решен быть не может, как решил русский народ...

Всякое стремление народа к государственной власти отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подрывает свободою политической, внешней, свободу духа, внутреннюю. Государствование становится тогда целью для народа, и исчезает высшая цель: внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный подвиг жизни. Правительством народ быть не должен. Если народ — государь, народ — правительство, тогда нет народа.

С другой стороны, если государство в понятии народа — защита, а не цель желаний, то и государство само должно быть этою защитою для народа, оберегать свободу его жизни, да на просторе развиваются в нем все духовные его силы под хранительною сенью государства.

V.

Государственная власть при таких началах, при вмешательстве в нее народа, должна быть неограниченная. Какую же именно форму должно иметь такое неограниченное правительство? Ответ нетруден: форму монархическую. Всякая другая форма: демократическая, аристократическая, допускает участие народа, одна более, другая менее, и непременное ограничение государственной власти, следовательно, не соответствует ни требованию невмешательства народа в правительственную власть, ни требованию неограниченности правительства...

...Только при неограниченной власти монархической народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную и стремление к духовной свободе. Такое монархическое правительство и поставил себе русский народ...

Сей взгляд русского человека есть взгляд человека *свободного*. Признавая государственную неограниченную власть, он удерживает за собою свою совершенную независимость духа, совести, мысли. Слыша в себе эту независимость нравственную, русский человек по справедливости не есть раб, а человек свободный. Монархическое неограниченное правительство, в русском понимании, является не врагом, не противником, а другом и защитником свободы, свободы духовной, истинной,

выражающейся в открыто возвещаемом мнении. Только при такой полной свободе может быть народ полезен правительству. Свобода политическая не есть свобода. Только при совершенном отрешении народа от государственной власти, только при неограниченной монархии, вполне предоставляющей народу всю его нравственную жизнь, может на земле существовать свобода истинная народа...

VII.

Таков трезвый взгляд русского народа на правительство. Но посмотрите на Запад. Народы, оставив там внутренний путь веры и духа, увлеклись тщеславными побуждениями народного властолюбия, поверили в возможность правительственного совершенства, наделали республик, настроили конституций всех родов, развили в себе и тщеславие власти мира сего, и обеднели душою, утратили веру и, несмотря на мнимое совершенство своего политического устройства, готовы рухнуть и предаться, если не окончательному падению, то страшным потрясениям каждую минуту.

VIII.

...Правительство и народ, или государство и земля, хотя ясно разграничены в России, тем не менее, если не смешиваются, то не соприкасаются. Какое же взаимное их отношение? Прежде всего народ не вмешивается в правительство, в порядок управления; государство не вмешивается в жизнь и быт народа, не заставляет народ жить насильственно по сделанным от государства правилам... Итак, первое отношение между правительством и народом есть отношение *взаимного невмешательства.* Но такое отношение (отрицательное) еще не полно; оно должно быть дополнено отношением положительным между государством и землею. Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охранение жизни народа, есть внешнее его обеспечение, доставление ему всех способов и средств, да процветает его благосостояние, да выразит он все свое значение и исполнит свое нравственное призвание на земле. Администрация, судопроизводство, законодательство,— все это, понятое в пределах *чисто-государственных,* при-

надлежит неотъемлемо к области правительства. Не подлежит спору, что правительство существует для народа, а не народ для правительства. Поняв это добросовестно, правительство никогда не посягнет на самостоятельность народной жизни и народного духа. Положительная обязанность народа относительно государства есть исполнение государственных требований, доставление ему сил для приведения в действие государственных намерений, снабжение государства деньгами и людьми, если они нужны. Такое отношение народа к государству есть только прямое необходимое следствие признания государства: это отношение подчиненное, а не самостоятельное; при таком отношении *народ сам* государству еще *не виден.* Какое же *самостоятельное* отношение не политического народа к государству? Где государство, так сказать, *видит народ самый?* Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение.* В общественном или народном мнении нет политического элемента, нет другой силы, кроме нравственной, следовательно, нет и принудительного свойства, противоположного нравственной силе. В общественном мнении (разумеется, выражающем себя гласно) видит государство, чего желает страна, как понимает она свое значение, какие ее нравственные требования, и чем, следовательно, должно руководиться государство, ибо цель его — способствовать стране исполнить свое призвание. Охранение свободы общественного мнения, как нравственной деятельности страны, есть таким образом одна из обязанностей государства. В важных случаях государственной и земской жизни для правительства бывает нужно самому вызывать мнение страны, но только *мнение,* которое (разумеется) правительство свободно принять и не принять. *Общественное мнение* — вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству, и вот та живая, нравственная и нисколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством.

Мудрые цари наши это понимали: да будет им вечная за то благодарность! Они знали, что при искреннем и разумном желании счастия и блага стране, нужно знать и в известных случаях вызывать ее мнение. И потому цари наши часто созывали Земские соборы, состо-

явшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или иной вопрос, касающийся государства и земли. Цари наши, хорошо понимая Россию, нимало не затруднялись созывать такие соборы. Правительство знало, что оно чрез то не теряет и не стесняет никаких прав своих, а народ знал, что он через то никаких прав не приобретает, ни распространяет. Связь между народом и правительством не только от того не колебалась, но еще теснее скреплялась. Это были дружественные, полные доверенности отношения правительства и народа.

...Неторопливо, постепенно и прочно совершали мудрые государи свой подвиг, не сходя с русских начал, не изменяя русского пути. Они не чуждались иностранцев, которых никогда не чуждался и народ русский, и старались догнать Европу на пути того просвещения, от которого отстала Россия в двести лет монгольского ига. Они знали, что для этого не нужно переставать быть русскими, не нужно отказываться от своих обычаев, от языка, от одежды, а еще менее от начал своих. Они знали, что просвещение тогда только истинно полезно, когда человек принимает его не подражательно, а самостоятельно...

IX.

...У меня нет намерения входить в историю петровского переворота; нет намерения восставать на величие Петра, величайшего из великих людей. Но переворот Петра, несмотря на весь внешний блеск свой, свидетельствует, какое глубокое внутреннее зло производит величайший гений, как скоро он действует одиноко, отдаляется от народа и смотрит на него, как архитектор на кирпичи. При Петре началось то зло, которое есть зло и нашего времени. Как всякое неизлеченное зло, оно усилилось с течением времени и составляет опасную коренную язву нашей России. Я должен определить это зло.

Если народ не посягает на государство, то государство не должно посягать на народ. Только тогда союз их прочен и благодатен. На Западе идет эта постоянная вражда и тяжба между государством и народом, не понимающими своих отношений. В России этой вражды и тяжбы не было... Русский народ так и остался верен своему взгляду и не посягнул на государство; но государство в лице Петра посягнуло на народ, вторгнулось

в его жизнь, в его быт, насильственно изменяло его нравы, его обычаи, самую его одежду; сгоняло, через полицию, на ассамблеи, ссылало в Сибирь даже портных, шивших русское платье...

Так совершился разрыв царя с народом, так разрушился этот древний союз земли и государства; так вместо прежнего союза образовалось *иго* государства над землею, и русская земля стала как бы завоеванною, а государство — завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника в своей земле!

...В классах, оторванных от народного быта, преимущественно в дворянстве, сейчас обнаружилось стремление к государственной власти; пошли революционные попытки и, чего не бывало прежде, престол российский стал беззаконным игралищем партий. Беззаконно вошла на престол Екатерина I, беззаконно призвана была Анна, причем аристократия задумала было и конституцию, но конституция, к счастью, не состоялась. С помощью солдат вошла на престол Елизавета. Нужно ли говорить о низложении Петра III? Наконец, как плод нерусских начал, внесенных Петром, явилось восстание 14 декабря,— восстание верхнего, оторванного от народа класса, ибо солдаты, как известно, были обмануты.

Так действовало верхнее сословие, отказавшееся от русских начал. Как же действовал народ, не изменивший русским началам: купцы, мещане и в особенности крестьяне, которые более всех остались верны русскому быту и духу?

Народ все это время, как следовало ожидать, был спокоен. Это спокойствие не лучшее ли доказательство, как противна всякая революция русскому духу? Восставали дворяне, но когда восставал крестьянин против государя? Восставала бритая борода и немецкий костюм, но когда же восставала русская борода и кафтан?..

Да! Пока русский народ остается русским, до тех пор тишина внутренняя и безопасность правительства обеспечены. Но петровская система и вместе иностранный дух, с нею нераздельный, продолжают действовать, и мы видели, какое действие производят они в той массе русских людей, которую увлекли. Мы видели, как с чувством рабским, которое порождает власть прави-

тельственная, входящая в самую жизнь человека, как с этим рабским чувством соединяется чувство бунтовщика, ибо раб не видит рубежа между собою и правительством, который видит человек свободный, живущий внутреннею самостоятельною жизнию; раб видит только одну разницу между собою и правительством: он угнетен, а правительство угнетает; низкая подлость всякую минуту готова перейти в наглую дерзость; рабы сегодня — бунтовщики завтра; из цепей рабства куются беспощадные ножи бунта. Русский народ, простой народ собственно, держится своих древних начал и противится доселе и рабскому чувству и иностранному влиянию верхнего класса. Но петровская система продолжается уже полтораста лет; она начинает, наконец, проникать и в народ своею, по-видимому, пустою, но вредною стороною. Уже и в некоторых селах бросают русскую одежду, уже и крестьяне начинают говорить о моде, а вместе с этими пустыми, по-видимому, делами входит чуждый образ жизни, чуждые понятия, и шатаются исподволь русские начала.

Как скоро правительство отнимает постоянно *внутреннюю, общественную* свободу народа, оно заставит, наконец, искать свободы внешней, политической. Чем долее будет продолжаться петровская правительственная система,— хотя по наружности и не столь резкая, как при нем,— система столь противоположная русскому народу, вторгающаяся в общественную свободу жизни, стесняющая свободу духа, мысли, мнения и делающая из подданного раба: тем более будут входить в Россию чуждые начала; тем более людей будет отставать от русской почвы, тем более будут колебаться основы русской земли, тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию, когда она перестанет быть Россией. Да, опасность для России одна: *если она перестанет быть Россиею*,— к чему ведет ее постоянно теперешняя петровская правительственная система. Дай же, бог, чтобы этого не было.

Петр, скажут, возвеличил Россию. Точно, он много придал ей внешнего величия, но внутреннюю ее целость он поразил растлением; он внес в ее жизнь семена разрушения, вражды. Да и все внешние славные дела совершил он и преемники его — силами той России, которая и возрастала и окрепла на древней почве, на других началах...

X.

Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отдалилось от народа и стало ему чужим. И народ и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашивается мнения народа, но всякий честный человек опасается говорить свое мнение. Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу. Народ в каждом действии правительства готов видеть новое угнетение; правительство постоянно опасается революции и в каждом самостоятельном выражении мнения готово видеть бунт; просьбы, подписанные многими или несколькими лицами, у нас теперь не допускаются, тогда как в древней России они-то и были уважены. Правительство и народ не понимают друг друга, и отношения их не дружественны. И на этом-то внутреннем разладе, как дурная трава, выросла непомерная, бессовестная лесть, уверяющая во всеобщем благоденствии, обращающая почтение к царю в идолопоклонство, воздающая ему, как идолу, божескую честь...

XI.

Все зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы мнения, свободы нравственной, ибо на свободу политическую и притязаний в России нет. Гнет всякого мнения, всякого проявления мысли дошел до того, что иные представители власти государственной запрещают изъявлять мнение, даже благоприятное правительству, ибо запрещают всякое мнение. Они не позволяют даже хвалить распоряжения начальства, утверждая, что до одобрения подчиненных начальству дела нет, что подчиненные должны сметь рассуждать и даже находить хорошим то или другое в своем правительстве или начальстве. К чему же ведет такая система? К полному безучастию, к полному уничтожению всякого человеческого чувства в человеке; от человека не требуется даже того, чтобы он имел хорошие мысли, и чтобы он не имел никаких мыслей...

XII.

...Прямое целение на современное зло, возникшее в России,— это *понять Россию* и возвратиться к русским основам, согласным с ее духом. Прямое целение против болезни, порождаемой противоестественным для России образом действий,— это оставить противоестественный образ действий и возвратиться к образу действий, согласному с понятиями, с существом России.

...Нужно, чтобы правительство поняло вновь свои коренные отношения к народу, древние отношения государства и земли, и восстановило их. Ничего более не нужно. Так как эти отношения нарушены только со стороны правительства, вторгнувшегося в народ, то оно может это нарушение отстранить. Это не трудно и не сопряжено ни с каким насильственным действием. Сто́ит лишь уничтожить гнет, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. Тогда восстановится сам собою полный доверенности и искренний союз между государем и народом. Наконец, в довершение этого союза надобно, чтобы правительство, не удовлетворялось тем, что мнение народное существует, само захотело бы знать это народное мнение и в известных случаях само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях.

Я сказал, что правительству следует иногда самому вызывать мнение страны. Значит ли это, что нужно созвать Земский собор?

Нет. Созвать в настоящее время Земский собор было бы делом бесполезным. Из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но сто́ит написать имена этих сословий, чтобы почувствовать, как далеки они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними. Дворяне полтораста лет уже как отдалились от основ народных и смотрят на крестьян большею частию или с гордым презрением, или как на источник своих доходов. Купцы, с одной стороны, подражают дворянам и подобно им увлекаются Западом, с другой стороны, держатся какой-то своей, ими самими установленной старины, которая носит жилет сверх русской рубахи, и при русских сапогах — галстук и длиннополый сюртук; такая одежда служит символом их понятий, представляющих подобную же смесь. Мещане представ-

ляют бледное подобие купцов; это самый жалкий класс во всей России и притом самый разнохарактерный. Крестьяне, давно удаленные от всякого соприкосновения с историею, участвуют в ней лишь податями и рекрутами: они одни преимущественно сохранили основы русского быта в его чистоте; но что́ могли бы сказать они, так долго молчавшие? На Земском соборе должен быть голос всей русской земли, а сословия дать теперь такого голоса не могут.

...Поэтому, думаю я, лучше собирать нарочные собрания того или другого сословия, когда представится вопрос, на который правительство сочтет нужным спросить мнения сословия. Такие собрания, как и Земские соборы (когда Земские соборы станут возможны), не должны быть обязанностью для правительства и не должны быть периодичны. Правительство созывает соборы и требует мнения, когда вздумает.

В настоящее время Земский собор может быть для правительства заменен до некоторой степени общественным мнением. В настоящее время, в общественном мнении может правительство почерпать те нужные для него указания и сведения, которые яснее способен изложить Земский собор, когда он будет возможен.

Давая свободу жизни и свободу духа стране, правительство дает свободу общественному мнению. Как же может выразиться общественная мысль? Словом устным и письменным. Следовательно, необходимо снять гнет с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысль и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что́ ему принадлежит: свою доверенность и силу.

Человек создан от бога существом разумным и говорящим. Деятельность разумной мысли, духовная свобода есть призвание человека. Свобода духа более всего и достойнее всего выражается в свободе слова. Поэтому — свобода слова, вот неотъемлемое право человека...

Разумеется ли под этим уничтожение цензуры? Нет. Цензура должна остаться, чтоб охранять личность человека. Но цензура должна быть как можно более свободна относительно мысли и всякого мнения, как скоро оно не касается личности...

Со временем должна быть полная свобода слова и устного и письменного, когда будет понято, что свобода слова неразрывно соединена с неограниченною

монархиею, есть ее верная опора, ручательство за порядок и тишину, и необходимая принадлежность нравственного улучшения людей и человеческого достоинства.

Есть в России отдельные внутренние язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество...

Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землею, на прочном основании истинных коренных русских начал.

Правительству — неограниченная свобода *правления*, исключительно ему принадлежащая, народу — полная свобода *жизни* и внешней и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству — право действия* и, следовательно, закона; *народу — право мнения* и, следовательно, слова.

Вот русское гражданское устройство! Вот единое истинное гражданское устройство!

Константин Аксаков.

«Ранние славянофилы». Вып. V. Сост. Н. Л. Бродский. М., 1910, стр. 69—70, 72—73, 76—78, 79—96.

5. ПЕТРАШЕВЦЫ

№ 21.— Д. Д. Ахшарумов о М. В. Петрашевском

...Это был человек сильной души, крепкой воли, много трудившийся над самообразованием, всегда углубленный в чтение новых сочинений, и неустанно деятельный. Он воспитывался первоначально в лицее, но, по своему резкому поведению, был оттуда исключен, после чего поступил вольнослушателем в петербургский университет по юридическому факультету и, окончив курс, состоял на службе при Министерстве иностранных дел. Он имел большую библиотеку новейших сочинений, преимущественно по части истории, политической экономии и социальных наук, и охотно делился ею, не только со всеми старыми своими приятелями, но и с людьми ему мало знакомыми, но которые казались ему порядочными, и делал это по убеждению для общественной пользы. Он говорил мне, что в течение около 8 лет много людей перебывало у него и разъехались в разные города России и преимущественно в университетские. Он давал читать всем просившим его и снабжал уезжающих кни-

гами, которые, по его усмотрению, были полезны для умственного развития общества...

Д. Д. Ахшарумов. Из моих воспоминаний 1849 года. СПб., 1905, стр. 17.

№ 22.—М. В. Буташевич-Петрашевский. Проект об освобождении крестьян

...На первом [месте] и самым простым способом может для сего являться прямое, безусловное освобождение их с тою землею, которая ими была обрабатываема, без всякого вознаграждения за то помещика. Такое разрешение этого вопроса просто, да и не слишком несправедливо, на том основании, что род человеческий есть в совокупности обладатель земного шара; 2) всякий отдельный член человечества иметь может ту часть в своем владении земного шара, которая на часть его может придтись по разделу земного шара поровну между всеми его обитателями, та часть земли, которую прочие его совладатели на земном шаре из нашей планеты ему заблагорассудили за что-либо свободно уступить; и известно, что на земле находится значительная масса поверхности земной, еще вовсе не обработанной; каковые земли невозделанные приняв при таком нами вышепредположенном разделе в соображение, так выйдет, что пай, нами данный крестьянину, будет несравненно менее того, какой ему следовало бы по-настоящему получить. Имея это в виду, нельзя не признаться в том, что все-таки при сем разделе на долю помещиков придется хорошая, чуть не львиная часть. Ибо в пользу их останутся те поля, кои не нужны для пропитания освобожденных крестьян, строения, ими для них сделанные, и т[ому] п[одобного] рода разные хозяйственные и сельские работы.

«Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., Госполитиздат, 1953, стр. 363—364.

№ 23.—Д. Д. Ахшарумов о своих общественно-политических идеалах. [Автобиографическая записка][1]

Большая часть все несчастья, все жалкое положение наших современников приписывает порче человечества

[1] Написана осенью 1848 г. — *Прим. сост.*

в последние века и удалению его от старых обычаев предков. Такое убежденье, разумеется, происходит от незнания дела, и вообще невежество обнимает еще все человечество до такой степени, что когда людям показывают правду, так и тогда они не только не узнают ее, но смеются и не перестают твердить свои болезненные глупости.

Я думаю, что человечество стало лучше прежнего, выше прежнего и идет постоянно вперед; что нравственность, проповедуемая религиями, имея доброе начало и благую цель, слишком неопределенна, так что самый благонамеренный человек, готовый на все, несмотря на все свое желанье, ничего не может сделать полезного, если будет руководим только одними темными внушениями совести; что равным образом ни к чему не ведут богадельни, приюты, школы... Человеку недостает знания,— вот отчего все мы страдаем и томимся постоянно.

Желанье, потребность выйти из этого состояния произвело науку; страсти, чувствуя себя невыполненными в жизни, создали с помощью ее инструменты и выразились в бесконечных звуках и образах. Наука проясняет наше положение, дает нам понятие о природе, о взаимных отношениях нас всех, о страданьях, о причинах страданий, о кончине их и возможности счастия с удалением этих причин и представляет бессмысленным, чтоб мы не перестали страдать, цель ее — осчастливить нас, тогда кончится вся наука, исполнив свое назначенье. Тогда пропадет и искусство, которое представляло только счастье в воображении; нас не займут более идеалы его, потому что все увидим в действительной жизни. Я думаю и убежден, что все это болезненное состояние, все это томленье, все, что мы все поневоле терпим каждый день, происходит оттого, что человек соединился в слишком огромном множестве для устроения общественного своего блага. Что такие соединения, какие представляют наши государства,— деревенские селенья, в которых ничего кроме хлеба, и скопища людей в городах, где ничего кроме фабрик, заключенные, наконец, в управлении своем, в одном ужасном центре — в столице, где люди не перестают страдать, проводят всю жизнь в мученьях и умирают в отвратительных болезнях,— неестественно, безобразно и причиняет беспорядок, бестолковщину. В таком ужасном хаосе не только никто из нас не может выполнить влеченья своей природы, но даже все переби-

вают один другого, сталкиваются, запутываются, мешают друг другу, и идет ужасная разладица, несмотря на шум, треск и суету, которые постоянно живут в городах. Вот отчего тысячи лет люди устраивали жизнь, писали законы, говорили проповеди, трудились много, долго и до сих пор все несчастны. Оттого миллионы людей, желавших лучшего, не могли достигнуть своей цели. Они делали ужасную ошибку: хотели устроить все переменою одних форм управленья и не заметили того, что государства нельзя устроить,— государство должно погибнуть с его министрами и царями, с его войском, с его столицами, законами и храмами. Необходимо, чтоб вместо него произошли небольшие общества, но которые имели бы в себе целость, полноту, разнообразие, независимость одно от другого и представляли бы, так сказать, интегралы человечества. Чтоб, устроив, обеспечив каждое свою собственную жизнь, производя, вырабатывая материалы, приведя в стройное, гармоническое слияние все страсти человека, они дополнили бы еще все это взаимным сношением между собою и достигли бы, наконец, высшего соединения, совершенства, счастья, апогеи, цели жизни, для которой родила нас природа.

Я думаю, что каждый человек есть единственное созданье не только на земле, но и во всей вселенной, иначе природе не для чего было бы создавать особой личности, а потому каждый носит в себе особые способности, склонности, особый характер, какого ни в ком другом кроме его нет; что каждый человек может единственно быть счастливым вполне тогда, когда ему возможно удовлетворить всем своим страстям; и по той мере, сколько они не удовлетворяются, столько он портится постоянно, и чем меньше получает он того, чего требует его характер, его природа, тем он хуже; так что, наконец, в нашем обществе, где нет выхода его страстям, где все они или сжаты, или принимают безобразное развитие, где он терпит в высшей степени недостаток,— он отвратителен, несносен, зол, раздражителен... потому, что всю жизнь его бесили эти лишения: любовь заменяет разврат, роскошь — воровство, пьянство, интриги — карточная игра, самолюбие — обидчивость, эгоизм. Просто нет средства жить. Вместо занятий, приносящих наслажденья, тяжелые работы в грязных мастерских заваливают нас; болезни, раны обезображивают тело — так проходит вся жизнь. Чтоб это все уничтожить, есть

средство одно — фаланстер Фурье, который лучше всех понял природу, разумея это слово в самом обширном смысле. Но каким образом построить фаланстер, в котором переработается, воскреснет и осчастливится все человечество? Нет сомненья, что первое средство — осведомить людей об этом важном открытии, которое переменит все; потом приобресть капитал. Но к этому самое большое препятствие — наше глупое, пустое, злое... правительство. Вопрос приводится к тому, каким образом, получить правительство, терпящее нововведения, gouvernement tolérant. Какое правительство может быть таким?

Монархическое неограниченное [уместно] только тогда, когда будет на престоле человек любознательный, благонамеренный и преданный благу всего человечества. Но с нашими негодными, недоверчивыми, всего опасающимися царями и многочисленным их семейством, в котором ни один из членов не обещает ничего доброго, с невежеством министров и всего правительства, решительно нет надежды на такое нововведение. Потому нам нельзя оставить это в таком положении. Надо изменить правление, но осторожно, чтоб не произошел слишком сильный беспорядок, который бы вовлек народ опять в старое. Я думаю так, что если народ нельзя вдруг лишить его любимого предмета, которому он вверился и которым дурачен столько веков, то надо оставить царя для названья, но уж взять его в руки. Надо конституцию, которая дала бы свободу книгопечатания, открытое судопроизводство, устроила б особое министерство для рассмотрения новых проектов о улучшении общественной жизни, и чтоб не было никаких стеснений, никаких вмешательств в дела частных людей, в каком бы числе они не сходились вместе...

Трудно говорить о том, какое правление в России скорее приведет к цели. С одной стороны, если от июльской революции во Франции прошло 18 лет до нынешней революции и их конституционное правленье разрушено не иначе, как трудами 18 лет, то какая вероятность предполагать, чтобы у нас оно не тянулось так же долго со всеми подлостями, интригами и вмешательством правительства в дела частных людей? С другой стороны, стоять непременно и дожидаться упрямо республиканского правленья — значит терять время, потому что конституционное лучше монархического неограниченного.

Пока у нас нет человека, известного всем, у которого был бы авторитет и популярность, то надобно иметь царя, но предоставить ему самые ничтожные преимущества, сказав народу, что он на все имеет право только с согласия его самого; так, например, оставить ему титул, голос его в народном собрании считать за несколько голосов (за 3, даже за 10) и тому подобное, но чтоб у него не было права ни распускать, ни созывать собрание, ни назначать время продолжения его, чтоб войско не было в руках его. Дела все рассматриваются в одной палате, президент избираем на короткое время. Потом, когда собрание получит доверенность народа, то можно обойтись без царя.

Говорить с народом так: Вот, ребята, вы крепостные, вы платите оброк, ходите на барщину. Вы стеснены, у вас нет ничего своего, все — помещичье, теперь он вас может переселить, продать, прогнать, полиция дерет с вас все, что хочет, ваши справедливые жалобы на дворян не слушают, а когда вы сами дотронетесь до дворянина рукой, вас секут за это до смерти и сзывают всех дворников смотреть для примера и страха. А сколько дворян с царем? (дворяне — придворные, дворецкие) — несколько тысяч; а вас сколько всех? — миллионы; так сделайте же вот что: пускай кто из вас потолковее, расскажет все это и многое другое, чего вам недостает и что вы лучше знаете сами, сначала вам, а потом пошлите его в город, туда же пришлют и другие деревни своих толковых людей, чтобы они поговорили; посоветовавшись все вместе, с выборными также горожанами, они выберут из себя тех, которые лучше всех и умеют хорошо говорить. Если, положим, будет в городе всех 300 человек, то они выберут только 3 (по 1 на 100) и пошлют их в губернский город, в котором от всех уездов соберутся человек 50, 60 или более; из них еще выберутся лучшие (на 10 один), так что некоторые губернии пошлют по 5, другие по 6, 10... смотря по уездам и по числу жителей в них. Всего до тысячи человек представителей явятся в Москву, в центр государства, и там уничтожат все дурное...

О распространении между собою. Первое, с чего нам начать,— распространить мнения в своем кругу. Надо приобресть людей различных характеров, различных состояний, мужчин и женщин, кроме того, людей специальных познаний, ученых, людей практических: архитекто-

ров, ремесленников, художников, артистов, военных людей; взять в свои руки университет, лицей, правоведение, училища артиллерийское и инженерное, кадетские корпуса и гимназии... Для этого все мы должны вести жизнь деятельную, стараться узнавать всякого знакомого, иметь при себе готовые книги; самыми лучшими по легкости чтения и по здравому смыслу считаю я «Almanach Phalanstérien» и «Démocratie pacifique», которые всем и всякому можно читать без приготовленья; надо их выписать несколько экземпляров именно с этою целью. Составлять кружки, библиотеки и, для осторожности, чтобы несколько только человек знали обо всех знакомых, чтоб можно было знать число и силу всех нас. Необходимо тоже выдумать источник капитала. Необходимо тоже иметь частные разговоры, сношения между собой о том, каким образом все это устроить во всех подробностях, и действовать надо не по случаю, а систематически, хотя безо всяких формальностей. Не может быть, чтоб мы так далеко вперед ушли ото всех; отовсюду с разных сторон являются те же самые мысли, которые даже становятся модою между молодыми людьми,— ясно, что это есть влияние, следствие духа времени, который быстро распространяется и обнимает все наше поколенье; и всякий из нас, кто особенным случаем, обстоятельствами какими-нибудь не удален от общества и если у него в душе хоть несколько здравого смысла, легко уже увлечен общим стремлением; поэтому мы должны встретить в нашем кругу много неожиданных радостных явлений, если только разведать его...

«Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 671—678.

№ 24.— Д. Д. Ахшарумов. [Заметка о суде]

Судопроизводство пока признано необходимым во всех государствах на том основании, что человек еще дик и слаб и часто делает вещи, вредные другим. Уж если так положить, что суд необходим и в самом деле, то по крайней мере производство его должно быть *свободное*, открытое для всех, по следующим причинам:

1. В настоящем положении кто у нас ручается за справедливость решения?

2. Тайно в комнате запершись, стыдно, грешно и подло производить суд на человека. Это вещь святая, ка-

сающаяся общего блага, и незачем ее скрывать. Единственная причина скрывать заключается в желании произвольного, несправедливого решения.

3. Публичное наказание и публичный суд.

4. Открытый для всех суд и слушание разъяснения дела виновного и решения над ним развивает присутствующих зрителей в отношении идеи справедливости, проясняет в уме их мысль общественного блага, понятие о положении и значении своем в обществе, приучает думать о себе, как о другом, и о равенстве всех пред тою высокою целью, куда стремится все человечество своими бесконечно разнообразными долгими трудами.

«Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 685.

№ 25.— Речь Д. Д. Ахшарумова на обеде в честь Фурье

«Жизнь, как она теперь,— тяжела, гадка; мы все несчастны, и можно ли быть счастливым в этом обществе, в котором мы живем? И так как порядок установленный противоречит главному, основному назначению нашей человеческой жизни, как и всякой другой, то он непременно рано или поздно прекратится, и вместо него будет новый, новый и новый. Когда? — вот это важный вопрос, и мы можем только отвечать, что скоро. Уже тот факт, что мы сознаем недостатки, ошибки в устройстве нашей жизни, и уже представляется нам в общих чертах новая жизнь,— этот самый факт доказывает, что началось время его разрушения. И рухнет, и развалится все это дряхлое, громадное вековое здание, и многих задавит оно при разрушении и из нас, но жизнь оживет, и люди будут жить богато, раздольно и весело.— Мы в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом, в скопище, разрозненном семействами, которые, вредя друг другу, теряют время и силу и обедняются в бесполезных трудах. И там, за столицею, ползут города; единственная цель, высочайшее счастие для них — сделаться многолюдным, развратным, больным, чудовищным, как столица! — В эти дни, в этом самом обществе, мы собрались сегодня не для жалоб, но, напротив, полны надеждой, торжеством... Мы даем обед и празднуем грядущее искупление человечества,— сегодня, имен-

но сегодня, в день рождения Фурье, чтим его память, потому что он указал нам путь, по которому идти, открыл источник богатства, счастья. Сегодня — первый обед фурьеристов в России, и все они здесь: десять человек, немногим более. Все начинается с малого и растет до великого. Разрушить столицы, города и все материалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша. Мы здесь, в нашей стране, начнем преобразование, а кончит его вся земля. Скоро избавлен будет род человеческий от невыносимых страданий».

«Петрашевцы». Изд. В. М. Саблина. М., 1907, стр. 103—104.

№ 26.— Н. А. Спешнев. Проект обязательной подписки для членов тайного общества

Я, нижеподписавшийся, добровольно, по здравом размышлении и по собственному желанию поступаю в русское общество и беру на себя следующие обязанности, которые в точности исполнять буду:

1) Когда распорядительный комитет общества, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке — т. е., что, по извещению от комитета, обязываюсь быть в назначенный день, в назначенный час в назначенном месте, обязываюсь явиться тогда и там, вооружившись огнестрельным или холодным оружием, или тем и другим, не щадя себя, принять участие в драке и, как только могу, споспешествовать успеху восстания.

2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества приобретением обществу новых членов. Впрочем, согласно с правилом русского общества, обязываюсь сам лично более пяти (5) не афильировать.

3) Афильировать, т. е. присоединять к обществу новых членов обязываюсь не наобум, а по строгом соображении и только таких, в которых я твердо уверен, что они меня не выдадут, если бы даже и отступились после от меня; что они исполнят первый пункт и что они дей-

ствительно желают участвовать в этом тайном обществе. Вследствие чего и обязываюсь с каждого, мною афильированного, взять письменное обязательство, состоящее в том, что он перепишет от слова до слова сии самые условия, которые и я здесь даю, все с первого до последнего слова и подпишет их. Я же, запечатав оное его письменное обязательство, передаю его своему афильетеру для доставления в комитет, тот своему и так далее. Для сего я и переписываю для себя один экземпляр сих условий и храню его у себя как форму для афильяций других.

«Петрашевцы», 1907, стр. 34.

№ 27.— Доклад следственной комиссии по делу петрашевцев, представленный 19 декабря 1849 г. Николаю I

Секретная следственная комиссия, по окончании производства дела, предоставляя записку из оного на высочайшее усмотрение, между прочим, излагала:

1) Буташевич-Петрашевский, еще с юношества заразившись либеральными понятиями, которые, по окончании в 1841 году университетского курса, в нем еще более укоренились от усвоенных им социальных и коммунистических идей,— под личиною общественных улучшений, путем мира и закона,— возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства. Для этой цели он употреблял различные средства: пытался посеять зловредные начала социальных систем в молодое поколение посредством учителей, сам развращал юные умы социальными книгами и беседами и, наконец, с 1845 года начал действовать уже в духе пропаганды и собирать у себя, в известные дни, знакомых ему учителей, литераторов, студентов, кончивших или оканчивающих курс, и вообще лиц из разных сословий. На сходках сих происходили либеральные разговоры, читались лекции и речи в духе социализма и коммунизма, нападали на религию и верование во все святое, осуждали наше государственное управление, представляли действия административные в искаженном виде, порицали правительственные лица и даже священную особу вашего императорского величества. Петрашевский постоянно возбуждал и направлял эти суждения. Он дово-

дил посетителей своих до того, что они если и не все делались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в прежних своих верованиях и наклонными к преступному направлению. Впрочем, собрания Петрашевского не представляли собою организированного тайного общества, он и без этого достигал своей цели вернее и безнаказаннее, чем достигал бы оной посредством тайного общества,— средства более опасного, которое легче могло бы пробудить совесть завлеченного и скорее повести к открытию злоумышления, тогда как тут и раскаивающийся и не разделявший мнений Петрашевского, оставляя его собрания, не считали противным своей совести не доносить о них, как о собраниях обыкновенных. Не довольствуясь этим, Петрашевский устремил преступные свои помыслы к скорейшему достижению переворота, уже не путем мира, а действиями насильственными, для чего пытался уже образовать тайные общества, отдельно от своих собраний, и в этих видах из числа лиц, посещавших его собрания, оказавших более прочих склонность к свободомыслию, сводил помещика Спешнева с отставным подпоручиком Черносвитовым и имел с ними преступные разговоры о возможности восстания в Сибири, а вслед за тем сводил Спешнева же с поручиком Момбелли и участвовал с ними в совещаниях об учреждении тайного общества под названием товарищества или братства взаимной помощи.

При следствии Петрашевский не только не скрывал желания полного и совершенного преобразования быта общественного в России, но явно сознавая себя фурьеристом и социалистом, объявил, что он желал стать во главе разумного движения в народе русском.

2) В постепенном развитии исследования о собраниях у Петрашевского, комиссия раскрыла еще, что у двух из его посетителей, титулярного советника Кашкина и коллежского асессора Дурова, были в известные дни собрания, в том же социальном и либеральном духе.

Собрания у Кашкина начались с ноября месяца прошлого 1848 года и состояли из кружка не столь многочисленного, но более единомышленного, чем круг Петрашевского, в нем была определенная цель: изучение систем социальных и коммунистических и, по преимуществу, системы Фурье.

Кружок этот составляли (кроме коллежского советника Дебу 1-го) молодые люди высшего гражданского воспитания, все одинаково образованные, равные и по положению своему в обществе и по своему состоянию. Некоторые из них безотчетно предались социальным утопиям, в смысле науки, некоторые желали применить их в быту России, другие же помышляли уже и о возможно скорейшем приведении их в действие, и все это выражали на бывших у них сходках. Здесь, между прочим, сделано было соглашение составить библиотеку на общие деньги из социальных и либеральных книг, и распорядителем этой библиотеки назначен был коллежский советник Дебу 1-й, который выписывал те книги чрез посредство Буташевича-Петрашевского; наконец, положено было сделать на общие же деньги, в квартире одного из участников, коллежского секретаря Европеуса, обед в честь Фурье, назначив для сего день его рождения, и на этом обеде, бывшем 7 апреля сего года, произнесены были самые преступные речи против существующего порядка вещей и положено было, для успешнейшего распространения учения Фурье, перевести на русский язык его сочинения.

Собрания у коллежского асессора Дурова были тоже немногочисленны и существовали весьма короткое время (с начала марта до половины апреля месяца сего года, по одному разу в неделю). Кружок этот состоял из лиц, посещавших Буташевича-Петрашевского, но менее смешанный, нежели у сего последнего. Цель собраний сначала была чисто музыкально-литературная, впоследствии же и на них начали читать сочинения в либеральном духе, сверх того предполагалось еще писать статьи против правительства и распространять их посредством тайной литографии, что однакож, по общему соглашению, оставлено без исполнения, и самые вечера, как отступившие от первоначальной своей цели, прекратились.

3) Поводом к подозрению о существовании тайного общества под названием Русского был найденный у одного из посетителей собраний Петрашевского, помещика Спешнева, проект подписки для вступления в Русское тайное общество, с обязательством выступить на бунт вооруженною рукою, по требованию распорядительного комитета и с обязанностью афильировать в это общество новых членов. Но Спешнев признался только в том,

что, заразившись коммунистскими идеями во время четырехлетнего пребывания своего за границею, он мечтал о способах произвести переворот и в нашем общественном быте, а обязательная подписка, в бумагах его найденная, была лишь один проект, написанный им несколько лет назад, которого он никому не показывал. Хотя же в заключении сей подписки содержится обязательство: «Я переписываю для себя один экземпляр сих условий и храню его у себя как форму для аффилиации другим», но ни у одного из обвиняемых, несмотря на внезапное арестование их бумаг, подобной копии не найдено, и ни один ни собственным сознанием, ни опечатанными бумагами не уличен, чтобы знал о существовании этого общества.

4) Подозрение о преступных замыслах отставного подпоручика Черносвитова возбуждено показанием того же помещика Спешнева, который, между прочим, объяснил, что Черносвитов, в бытность в конце 1848 года в С.-Петербурге, в совещаниях с Спешневым и Петрашевским, наводя на мысль о вероятном существовании тайного общества в России, рассказывал о способах к восстанию и, указывая на Восточную Сибирь и на Урал, излагал даже и самый план восстания в смысле возможности оного.

Петрашевский, с своей стороны, не только подтвердил показание Спешнева, но еще прибавил, что Черносвитов неоднократно внушал ему мысль на цареубийство и рассказывал, что он член какого-то тайного общества, состоящего из 16 человек.

Но Черносвитов, по распоряжению комиссии арестованный в Сибири и доставленный в С.-Петербургскую крепость, не сознавая себя государственным преступником и отвергая всякое участие в каком бы то ни было тайном обществе, показал, что на собрании у Петрашевского он дозволял себе иногда резкие суждения о начальстве и о правительстве и, увлекаясь мыслию о будущности Сибири, которую любит как родину, действительно не раз называл ее Великою Империею. Относительно же прочих на него показаний Черносвитов отозвался, что преступные мысли о восстании в Сибири не могли бы родиться у Петрашевского и Спешнева без его с ними разговоров, и он, не смея оправдывать ни страсти своей к подобным рассказам, ни своей неосмотрительности, признает виновным себя более их, потому что

он старее и опытнее, и ему не должно было рассуждать с ними о делах государственных.

5) Поручик Момбелли, быв заражен в высшей степени преступными идеями, сделал в конце 1848 года предложение: сперва штабс-капитану Львову, а потом Петрашевскому и помещику Спешневу об учреждении тайного общества, под названием товарищества или братства взаимной помощи, из прогрессистов и людей передовых мнений, которые могли бы двинуть гражданский быт вперед на новых началах, посредством возвышения друг друга. Для сего происходили в квартире Спешнева совещания, причем Момбелли предлагал составить комитет из учредителей для управления обществом и указал на необходимость хранить все это втайне, под опасением смерти изменнику. Львов определял состав общества, а Спешнев читал написанный им план тайного общества на восстание. Однакож общество это, по разногласию совещавшихся, не состоялось. При этом нельзя не заметить, что Момбелли, по собственому его выражению, был одним из самых гнусных либералов, и такое вредное направление его ума доказывается, кроме описанного преступного его замысла, найденными у него разными рукописными сочинениями, в которых изложены демагогические мысли в отношении России и в высшей степени дерзкие отзывы о священной особе вашего императорского величества.

И наконец, 6) Выводимое, по наблюдениям агентов, из речей мещанина Петра Шапошникова намерение приступить к бунту, при самом внимательном исследовании комиссии, не подтвердилось. Обнаружено однакож, что Шапошников, питая вредный образ мыслей и будучи подстрекаем посещавшим его студентом Толстовым и сыном почетного гражданина Катеневым, людьми развратного поведения, вел с ними у себя в квартире преступные разговоры о религии и правительстве, и рассуждал о возможности ввести в России республику, причем один раз Катенев (в нетрезвом виде) вызывался даже на цареубийство.

7) При исследовании всех описанных обстоятельств, комиссия обращала особенное внимание на то, не имели ли вышеозначенные сходки тайно условленной между собою связи. Но не нашла к тому ни доказательств, ни улик. Организованного тайного общества не обнаружено, чему служат ясным доказательством неоднократные

и неудачные попытки образовать оное. Хотя отдельные лица желали быть пропагаторами и были таковыми, но ни благоразумное годичное наблюдение за их действиями, предшествовавшее учреждению комиссии, ни тесная связь, в которую так удачно вступил агент с Петрашевским и другими его единомышленниками, ни допросы, учиненные арестованным лицам, на коих, до их собственного сознания, падало одно только подозрение, ни строгий разбор всех их бумаг особою комиссиею, ни пятимесячное заключение обвиняемых в казематах, сильно расстроившее здоровье и даже нервную систему некоторых из них, ниже искреннее раскаяние многих не довели к подобному открытию. Самые главные виновные, несмотря на то, что сознались в таких преступлениях, которые положительно подвергают их строгому, по законам, наказанию, не указали существования какого-либо организованного тайного общества, которое имело бы отрасли в разных слоях народа. Хотя некоторые из лиц, прикосновенных к делу, иные по служебным занятиям, другие по частным надобностям, ездили вовнутрь России, но комиссия не могла признать их миссионерами общества, не имея никаких положительных к тому данных, наиболее тогда, как, при всем усиленном разыскании, существование организованного тайного общества, ни плана общего движения — не доказано.

Изложив, таким образом, главные черты дела, комиссия пишет, что если и этого, к сожалению, достаточно для признания, что были замыслы на ниспровержение и превращение государственного нашего устройства, то нельзя, однакож, не заметить с радостным для русского сердца чувством, что на попрание святых обетов присяги дерзнула доныне только горсть людей ничтожных, большей частью молодых, что горсть эта, сколько строгим исследованием дознано, весьма немногочисленна, что ни собственно в среде ее, ни в ее соучастниках, не является ни одного лица, стяжавшего себе не только значительность, но даже известность, наконец, что начинания этой несчастной толпы, при всей ее преступности, были безумны и во всех отношениях чужды нравам, понятиям и чувствам русского народа и войска нашего, в котором самые важнейшие преступники находили невозможным обрести какое-либо сочувствие. При всем том комиссия полагает, что и открытого уже совершенно достаточно, дабы обратить на себя самое бдительное

внимание правительства. Россия имеет могучие опоры противодействия, которые Европою уже утрачены: религию, преданность народа к государю императору, сильное и верное войско; сверх того ее ограждают дальность расстояний, немногочисленное по пространству народонаселение и малое число пролетариев. Как ни сильны сии надежды, но со злом должно бороться и нельзя поручиться, чтобы и впредь не возникли у нас замыслы, подобные настоящим: ибо единомыслие заключается не в обществе условленном, а в самом духе социального учения, не столько в делах, сколько в идеях. Числа людей в России, зараженных таким духом, комиссия определить не может, но она имеет нравственное убеждение, что они есть и сверх открытых ныне; что маяк их на Западе; что число их, по всей вероятности, будет умножаться и, следовательно, частные покушения и попытки могут проявляться и в будущем времени.

В заключение комиссия всеподданнейше повергала на высочайшее вашего величества воззрение те убеждения, которые возникли в ней при рассмотрении этого дела и которые, по мнению ее, имеют также особенную важность для будущего:

1) Общественное обучение требует особого наблюдения как относительно духа и направления преподавания вообще, так и относительно строгого выбора учителей и проверки их преподавания.

2) Огромное количество вторгающихся к нам иностранных сочинений самого опасного содержания, способствующих превратному образу мыслей, доказывает, что или цензура наша недовольно осмотрительна, или что принимаемые против ввоза запрещенных книг меры не довольно еще бдительны и строги.

3) Собственная наша журналистика требует самого осмотрительного цензурного надзора. Хотя в последнее время, по высочайшей вашего императорского величества воле, на сей важный предмет обращено уже особенное внимание, но многие выпущенные из высших учебных гражданских заведений молодые люди, не довольствуясь служебными окладами, для подкрепления своих средств обращаются к составлению журнальных статей, а в числе сих статей, при недостатке бдительности цензуры, нередко прорываются такие, коих направление явственно вредно, и посредством сего легкого способа зараженные уже вольнодумством сочинители раз-

ливают яд свой во внутренность государства и в умы, чуждые еще пагубных мечтаний. Переводы статей о социальных движениях в Европе, помещаемые в наших русских газетах, требуют также бдительного наблюдения со стороны правительства.

Наконец, 4) Настоящий разврат умов, прилипчивость вредных идей, соблазнительность некоторых новых учений для голов слабых и неопытных, подрыв священных основ, на коих утверждается незыблемость и благоденствие государств,— все сие указывает прямо на необходимость строго наблюдать за движением общественного состава не только в его целом, но и в частностях, следственно, на необходимость возможно бдительного наблюдения со стороны всех полицейских начальств за сборищами и собраниями, дабы не могли из них постепенно образоваться те анархические союзы и клубы, которых печальные плоды разрушили благоденствие Запада...

«Петрашевцы». Сб. материалов, т. III, Редакция П. Е. Щеголева. М.-Л., Госиздат, 1928, стр. 281—288.

№ 28.— Ф. М. Достоевский о петрашевцах

...Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали нам приговор без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех; но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почли бы за бесчестие отречься от своих убеждений. Это дело давно прошедшее, а потому, может быть, и возможен будет вопрос: неужели это упорство и нераскаяние было только делом дурной натуры, делом недоразвитков и буянов? Нет, мы не были буянами, даже, может быть, не были дурными молодыми людьми. Приговор смертной казни расстрелянием, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно-страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь в себя и проверяя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь,— может быть и рас-

каивались в иных тяжелых делах своих — (из тех, которые у каждого человека всю жизнь лежат втайне на совести); но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом — представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится! И так продолжалось долго. Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга...

Ф. М. Достоевский. Одна из современных фальшей.— Полное собрание сочинений, т. IX. Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1895, стр. 341—342.

6. КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

№ 29.— Н. И. Костомаров о программных положениях Кирилло-Мефодиевского общества

«...Все вероисповедания должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, как бесполезная при свободе.

Относительно языка, который бы должен был сделаться общим для славян, не решалось окончательно, но предполагался язык великорусский, как наиболее распространенный. Предполагалось обязательное обучение народа.— Уничтожение крепостного права, дворянских и всяких привилегий, уничтожение смертной казни и телесных наказаний, исключая карантинных законов и времени войны...

Россия должна была разбиться на части или штаты: северный, северо-восточный, юго-восточный, два поволжских—верхний и нижний, два малороссийских, один средний, два южных, два сибирских, один кавказский; Белоруссия составляла отдельный штат, (также) Польша, Чехия с Моравией, Сербия, Болгария; часть Галиции присоединялась к Польше, другая к западному малороссийскому штату и т. д. Такое деление не признавалось окончательным и могло быть перестроено сообразно экономическим и другим потребностям.

Киев не должен был принадлежать ни к какому штату, а назначался центральным городом собрания общего

сейма. В сейме — две камеры: в одной выбранные сенаторы и министры, в другой депутаты. Общий сейм должен был собираться через каждые 4 года и чаще, в случае необходимости. В каждом штате был свой сейм, который собирался ежегодно, свой президент и сенат. Верховная и центральная власть предоставлялась президенту, выбираемому на 4 года, и двум министрам: иностранных дел и внутренних дел.

Для общей защиты федерации от внешних врагов предполагалось иметь регулярные войска, но не в большом количестве, так как в каждом штате была своя милиция и все учились военному искусству на случай общего ополчения.»

В. И. Семевский. Николай Иванович Костомаров. 1817—1885 гг.— «Русская старина». СПб., 1886, т. 49, стр. 187—188.

№ 30.— «Программа» Кирилло-Мефодиевского общества

... 1. Принимаем, что духовное и политическое соединение славян есть истинное их назначение, к которому они должны стремиться.

2. Принимаем, что при соединении каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность, и таким племенем признаем южноруссов, северноруссов с белоруссами, поляков, чехов со словенцами, лужичан, иллиросербов с хорутанами и болгар.

3. Принимаем, что каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное равенство сограждан по их рождению, христианским вероисповеданиям и состоянию.

4. Принимаем, что правление, законодательство, право собственности и просвещение у всех славян должно основываться на святой религии господа нашего Иисуса Христа.

5. Принимаем, что при таковом равенстве образованность и чистая нравственность должны служить условиям участия в правлении.

6. Принимаем, что должен существовать общий славянский собор из представителей всех племен.

«Русский архив». М., 1893, № 7, стр. 399—400.

№ 31.— «Главные правила» Кирилло-Мефодиевского общества

1. Устанавливаем общество с целью распространения вышеизложенных идей, преимущественно посредством воспитания юношества, литературы и умножения числа членов общества. Общество именует своими покровителями святых просветителей Кирилла и Мефодия и принимает своим знаком кольцо или икону, с именем или изображением снх святых.

2. Каждый член общества произносит присягу, при поступлении, употреблять дарования, труды, состояния, общественные свои связи для целей общества, и ежели бы какой член претерпел гонение и даже мучение за принятые обществом идеи, то, по данной присяге, он не выдаст никого из членов, своих братий.

3. В случае если член попадет в руки врагов и оставит в нужде семейство, общество помогает ему.

4. Каждый принятый член общества может принять нового члена без необходимости сообщать ему об именах прочих членов.

5. В члены принимаются славяне всех племен и всех званий.

6. Совершенное равенство должно господствовать между членами.

7. Так как славянские племена в настоящее время исповедовают различные вероисповедания и имеют предубеждения друг против друга, то общество будет стараться об уничтожении всякой письменной и религиозной вражды между ними и распространять идею о возможности примирения разногласий в христианских церквах.

8. Общество будет стараться заранее об искоренении рабства и всякого унижения низших классов, равным образом и о повсеместном распространении грамотности.

9. Как все общество в совокупности и каждый член должны свои действия соображать с евангельскими правилами любви, кротости и терпения, правило же: цель освящает средство общество признает безбожным.

10. Несколько членов общества, находясь в одном известном месте, могут иметь свои собрания и постановлять частные правила для своих действий, но так чтобы

они не противоречили главным идеям и правилам общества.

11. Никто из членов не должен объявлять о существовании общества тем, которые не вступают или не подают надежды вступить в него.

«Русский архив». М., 1893, № 7, стр. 400—401.

№ 32.— Одна из прокламаций[1] Кирилло-Мефодиевского общества. 1847 г.

Братья украинцы!

Это рассуждение предлагаем вам перед глаза и даем на размышление: хорошо ли так будет, как эти пункты скажут:

1) Мы принимаем, что все славяне должны между собою соединиться.

2) Но так, чтоб каждый народ составлял особенную Речь Посполитую и управлялся не слитно с другими, так чтоб каждый народ имел свой язык, свою литературу, свое общественное устройство. Такими народами признаем: великороссиян, украинцев, поляков, чехов, лужичан, хорутан, иллиро-сербов и болгар.

3) Чтоб единствовал сейм или славянское собрание, где бы сходились депутаты от всех республик славянских, и там рассуждали бы и решали дела, которые относятся ко всему союзу славянскому.

4) Чтоб в каждой республике был правитель, избранный на время, и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время.

5) Чтобы в каждой республике было всеобщее равенство и свобода и никакие различия сословий.

6) Чтоб депутатами и чиновниками делали не по происхождению и не по имуществу, а по уму и образованности, народным выбором.

7) Чтоб вера Христова была основанием законодательства и общественного порядка в целом союзе и в каждой республике.

Вот, братья украинцы, жители Украины обеих сторон Днепра, мы даем вам это на размышленне; прочитайте

---

[1] Другая прокламация обращена к великороссиянам и полякам.— *Прим. сост.*

со вниманием и пусть каждый думает, как достигнуть этого, и как бы лучше сделать. Много голов, много умов,— говорит пословица. Если вы об этом станете прилежно думать, то когда придет пора вам заговорить об этом, господь дарует вам смысл и уразумение.

«Былое». Журнал, посвященный истории освободительного движения. Год первый, № 2, февраль, 1906. Петербург, стр. 67—68.

№ 33.— Доклад шефа жандармов А. Ф. Орлова Николаю I об окончании дознания по делу Кирилло-Мефодиевского общества

28 мая 1848 г.

«В недавнем времени открыто, что молодые ученые люди в Киеве, почти все уроженцы Малороссии, составляли украйно-славянское общество св. Кирила и Мефодия. Учредители общества были: коллежский секретарь Гулак, адьюнкт Костомаров и кандидат Белозерский, но с ними, по сходству занятий сближались и другие молодые люди, большею частью учившиеся в университете св. Владимира.

Цель общества состояла в присоединении к России иноземных славянских племен, а средствами оно полагало воодушевление славянских племен к уважению собственной их народности, изгнание из нравов их всего иноземного, уничтожение вражды и водворение согласия между ними, склонение их к исповеданию одной православной веры, заведение училищ и издание книг для простого народа.

У некоторых из участников украйно-славянского общества были найдены, не применявшиеся, впрочем, к обществу: Устав, по правилам которого в славянских племенах должны бы учредиться народно-представительное правление; рукопись преступнейшего содержания, служащая как бы истолкованием тому же Уставу; другая рукопись, называемая: «Закон божий» или «Поднестранка», переделанная из Мицкевичевой «Пилигримки», исполненная революционных и коммунистических правил с возмутительными воззваниями в конце к славянским племенам, и другие преступные сочинения.

Должно еще заметить, что идеи о восстановлении в каждой земле народности, языка, собственной литературы и соединение славянских племен в одно целое не

принадлежат одним лицам, прикосновенным к упомянутому делу, но составляют предмет рассуждений многих ученых, и из них занимающиеся исследованиями вообще о славянах называются славянофилами.

В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украйнофильство. Там молодые люди более заботятся о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы казачества и гетманщины.

Прикосновенные к делу об украйно-славянском обществе, как уроженцы Малороссии, были собственно украйнофилами. Все они в письмах своих, а художник Шевченко, бывший учитель Кулеш и Костомаров даже в напечатанных ими сочинениях, изображая в ложном виде настоящее положение Украйны, будто бы находящейся в бедственном положении, с восторгом говорили о прежней Малороссии, придавая ей необыкновенное великое значение; историю этого края представляли едва ли не знаменитее всех историй, наезды гайдамаков описывали в виде рыцарства, приводили примеры прежней вольности, намекая, что дух свободы не простыл и доселе таится в малороссиянах. Стихотворения же Шевченко на малороссийском языке, особенно рукописные: «Сон», «Послание к мертвым и живым», «Три души» и проч.; одне пасквильного и до величайшей степени дерзкого, а другие прямо возмутительного содержания.

По высочайше утвержденному решению дела об украйно-славянском обществе, виновные преданы строгому наказанию; сверх того определено:

1) Напечатанные сочинения: Шевченко — «Кобзарь» 1840 года; Кулеша — «Повесть об Украинском народе» 1846, «Украина» 1843 и «Михайло Чернышенко» 1843 года; Костомарова, под псевдонимом Иеремии Галки — «Украинские баллады» 1839 и «Ветка» 1840 года запретить и изъять из продажи.

2) Генерал-адъютантам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях, не остались ли в обращении стихотворения Шевченко, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения; также не питаются ли мысли о прежней вольнице, гетманщине и о мнимых правах на отдельное существование; чтобы обращали внимание на тех, которые преимущественно занимаются малороссийскими древно-

стями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований и сколь возможно не раздражая уроженцев Малороссии.

3) Министру народного просвещения, который уже принял меры для направления трудов ученых к рассуждениям о народности, языке и литературе собственно русских, объявить еще положительное высочайшее повеление, чтобы наставники и писатели действовали в духе и видах нашего правительства, отнюдь не допуская ни на лекциях ни в книгах и журналах никаких предложений о присоединении к России иноземных славян, и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым; чтобы они рассуждали сколь возможно осторожнее там, где дело идет о народности или о языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовию к отечеству, империи и изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом, положении подвластных племен; чтобы все выводы ученых и писателей клонились не к возвышению Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи, в совокупности народов, ее составляющих; чтобы цензоры обращали строжайшее внимание на московские, киевские и харьковские периодические издания и на все книги, печатаемые в славянофильском духе, не допуская в них тех полутемных и двусмысленных выражений, которыми они изобилуют и которые, хотя не заключают в себе злоумышленной цели, могут однакоже людей злонамеренных приводить к предположениям о самостоятельности и прежней вольнице народов, подвластных России».

«Борьба классов. Исторический журнал», № 1—2, Л., 1924, стр. 253—255.

№ 34.— Обвинительное заключение по делу Т. Г. Шевченко

Художник С.-Петербургской Академии художеств Тарас Шевченко. Этот художник вместо того, чтобы вечно питать благоговейные чувства к особам августей-

шей фамилии, удостоившим выкупить его из крепостного состояния, сочинял стихи, на малороссийском языке, самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украйны, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. Сверх того, что все запрещенное увлекает молодость и людей с слабым характером, Шевченко приобрел между друзьями своими славу знаменитого малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С... стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастии возвратить эти времена и о возможности Украйне существовать в виде отдельного государства.

Судя по этому чрезмерному уважению, которое питали и лично к Шевченко и к его стихотворениям все украйно-славянисты, сначала казалось, что он мог быть если не действующим лицом между ними, то орудием, которым они хотели воспользоваться в своих замыслах; но с одной стороны, эти замыслы были не столь важны, как представлялось при первом взгляде, а с другой — и Шевченко начал писать свои возмутительные сочинения еще с 1837 года, когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к украйно-славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственною испорченностию. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников.

По высочайше утвержденному решению постановлено:

Шевченко определить рядовым в отдельный оренбургский корпус, с правом выслуги, под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

«Былое». Журнал, посвященный истории освободительного движения. Год первый, № 8, август, 1906, Петербург, стр. 11.

7. ТЕОРИЯ «ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ»

№ 35.— Из доклада С. С. Уварова Николаю I о десятилетней деятельности Министерства народного просвещения (1833—1843 гг.)

19 ноября 1833 г.

...Углубляясь в рассмотрение задачи, которую предлежало решить без отлагательства, задачи, тесно связанной с самою судьбою отечества,— независимо от внутренних и местных трудностей этого дела,— разум невольно почти предавался унынию и колебался в своих заключениях при виде общественной бури, и в то время потрясавшей Европу и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью. Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейного. Без любви к вере предков, народ как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия,* сколь и на похищение одного перла из венца мономахова. *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных вашего величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношениях к правительству. Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться.

Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность.* Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории русского царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа. Просвещение настоящего и будущего поколений, в соединенном духе этих трех начал, составляет несомненно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и тот священный труд, который доверенность вашего величества возложила на мое усердие и рвение....

«Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843». СПб., 1864, стр. 2—4.

№ 36.— Пропаганда теории «официальной народности» С. Шевыревым

...Мы сохранили в себе чистыми три коренные чувства, в которых семя и залог нашему будущему развитию.

Мы сохранили наше древнее чувство религиозное. Крест христианский положил свое знамение на всем первоначальном нашем образовании, на всей русской жизни. Этим крестом благословила нас еще древняя мать наша Русь и с тем отпустила нас в опасную дорогу Запада...

Второе чувство, которым крепка Россия и обеспечено ее будущее благоденствие, есть чувство ее государствен-

ного единства, вынесенное нами также из всей нашей истории. Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего политического бытия, как наше отечество. На Западе почти повсюду раздор нача́л признан законом жизни, и в тяжкой борьбе совершается все существование народов. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему. Вот сокровище, вынесенное нами из нашей древней жизни, на которое с особой завистью смотрит разделенный в себе Запад, видя в нем неиссякаемый источник государственного могущества....

Третье коренное чувство наше есть осознание нашей народности и уверенности в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народною мыслию и словом. В этом чувстве таится причина нашей нерешимости продолжать литературное развитие с изнемогающим Западом; в этом чувстве мощная преграда всем его искушениям; об это чувство разбиваются все частные бесплодные усилия наших соотечественников привить к нам то, что нейдет к русскому уму и к русскому сердцу; это чувство есть мера прочного успеха наших писателей в истории литературы и образования, есть пробный камень их оригинальности... Это чувство устремляет теперь нас к изучению нашей древней Руси, в которой конечно хранится первоначальный чистый образ нашей народности. Само правительство деятельно призывает нас к тому. Этим чувством роднятся и действуют заодно наши обе столицы, и то, что́ замышленно в северной, проходит через Москву, как через сердце России, для того, чтобы обратиться в кровь и живые соки нашего народа. Москва есть то верное горнило, в котором пережигается все пришлое с Запада и получает чистую печать русской народности.

Тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно ее будущее. Муж царского совета [1], которому вверены поколения образующиеся, давно уже выразил их глубокою мыслию, и они положены в основу воспитания народа...

---

[1] Министр народного просвещения С. С. Уваров.— *Прим. сост.*

В гибельные эпохи переломов и рушений, какие представляет история человечества, провидение посылает в лице иных народов силу хранящую и соблюдающую: да будет же такою силою Россия в отношении к Западу! да сохранит она на благо всему человечеству сокровища его великого протекшего и да отринет благоразумно все то, чтó служит к его разрушению, а не к созиданию! да найдет в самой себе и в своей прежней жизни источник своенародный, в котором все чужое, но человечески прекрасное сольется с русским духом, духом обширным, вселенским, христианским, духом всеобъемлющей терпимости и всемирного общения!

С. Шевырев

С. Шевырев. Взгляд русского на современное образование Европы.— «Москвитянин», 1841, № 1, стр. 292—296.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. О «Вехах». Полн. собр. соч., т. 19.

В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21.

В. И. Ленин. Роль сословий и классов в освободительном движении. Полн. собр. соч., т. 23.

В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25.

* * *

Аксаков К. С. Сочинения, т. 1. М., 1886—1887 (т. 2. Славянофильство и западничество).

Аксаков К. С. Воспоминания студентства (1832—1835 гг.), СПб., 1911.

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.—Л., 1960.

Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний. СПб., 1905.

Белинский В. Г. Собрание сочинений в трех томах. М., 1948.

«Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948.

«Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951.

«Восстание декабристов». Документы, т. 1—12. М.—Л., 1925—1969.

Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. М., Изд-во АН СССР, 1954—1956; т. II. Дневник 1842—1845. 1954; т. III. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы, 1954; т. IV. Кто виноват? 1955; т. VII. О развитии революционных идей в России. Русский народ и социализм, 1956; т. VIII—IX. Былое и думы, ч. I—V, 1956.

«Герцен в воспоминаниях современников». М., 1956.

Горбачевский И. И. Записки. М., 1963.

«Дело петрашевцев», т. 1—3. М.—Л., 1937, 1941 и 1951.

«Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. 1—3. М., 1951.

«Из писем и показаний декабристов». Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906.

«Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1833 годы)». Берлин, 1884.

«Междуцарствие 14 декабря 1825 г. в мемуарах и переписке членов царской семьи». Под ред. Б. Е. Сыроечковского. М., 1925.

Никитенко А. В. Дневник, т. I. М., 1955.

Трубецкой С. П. Записки. СПб., 1907.

«Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953.

Чаадаев П. Я. Сочинения и письма, т. 1—2. М., 1913—1914.

Щеголев П. Е. Петрашевцы в воспоминаниях современников. М.—Л., 1926.

«Записки, статьи, письма декабриста Якушкина И. Д.». М., 1951.

* * *

«Белинский и современность». Сб. статей. М., 1964.

Бродский Н. Л. Ранние славянофилы. М., 1910.

Венгеров С. А. Передовой боец славянофильства Константин Аксаков. СПб., 1912.

Гершензон М. О. История молодой России. М.—Л., 1923; его же. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. М., 1908.

Дмитерко Я. Д. Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко. М., 1954.

Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство.— «Историк-марксист», 1941, № 1.

Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959. (Библиография, стр. 161—167).

«Идеи социализма в русской классической литературе». Сб. статей. Л., 1969.

Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевцы. М., 1963.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература. 1826—1855. СПб., 1909.

Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.

Нечаева В. С. В. Белинский. Жизнь и творчество, т. 1—4. М., 1949—1967.

Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1951; ее же. Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955.

Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962.

Очерки из истории движения декабристов. Сб. статей. М., 1954.

Плеханов Г. В. Западники и славянофилы. Собр. соч., т. 23. М.—Л., 1923.

Поляков М. Я. Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960.

Пыпин А. Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1906.

Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, т. I. М., 1922; его же. Общественно-политические идеи декабристов. СПб., 1909.

Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969.

«Тимофей Николаевич Грановский». Сб. статей. М., 1970.

Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. М., 1963.

Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958.

Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960.

Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947; отд. изд. 1953 г.

СОДЕРЖАНИЕ